

ISSN 2658-7041

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

ISSUES OF ETHNOPOLITICS

Academic Journal

Основан в 2018 г.
Founded in 2018

2
2019

ISSUES OF ETHNOPOLITICS
Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year

Founder and Publisher –
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Journal “ISSUES OF ETHNOPOLITICS” is included in the Russian Science Citation Index.

Objectives and field of study

“Issues of Ethnopolitics” is a peer-reviewed journal dedicated to current theoretical and scientific-practical problems of ethnopolitics. The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research in the field of the study of ethnopolitical and ethnocultural processes. The main focus of the publication is scientific articles devoted to research in the field of ethnopolitology and ethnosociology, nation-building, political linguistics, ethnoconflictology, migration processes, and ethnocultural diversity of Russia. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of a complex of theoretical, scientific and practical problems of the implementation of the state national policy. The journal accepts original articles for publication, comprehensive studies of Russian and foreign authors, previously unpublished research reports.

ISSUES OF ETHNIPOLITICS is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 23.11.2018, reg. No. FS77-74388

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

Tel: + 7(495)250-67-44

E-mail: ethnopolitics@rggu.ru

Website: <http://ethnopolitics-journal.ru>

ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал «ВОПРОСЫ ЭТНОПОЛИТИКИ» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Цели и область

«Вопросы этнополитики» – рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам этнополитики. Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований в области изучения этнополитических и этнокультурных процессов. Основная направленность издания – научные статьи, посвященные исследованиям в области этнополитологии и этносоциологии, нациестроительства, политической лингвистики, этноконфликтологии, миграционных процессов, этнокультурного многообразия России. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем реализации государственной национальной политики. Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 23.11.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77–74388 от 23.11.2018

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: + 7(495)250-67-44

Электронная почта: ethnopolitics@rggu.ru

Сайт: <http://ethnopolitics-journal.ru>

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

M.A. Omarov, Dr. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

N.M. Gadzhimuradova, Cand. of Sci. (Politics), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

A.I. Masalovich, Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), Inforus Consortium, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

O.Y. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

E.N. Chernysheva, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation (*first deputy editor-in-chief*)

Editorial Council

M.M. Magomedov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Staff of the Presidential Executive Office, Moscow, Russian Federation

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

O.V. Melnichenko, Cand. of Sci. (History), Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs, Moscow, Russian Federation

I.I. Gilmutdinov, State Duma Committee on Issues of Nationalities, Moscow, Russian Federation

T.V. Vagina, National Policy Department of the Internal Politics Office of Russian President Administration, Moscow, Russian Federation

V.I. Suchkov, Moscow city Committee on Interregional Relations and Nationalities Policy, Moscow, Russian Federation

V.A. Avksentev, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Federal Research Center «Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Rostov-na-Donu, Russian Federation

V.A. Achkasov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

A.G. Bolshakov, Dr. of Sci. (Politics), professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

L.M. Drobizheva, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.Y. Zorin*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.I. Kovalenko*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- M.Y. Martynova*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
- V.A. Mikhailov*, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
- N.M. Mukharyamov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation
- O.V. Pavlenko*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- Y.P. Shabaev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation
- O.F. Shabrov*, Dr. of Sci. (Politics), professor, Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Executive editor:

O.Y. Roldugina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

М.А. Омаров, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Н.М. Гаджимурадова, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (ответственный секретарь)

А.И. Масалович, кандидат физико-математических наук, Консорциум «Инфорус», Москва, Российская Федерация (первый заместитель главного редактора)

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Е.Н. Чернышева, кандидат философских наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация (заместитель главного редактора)

Редакционный совет

М.М. Магомедов, доктор экономических наук, профессор, Администрация Президента РФ, Москва, Российская Федерация

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Мельниченко, кандидат исторических наук, Совет Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, Москва, Российская Федерация

И.И. Гильмутдинов, Государственная Дума ФС РФ по делам национальностей, Москва, Российская Федерация

Т.В. Вагина, Управление Президента РФ по внутренней политике, Москва, Российская Федерация

В.И. Сучков, Департамент национальной политики и межрегиональных связей, Москва, Российская Федерация

В.А. Авксентьев, доктор философских наук, профессор, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В.А. Ачкасов, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

А.Г. Большаков, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, Российская Федерация

- Л.М. Дробижева*, доктор исторических наук, профессор, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
- В.Ю. Зорин*, доктор политических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.И. Коваленко*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ю. Мартынова*, доктор исторических наук, профессор, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН), Москва, Российская Федерация
- В.А. Михайлов*, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация
- Н.М. Мухарямов*, доктор политических наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет (КГЭУ), Казань, Российская Федерация
- О.В. Павленко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.П. Шабаетов*, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Российская Федерация
- О.Ф. Шабров*, доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

О.Ю. Ролдугина, кандидат философских наук, доцент (РГГУ)

Содержание

Нациестроительство и региональная этнополитика

Кононов Л.А.

Культура миграционных отношений как фактор обеспечения стабильности в обществе 10

Масленников В.М., Ачкасов В.А.

Перспективы вовлечения институтов гражданского общества в осуществление этнической политики в Санкт-Петербурге 24

Шабает Ю.П., Мартыненко А.В.

Экспертный анализ региональных моделей государственной национальной политики в республиках с финно-угорским населением: гражданские интересы, право, этническое антрепренерство и культуртрегерство 40

Этноконфликтология

Ким А.С.

Этнополитическая конфликтность этнической миграции как социального процесса в Дальневосточном регионе (на примере Хабаровского края) 73

Ласария А.О.

Катализаторы этнополитических противоречий в Кавказском регионе 87

Политическая лингвистика

Gilvan Müller de Oliveira

Multilingualism and Languages Policies In Brazil
[Мюллер де Оливейра Ж. Многоязычие и языковая политика в Бразилии] 96

Скаковская Л.Н.

Экспортный потенциал российского высшего образования на русском языке: проблемы и перспективы 108

Международная этнополитика

Абалян А.И.

Курдская проблема в Ираке: история и современность 124

Contents

Nation building and Regional Ethnopolitics

Kononov L.A.

Culture of the migration relations as a factor
of the stability securing in society 10

Maslennikov V.M., Achkasov V.A.

Prospects for the involvement of the civil society institutions
in the implementation of ethnic politics in St. Petersburg 24

Shabaev Yu.P., Martynenko A.V.

Expert analysis of regional models of state ethnic policy
in the republics with Finno-Ugric population. Civic interests,
law, ethnic entrepreneurship and civilizing missionary work 40

Ethnoconflictology

Kim A.S.

The ethnopolitical conflict background for ethnic migration
as a social process in the Far Eastern region
(by the example of Khabarovsk Krai) 73

Lasariya A.O.

Catalysts of ethnopolitical controversies
in the Caucasus region 87

Ethnopolitical Linguistics

Gilvan Müller de Oliveira

Multilingualism and languages policies in Brazil 96

Skakovskaya L.N.

Export potential of Russian higher education in Russian.
Issues and prospects 108

International Ethnopolitics

Abalyan A.I.

The Kurdish issue in Iraq: history and modernity 124

Нациестроительство и региональная этнополитика

УДК 325

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-10-23

Культура миграционных отношений как фактор обеспечения стабильности в обществе

Леонид А. Кононов

*Федеральное государственное казенное военное
образовательное учреждение высшего образования
«Военный университет» Министерства обороны
Российской Федерации, Москва, Россия, kononov50@bk.ru*

Аннотация. В условиях активизации в мире миграционных процессов усиливаются деструктивные проявления миграции населения: массовые беспорядки на почве обострения противоречий между мигрантами и местным населением; организованная преступность в миграционной среде; формирование этнических анклавов мигрантов, экстремизм и терроризм в миграционных отношениях и др. Все эти проявления нарушают стабильность на территориях массовых вселений мигрантов и создают обстановку, близкую к социальному конфликту. Такая ситуация наблюдается во многих странах мира, включая и Россию. Одной из причин деструктивных проявлений миграционных процессов являются культурологические барьеры, возникающие между мигрантами и местным населением в местах массового вселения мигрантов. Стирание этих барьеров будет содействовать сближению культур мигрантов и местного населения, а также способствовать обеспечению стабильности в принимающих обществах. Теоретическому осмыслению этой проблемы и поиску путей ее решения посвящена данная статья.

Ключевые слова: миграция населения, миграционный процесс, миграционная политика, межкультурные коммуникации, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, мультикультурная модель интеграции мигрантов, этнические анклав мигрантов.

Для цитирования: Кононов Л.А. Культура миграционных отношений как фактор обеспечения стабильности в обществе// Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 10–23. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-10-23

Culture of the migration relations as a factor of the stability securing in society

Leonid A. Kononov

*Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia, kononov50@bk.ru*

Abstract. The negative effects of migration intensify in the face of the rising world migration processes: riots on the basis of aggravation of contradictions between the migrants and the local population; organized crime in the migration environment; the formation of ethnic enclaves of migrants, extremism and terrorism in the migration relations and others. All these symptoms disrupt stability in the territories of the mass of the of migrants' settlement, and create an environment close to social conflict. Such situation is observed in many countries of the world, including Russia. One of the reasons for the destructive manifestations of the migration processes are cultural barriers that arise between migrants and the local population in the places of mass migration. The removal of these barriers will help to bring the cultures of migrants and local populations closer together, as well as to make contribution into of host societies stability. This article is devoted to the theoretical understanding of that issue and the search for ways to solve it.

Keywords: population movement, migration process, migration policy, intercultural communications, adaptation of migrants, integration of migrants, multicultural model for an integration of migrants, ethnic enclaves of migrants.

For citation: Kononov, LA. (2019), "Culture of the migration relations as a factor of the stability securing in society", *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 10–23. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-10-23

Методология (Methods)

В процессе написания статьи использовались *методы политических исследований*: 1) *системный анализ* – применялся в процессе научного осмысления культуры миграционных отношений и возможных путей ее повышения в интересах обеспечения стабильности в местах массового вселения мигрантов, проблема рассматривалась в системе факторов, обуславливающих уровень культуры миграционных отношений, а также во взаимосвязи с понятиями: «адаптация мигрантов», «межкультурное взаимодействие», «язык межкультурного общения», «политика адаптации мигрантов», «стабильность общества»; 2) *сравнительно-политический метод* применялся при сопоставлении зарубежной и отечественной политики налаживания межкультурных коммуникаций. Применялись *общенаучные методы* (гипотеза, индукция, дедукция,

анализ, синтез, наблюдение, описание, абстрагирование, аналогия, моделирование, обобщение, формализация, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному).

Концептологические основания исследования (theoretical framework)

Теоретические взгляды автора о культуре миграционных отношений и ее влияние на стабильность в обществе сформированы на базе известных категорий: «культура», «межкультурные коммуникации», «межкультурное взаимодействие», «адаптация и интеграция мигрантов», «язык межкультурного общения». Материал статьи основан на теоретических положениях классиков культурологии [Бахтин 1979; Вебер 1994; Гердер 1977; Теория культуры 2013], концептах адаптации и интеграции мигрантов, изложенных в научных работах [Варшавер, Рочева 2016; Гобозов 2008; Леденева 2014; Мукомель 2016].

В последние десятилетия в мире зафиксирован рост масштабов миграционных процессов, что во многом вызвано: неравномерным экономическим развитием современных государств, порождающим миграцию населения из бедных стран в богатые государства; процессами глобализации, стирающими государственные границы; демографическим кризисом в странах Западной Европы, США, Канаде и России; избытком населения во многих африканских, азиатских странах и странах Латинской Америки, а также ростом числа и масштабов военных конфликтов в мире (Афганистан, Йемен, Ирак, Ливия, Сирия и др.).

Активизация миграционных процессов породила многочисленные конфликты между иммигрантами и местным населением во многих странах-реципиентах. Конфликты на миграционной почве, как правило, вызывают широкий общественный резонанс, подогревают ненависть и вражду в местах массового скопления мигрантов, что создает благоприятную почву для крупных социальных конфликтов, подрывающих стабильность на территориях государств.

Данные деструктивные явления во многом вызваны различиями культур местного и пришлого населения, незнанием, а иногда и нежеланием мигрантов знакомиться с местной культурой, а местного населения – познавать особенности культуры мигрантов. В результате этого в местах массового вселения мигрантов формируются устойчивые культурологические барьеры между иммигрантами и местным населением, без преодоления которых трудно надеяться на стабильность в современных обществах. В этой связи теоретическое осмысление природы возникновения культурологических барьеров между мигрантами и местным населением, научный поиск путей их преодоления являются значимой научной проблемой, решение которой имеет важное международное и государственное значение.

Чтобы осмыслить глубину проблемы и найти пути ее решения, необходимо прежде всего уяснить смысловую нагрузку понятия «культура человека».

По своему смыслу и содержанию понятие «культура» достаточно многозначно. В энциклопедической литературе встречаются различные определения этого понятия. Так, под культурой понимается «...опыт деятельности людей, имеющий, в конечном счете, жизненное значение для всего данного конкретного общества в целом или значимой части его членов. Культура проявляется в словарном фонде и грамматике языка, в структурах и образах мышления, произведениях словесности, различного рода приемах и способах действий, нормах поведения, наконец, различного вида созданных человеком материальных вещах» [Гобозов 2008, с. 130]. В данном определении понятие «культура» раскрывается с двух сторон. С одной стороны, выражается ее сущность, с другой – различные проявления культуры. Имеется множество и других определений культуры, объединенных идейно-теоретическими и методологическими рамками социокультурного подхода [Теория культуры 2013]. Все это указывает на многогранность данного феномена, сложность охватить одним определением все его многочисленные стороны. Поэтому когда речь идет о культуре в сфере миграционных отношений, необходимо прежде всего уяснить смысловой контекст употребления этого термина.

Культура в сфере миграционных отношений в первую очередь основывается на знаниях мигрантами языка и истории страны приема, правовых основ государства, менталитета, традиций, обычаев местного населения, его культурных достижений, а местного населения – на представлениях о менталитете, традициях и обычаях мигрантов, уважительного отношения к ним. Мигранты и местное население должны уметь пользоваться приобретенными знаниями в процессе межкультурных коммуникаций.

Важным в культуре взаимного общения мигрантов с местным населением является *этический компонент*. Предметом этики мигрантов выступают принципы и нормы поведения мигрантов, сформированные в принимающем обществе. В основе их этики лежат такие понятия, как «мораль в сфере миграционных отношений» и «нравственность».

Мораль в сфере миграционных отношений – составная часть этики и представляет собой неоформленный письменно свод правил и норм поведения мигрантов и местного населения, выработанных обществом, сообществом, коллективом (в нашем случае – принимающим обществом), базирующийся на общих представлениях о «добре» и «зле», «чести» и «достоинстве», «справедливости», «совести». Мораль формирует требования к поведению мигрантов и местного населения в процессе их коммуникаций. В отношениях между мигрантами и местным населением моральные установки формируются очень медленно, вначале они строятся на взаимном толерантном отношении друг к другу, потом могут перерасти в свод неписаных правил поведения людей в принимающем обществе.

Нравственность мигрантов и лиц из числа местного населения представляет собой ориентиры поведения индивида, выработанные им самим в ходе своего жизненного опыта. В отличие от морали, нравственность мигранта (или лица из числа местного населения) характеризуется его внутренним убеждением, представлениями о том, что ему можно делать, а что нельзя на территории вселения. К сожалению, не всегда мораль и нравственность мигрантов, а также лиц из числа местного населения совпадают. Нередки случаи, когда нравственные установки субъектов миграционных отношений расходятся с моральными принципами и требованиями, выработанными принимающими обществами, тогда эти поступки воспринимаются обществом как аморальные. В этой связи возникает понимание того, что государственным органам и органам местного самоуправления крайне важно ориентировать свою деятельность в местах массового вселения мигрантов на формулирование моральных принципов поведения мигрантов и местного населения, а также на контроле и оценке соответствия поступков субъектов миграционных отношений сформулированным принципам. На наш взгляд, данное положение представляет собой методологический подход к организации деятельности государственных и муниципальных органов в интересах повышения культуры субъектов миграционных отношений. Такой подход может быть реализован путем активного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления с национально-культурными автономиями и общественными организациями, работающими с мигрантами, по вопросу формулирования моральных принципов поведения иммигрантов, равно как и местного населения по отношению к мигрантам. Государственным органам и органам местного самоуправления с привлечением структур гражданского общества было бы целесообразно изложить моральные принципы поведения субъектов миграционных отношений в форме некоего «Кодекса чести иммигранта» и «Правил этического поведения местного населения в отношении мигрантов», после чего распространить информацию о них в информационном пространстве. Важно также наладить мониторинг со стороны национально-культурных автономий и общественных организаций, работающих с мигрантами, на предмет оценки соответствия поведения субъектов миграционных отношений моральным принципам принимающего общества, изложенным в обозначенных документах. При этом важно, чтобы оценки поведения субъектов миграционных отношений носили общественный характер и обнародовались в местных средствах массовой информации. Создание такого механизма позволит, по нашему мнению, повысить культурный уровень субъектов миграционных отношений, что, несомненно, будет способствовать обеспечению стабильности на территориях массового вселения мигрантов.

Язык межкультурного общения субъектов миграционных отношений – крайне важная сторона культуры, он представляет собой систему лингвистических средств, позволяющих описывать и объяснять

различные события, явления в процессе коммуникаций. Посредством языка осуществляются межкультурные коммуникации мигрантов с местным населением. В России мигранты общаются с местным населением в основном на русском языке, знание его создает условия для бесконфликтного их пребывания / проживания на территориях вселения, что позволяет мигрантам более эффективно осуществлять трудовую деятельность. Владение мигрантами русским языком повышает уровень их коммуникативности и во многом способствует поддержанию стабильности в местах массового вселения. Отсюда крайне важно, чтобы трудовые, вынужденные иммигранты, а также желающие стать гражданами России достаточно хорошо владели русским языком, могли относительно свободно общаться на нем с местным населением. В этой связи представляется конструктивной осуществляемая Российской Федерацией политика содействия обучению иммигрантов русскому языку, контролю владения языком посредством обязательной сдачи ими государственного экзамена. Однако, несмотря на это, многие иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность в России, слабо владеют русским языком, не знают историю и правовые основы государства, что существенно затрудняет общение с местным населением. Чтобы не сдавать экзамены, некоторые мигранты переходят в сегмент незаконной миграции и осуществляют незаконную теневую трудовую деятельность. Это крайне опасная сторона миграции населения, чреватая формированием мигрантами этнических анклавов, несущих угрозу стабильности на территориях массового вселения мигрантов.

Этнические анклав являются одним из наиболее труднопреодолимых препятствий на пути сближения культур мигрантов и местного населения. Коррупция чиновников страны приема, бытовая и иная социальная необустроенность мигрантов, слабое знание ими местного языка, их незащищенность от опасностей и угроз со стороны местного населения вынуждают мигрантов создавать этнические анклав. Посредством анклавов мигранты обособливаются от местного населения, самоизолируются от общества. По представлениям многих мигрантов, анклав позволяет им чувствовать себя в относительной безопасности, возвращаться в знакомой среде, говорить на родном языке, исповедовать религию, которой они привержены. Именно эти ожидания формируют устойчивое стремление многих мигрантов к анклавизации, этим можно объяснить наличие этнических анклавов иммигрантов во многих странах мира.

Однако анклав препятствует сближению культур мигрантов и местного населения. В них господствуют рабский труд, рабские отношения, там находит убежище организованная преступность. Этнические анклав часто становятся источниками распространения наркотиков и инфекционных заболеваний, притонами для пребывания / проживания незаконных мигрантов. Анклав – рассадник экстремизма и терроризма. Формирование этнических анклавов нарушает сложившийся уклад жизни местного населения, радикализует

миграционные отношения между мигрантами и местным населением, а также между самими анклавами, выводя процессы радикализации на уровень неприязни, ненависти и вражды. Анклавы создают условия для активизации экстремистской деятельности лиц, групп, организаций из числа мигрантов и местного населения, что наносит ущерб стабильности общества.

Процессы формирования этнических анклавов мигрантов не обошли стороной и Россию, этому во многом способствует рост притока мигрантов из-за рубежа. По аналитическим материалам МВД России общее количество мигрантов, поставленных на миграционный учет за 9 месяцев 2019 г., превысило 14,9 млн человек по сравнению с тем же периодом 2018 г. (в 2018 г. их было зарегистрировано за 9 месяцев 13,6 млн человек). В результате роста числа этнических анклавов возросло число преступлений с участием иммигрантов, в том числе экстремистской направленности.

Анклавы являются питательной средой для распространения радикальных исламских идеологий, радикальные исламисты в анклавах участвуют в международных террористических операциях. Для разжигания ненависти и вражды в миграционных отношениях они часто используют культурологические различия между мигрантами различных анклавов, а также между мигрантами и местным населением. То же самое можно сказать о радикальных антиисламистах из числа местного населения. Экстремистская деятельность радикальных исламистов и антиисламистов подрывает стабильность на территориях массового вселения мигрантов, создает благоприятную почву для возникновения крупных социальных конфликтов, подобно тем, которые относительно недавно (в марте 2019 г.) имели место в Якутске.

Отмеченный выше деструктивный характер этнических анклавов указывает на необходимость проведения Российской Федерацией политики противодействия им. Здесь уместно отметить, что экстремисты из числа местного населения, разжигающие ненависть к мигрантам, являются гражданами России, поэтому противодействие их экстремистской деятельности лежит в плоскости применения российского законодательства. Экстремистская же деятельность иммигрантов в этнических анклавах – это привнесенная извне проблема. Ее решение намного сложнее, она лежит в нескольких плоскостях: применение российского законодательства о противодействии экстремистской деятельности; миграционной, национальной и трудовой политики государства, а также в плоскости внешней политики Российской Федерации. Поэтому методологический подход противодействия экстремистской деятельности в анклавах, в первую очередь, предполагает комплексный подход к формированию государственной политики по искоренению анклавного образа жизни мигрантов в форматах миграционной, национальной и трудовой политики государства, а также внешней политики Российской Федерации. И здесь на передний план должна выйти государственная политика повы-

пения культурного уровня мигрантов, пребывающих в этнических анклавах. Государству необходимо принимать меры по идентификации лиц, пребывающих в анклавах, их фильтрации – разделению на лиц, случайно или вынужденно «заблудших», не замеченных в преступлениях и не являющихся носителями радикальных идеологий, а также на остальных лиц, в число которых входят: организаторы анклавов, сторонники анклавного образа жизни, совершившие преступления на территории Российской Федерации и за рубежом, носители радикальных идей. В отношении первой категории мигрантов государству целесообразно разрабатывать программы по их легализации и повышению культурного уровня посредством изучения русского языка, истории и правовых основ государства, традиций и обычаев местного населения с последующей сдачей экзамена на знание этих основ. Для другой категории мигрантов необходимо применять меры принудительного выдворения (депортация или административное выдворение) или уголовного преследования.

Адаптация и интеграция мигрантов является наиболее действенным механизмом размывания культурологических барьеров между иммигрантами и местным населением. В отечественной и зарубежной практике применяются следующие меры культурной адаптации: содействие мигрантам в изучении языка, истории и правовых основ государства; ознакомление их с традициями, обычаями местного населения; совместное воспитание детей мигрантов и местных детей в дошкольных учреждениях, совместное обучение в школах и вузах страны, преподавание по специальным образовательным программам, ориентированным на толерантное отношение местного населения к мигрантам, а мигрантов – к местному населению; организация праздников и дней знакомств местного населения с культурой иммигрантов, патронаж мигрантов со стороны общественных организаций и религиозных объединений, организация диалога конфессий на тему недопущения использования религий для разжигания религиозной ненависти и вражды.

На наш взгляд, приведенных выше мер явно недостаточно для эффективного стирания культурологических барьеров между мигрантами и местным населением. Наряду с ними в России могут быть использованы и другие меры. Например, расширение сегмента учреждений высшего образования, где обучаются и совместно проживают в общежитиях мигранты и лица из числа местной молодежи; организация на государственных и местных телеканалах дискуссионных площадок межкультурного обмена между мигрантами и местным населением; организация на регулярной основе встреч представителей государственной местной власти с мигрантами, а также лидеров политических партий и представителей общественных организаций; государственное и общественное субсидирование (посредством государственных и общественных грантов) постановок художественных и документальных фильмов о судьбах иммигрантов, их жизненных проблемах; государственная (грантовая) поддержка

изданий художественной литературы на миграционную тему; государственное содействие проведению научных исследований в области преодоления культурологических барьеров между иммигрантами и местным населением и другие меры. Все это, по нашему мнению, будет способствовать стиранию культурологических барьеров между мигрантами и местным населением, а значит, снижению рисков нарушения стабильности в местах массового вселения мигрантов.

Правовой механизм решения проблемы

Проблемы преодоления культурологических барьеров посредством адаптации и интеграции мигрантов отражены в российском законодательстве. На федеральном уровне вопросам адаптации посвящены законы: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Федеральный закон № 7-ФЗ]; Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [Федеральный закон № 74-ФЗ]; Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Федеральный закон № 131-ФЗ] и др.

Концептуально проблемы адаптации и интеграции мигрантов затронуты в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (Концепция). Так, в п. 23 документа обозначены основные направления государственной миграционной политики в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан:

«формирование институтов и механизмов социальной и культурной адаптации иностранных граждан с учетом их возрастных, профессиональных, национальных, культурных и иных особенностей, а также региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации;

принятие мер, препятствующих возникновению пространственной сегрегации, формированию этнических анклавов и маргинализации находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан, включая оформление документов, удостоверяющих личность, лицам без гражданства, не имеющим таких документов;

обеспечение иностранных граждан независимо от их миграционного статуса, уровня доходов и иных обстоятельств равных возможностей для получения государственных услуг в сфере миграции, в том числе информационных» [Указ Президента РФ № 622].

На первый взгляд, наличие перечисленных выше политико-правовых актов указывает на то, что процессы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов охвачены политико-правовым регулированием. Однако это кажется только на первый взгляд. Более глубокое ознакомление с содержанием данных актов дает основание утверждать, что в данных законах и Концепции поверхностно

и фрагментарно затронуты вопросы правового регулирования процессов адаптации мигрантов, в актах не просматривается системный подход к решению данной проблемы, в них имеют место пробелы по вопросам регулирования адаптации и интеграции мигрантов.

Для восполнения пробелов в ФАДН России был разработан проект федерального закона о социально-культурной адаптации мигрантов, однако по причинам его несовершенства процедурное продвижение законопроекта было остановлено. В результате этого политико-правовое регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов остается на прежнем уровне, не удовлетворяющем потребности государства и общества. В этой связи проблема стирания культурологических барьеров между мигрантами и местным населением посредством повышения качества политико-правовых документов остается актуальной в настоящее время и требует дальнейшего совершенствования российского законодательства.

По нашему мнению, государству необходимо вновь вернуться к вопросу разработки законопроекта о социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов. Но, чтобы не повторить прежних ошибок, нужно привлечь к разработке правового акта авторитетных ученых и экспертов, работающих в данной сфере, возможно, представителей НКО. В первую очередь важно сформировать консолидированное мнение в отношении теоретических положений о социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, выработать концептуальное видение пути решения проблемы и только потом разработать научно обоснованный проект закона о социальной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации. Только в этом случае можно ожидать, что законопроект пройдет процедуру законотворчества и будет способствовать стиранию социальных и культурологических барьеров между мигрантами и местным населением в интересах обеспечения стабильности на территориях страны.

Еще одним инструментом повышения уровня культуры субъектов миграционных отношений является принятая государством на политическом уровне *модель интеграции иностранных граждан*. В странах Западной Европы долгое время действовала мультикультурная модель, предполагающая длительное сосуществование культур мигрантов и местного населения, постепенное их сближение и взаимное проникновение. Однако в условиях активизации миграционных процессов использование этой модели оказалось неэффективным. Большие массы плохо обустроенных трудовых иммигрантов, особенно беженцев из восточных и африканских стран, не реализовавшие свои ожидания в странах приема, сбиваются в этнические анклавы и не желают интегрироваться в принимающие общества. Их обособленное положение, а часто и преступная деятельность, вызывают среди местного населения негодование, создается обстановка радикализации миграционных отношений, близкая к социальному взрыву. Многие политики и ученые говорят о кризисе мультикультурной модели, видят выход из ситуации

в переориентации государственной политики, переходу от использования мультикультурной модели интеграции мигрантов к другой – интеграционной модели, предполагающей включение мигрантов в принимающее общество посредством государственных программ содействия переселению. В России пока действует одна такая программа – «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (Государственная программа) [Государственная программа 2006]. Культура соотечественников, проживающих за рубежом, очень близка к культуре россиян, поэтому вопросы культурной адаптации и интеграции мигрантов-участников программы практически не включены в Государственную программу. И тем не менее проблема стирания культурологических барьеров между соотечественниками-участниками Государственной программы и местным населением все же существует. Соотечественники-участники Государственной программы являются носителями не только российской культуры, но и культуры стран исхода, поэтому между ними и местным населением тоже возникают культурологические барьеры, не столь труднопреодолимые, как у других категорий мигрантов, но все же существенные, не считающиеся с которыми нельзя. Особенно это касается старообрядцев, которые еще в далекие времена покинули Россию по причине религиозного преследования со стороны властей и церкви. Старообрядцы долгие годы жили и продолжают жить в старообрядческих анклавах. Они не интегрировались в общество в дореволюционной России, не интегрировались они и в странах приема, куда в свое время эмигрировали из России, и вряд ли будут быстро интегрироваться в современное российское общество. Вопрос их интеграции представляет большую проблему для государственных органов и органов местного самоуправления. Тем не менее работу со старообрядцами придется проводить. И здесь большая роль должна отводиться государственным и муниципальным программам по повышению культурного уровня старообрядцев: ознакомление их с переменами, которые произошли в России за время их отсутствия (политические, экономические, социально-культурные), обучение навыкам общения с местным населением и обучение другим вопросам культурологического характера. Учитывая сказанное, на наш взгляд, было бы целесообразно в перспективе усовершенствовать Государственную программу содействия переселению соотечественников из-за рубежа: включить в ее содержание вопросы культурной адаптации и интеграции соотечественников-участников Государственной программы. Это будет способствовать обеспечению стабильности на территориях вселения соотечественников из-за рубежа.

К сожалению, в России пока не разработаны другие интеграционные государственные программы. Полагаем, государственным органам, отвечающим за миграцию населения, стоило бы задуматься над

этим вопросом. Целесообразно разработать другие государственные программы привлечения в страну мигрантов, не являющимися нашими соотечественниками. В этих программах особое место должны занять вопросы стирания культурных барьеров между мигрантами и местным населением. Разработка таких программ, с одной стороны, повысит качество миграционных потоков в Россию, с другой – снизит риски анклавизации мигрантов, преступности с их стороны, а также экстремизма и терроризма.

Подводя общий итог, можно сделать следующие выводы:

- активизация миграционных процессов в России привела к росту деструктивных следствий миграционных потоков (рост числа преступлений с участием мигрантов, рост числа этнических анклавов мигрантов, активизация экстремистской и террористической деятельности и др.). Все это повышает риски нарушения стабильности в принимающих обществах и представляет угрозу национальной безопасности. Учитывая потребности российских рынков труда в иностранной рабочей силе, актуализируется проблема снижения деструктивных следствий миграционных процессов;
- одной из причин определенного деструктивного эффекта миграционных процессов является наличие культурологических барьеров между мигрантами и местным населением. Их стирание частично может быть осуществлено на основе повышения уровня культуры субъектов миграционных отношений, что должно стать важным инструментом политики Российской Федерации по обеспечению стабильности в местах массового скопления мигрантов;
- в настоящее время на пути повышения культурного уровня субъектов миграционных отношений есть существенные преграды в виде: теоретических пробелов о понятиях адаптации и интеграции мигрантов, пробелов в политико-правовых актах по регулированию этих процессов, отсутствия теоретических представлений об этнических анклавах мигрантов и теоретически обоснованных путей стирания культурологических барьеров. В государственной программе содействия переселению соотечественников из-за рубежа недостаточное внимание уделено вопросам культурной адаптации мигрантов. Отсутствуют государственные и муниципальные программы привлечения в страну мигрантов иной этнической принадлежности;
- сформулированные в статье теоретические положения и авторские предложения могут, на наш взгляд, оказать методологическую помощь в решении поднятой проблемы на политическом уровне.

Литература

- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 416 с.
- Варшавер, Рочева 2016 – *Варшавер Е.А., Рочева А.Л.* Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/.../integratsiya-migrantov-chto-eto-i-kakuyu-rol-v-ee-osuschestvlenii-mozhet-igrat-gosudarstvo> (дата обращения: 21.08.2018).
- Вебер 1994 – *Вебер М.* Избранное: Образ общества / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 704 с.
- Гердер 1977 – *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
- Гобозов 2008 – *Гобозов И.А.* Социальная философия: учебный словарь. М.: Академический проект, 2008. 367 с.
- Государственная программа 2006 – Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111/ (дата обращения: 25.11.2019 г.).
- Леденева 2014 – *Леденева В.Ю.* Социальная адаптация и интеграция мигрантов в современном российском обществе: Дис. ... д-ра социол. наук. М., 2014. 342 с.
- Мукомель 2016 – *Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / Отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14.
- Теория культуры 2013 – Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / Под. ред. Ю. Резника. М.: Научная политическая книга, 2013. 480 с.
- Указ Президента РФ № 622 – Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (дата обращения: 21.11.2019).
- Федеральный закон № 7-ФЗ – Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-o-nekommercheskih-organizacijah/> (Дата обращения: 21.11.2019).
- Федеральный закон № 74-ФЗ – Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (дата обращения: 21.11.2019).
- Федеральный закон № 131-ФЗ – Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 21.11.2019).

References

- Bahtin, M.M. (1979), *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of the verbal creative work]. Iskusstvo, Moscow, 416 s.
- Federal'nyj zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ "O nekommercheskih organizacijah"* ["On Non-Profit Organizations"] [Online]. avialable: <https://legalacts.ru/doc/FZ-o-nekommercheskih-organizacijah/> (Accessed 21 Nov. 2019).

- Federal'nyj zakon ot 17.06.1996 № 74-FZ "O nacional'no-kul'turnoj avtonomii" ["On National-Cultural Autonomy"] [Online]. avialable: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (Accessed 21 Nov. 2019).
- Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ "Ob obshhih principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii" ["On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation"]. [Online]. avialable: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (Accessed 21 Nov. 2019).
- Gobozov, I.A. (2008), *Sotsial'naya filosofiya: uchebnyi slovar'* [Learner's dictionary]. Akademicheskij Prospekt, Moscow.
- Gosudarstvennaya programma po okazaniyu sodeystviya dobrovolnomu pereseleniy v Rossijskuyu Federaciyu sootechestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom*», utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoj Federatsii ot 22 iyunya 2006 goda № 637 [The State Program for Assisting the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation] [Online]. avialable: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111/ (Accessed 21 Nov. 2019).
- Herder, J.G. (1977), *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Nauka, Moscow.
- Ledeneva, V.Ju. (2014), *The social adaptation and integration of migrants in the present-day Russian society*: Ph.D. Thesis, Moskva.
- Mukomel', V.I. (2016), "Adaptation and integration of migrants. Methodological approaches to assessing the performance and role of the host society", in Gorshkov M.K., ed., *Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik* [sbornik nauchnyh statej] [Reforming Russia], issue 14, Novyj hronograf, Moscow.
- Reznik, Yu., ed. (2013), *Teoriya kul'tury: raznoobrazie podkhodov i vozmozhnosti ikh integratsii* [Theory of culture: diversity of approaches and possibilities of their integration], Scientific political book, Moscow.
- Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 № 622. "O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody"* ["On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025"] [Online], avialable: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (Accessed 21 Nov. 2019).
- Varshaver, E.A., Rocheva, A.L., *Integracija migrantov: chto jeto i kakuju rol' v ee osushhestvlenii mozhet igrat' gosudarstvo* [Integration of migrants. What is it and what role the state can play in its implementation] [Online]. avialable URL: <https://cyberleninka.ru/.../integratsiya-migrantov-chto-eto-i-kakuyu-rol-v-ee-osuschestvlenii-mozhet-igrat-gosudarstvo> (Accessed 21 Aug. 2018).
- Weber, M. (1994), *Izbrannoe. Obraz obshhestva* [Selecta. Society image], Jurist, Moscow.

Сведения об авторе:

Леонид А. Кононов, доктор политических наук, профессор, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (Военный университет МО РФ), Москва, Россия; 115487. Россия, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, kononov50@bk.ru

Information about the author:

Leonid A. Kononov., Dr. of Science (Political Studies), professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 14, Bbol'shaya Sadovaya St., Moscow, Russia, 123001; kononov50@bk.ru

УДК 323.1

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-24-39

Перспективы вовлечения институтов
гражданского общества
в осуществление этнической политики
в Санкт-Петербурге

Владимир М. Масленников, Валерий А. Ачкасов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, val-achkasov@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются основные формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в контексте реализации этнической политики в Санкт-Петербурге. Также исследуются основные направления деятельности национально-культурных автономий города.

Ключевые слова: этническая политика, гражданское общество, национально-культурные автономии

Для цитирования: Масленников В.М., Ачкасов В.А. Перспективы вовлечения институтов гражданского общества в осуществление этнической политики в Санкт-Петербурге // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 24–39. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-24-39

Prospects for the involvement
of the civil society institutions
in the implementation of ethnic politics
in St. Petersburg

Vladimir M. Maslennikov, Valerii A. Achkasov

*St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia, val-achkasov@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the main forms of interaction between the state and the civil society institutions in the context of the implementation of ethnic policies in St.-Petersburg. The main activities of the national cultural autonomies of the city are also investigated.

Keywords: ethnic politics, civil society, national-cultural autonomies

For citation: Maslennikov V.M., Achkasov V.A. (2019), “Prospects for the involvement of the civil society institutions in the implementation of ethnic politics in St. Petersburg”, *Journal of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 24–39, DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-24-39

Интенсивный рост процессов урбанизации делает этническую структуру Санкт-Петербурга все более диверсифицированной. Помимо исторически сложившихся этнических общин, представители которых, как правило, хорошо интегрированы в городскую социальную среду, Санкт-Петербург, будучи крупным мегаполисом, привлекает большое количество мигрантов. По материалам Федеральной службы государственной статистики, с 2015 г. город входит в тройку наиболее привлекательных для мигрантов регионов¹, что делает вопросы межэтнической коммуникации и адаптации весьма актуальными.

В данной статье анализируются основные институциональные формы государственной этнической политики в Санкт-Петербурге в ракурсе их взаимодействия со структурами гражданского общества. Также исследуются основные направления деятельности национально-культурных автономий города как важнейших акторов этнического сегмента негосударственного сектора. Таким образом, целью статьи является составление характеристики взаимодействия государства и гражданского общества в реализации этнической политики в Санкт-Петербурге и проецирование дальнейших перспектив этого процесса.

Сегодня сам термин «этническая политика» в российском публичном дискурсе встречается редко. В большинстве программных документов или выступлений политиков, посвященных регулированию межэтнических отношений, звучит формулировка «национальная политика», что рождает некоторую путаницу. По замечанию В.А. Тишкова: «“Национальная политика” – это политика обеспечения национальных (государственных) интересов страны и российского общества на внутренней и международной арене. То, что несколько десятилетий называлось «национальной политикой», на самом деле есть политика в отношении российских национальностей, или этническая (точнее – этнокультурная) политика» [Тишков 2003]. Особенности трудности возникают при переводе тематических текстов на английский язык, так как в зарубежной традиции редко встречается термин «национальность» (nationality), активно используемый российскими учеными и политиками – в большинстве западных этнополитологических исследований мы сталкиваемся с термином «этническая группа» (ethnic group). Таким образом, понятие «этническая политика» более полно и точно раскрывает суть исследуемого нами феномена, и в данной работе мы будем использовать эту формулировку, за исключением случаев цитирования.

В понимании термина «гражданское общество» мы опираемся в первую очередь на работы американского исследователя Ф. Шмиттера. Согласно его концепции, гражданское общество – это совокуп-

---

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: 30.11.2019).

ность или система самоорганизующихся медиаторных групп, которые: 1) относительно независимы как от органов государственной власти, так и от негосударственных единиц производства и воспроизводства, т. е. от фирм и семей; 2) способны планировать и осуществлять коллективные акции по защите/достижению своих интересов или устремлений; 3) не стремятся при этом подменить собой ни государственные структуры, ни частных производителей или же принять на себя функции по управлению политией в целом; 4) согласны действовать в рамках уже сложившихся «гражданских» или правовых норм [Шмиттер, 1996].

В контексте данной методологической рамки следует отметить, что этнический сегмент российского гражданского общества пока что находится на стадии формирования и не является в полной мере самостоятельным. Исследователи указывают, что в нашей стране наблюдается, скорее, патерналистский характер взаимодействия между властью и этническими общинами, то есть основную и решающую роль играют государственные структуры, а национально-культурные автономии (как представители этнических общин) являются «младшими партнерами» власти [Тишков 2014]. Число некоммерческих объединений (НКА) растет, но считается, что они нуждаются в поощрении и стимуляции к общественно-полезным видам деятельности [Степанов 2006].

При этом не следует переоценивать возможности национально-культурных автономий (НКА) в осуществлении политики интеграции трудовых мигрантов. Как показывает опыт ряда европейских стран с гораздо более развитыми институтами гражданского общества: «Ассоциации не достигают ожидаемого уровня результатов, и из-за нехватки ресурсов им довольно сложно продвигать инициативы и вносить предложения, которые были бы действительно полезны в вопросе интеграционной политики». В частности, испанские исследователи Р. Лозано и М. Абусси считают, что основными ограничениями в деятельности таких ассоциаций являются: 1) перманентная нехватка активных членов; 2) недостаток знаний и навыков эффективного управления организацией; 3) ассоциации не имеют полного доступа к необходимой информации; 4) недостаточное финансирование их деятельности; 5) отсутствие инфраструктуры для проведения мероприятий, встреч и т. д.; 6) отсутствие внимания со стороны СМИ [Aboussi et. al. 2014].

Нехватка ресурсов и наличие параллельно существующих НКА, претендующих на представительство интересов одного народа, порождает конкуренцию за доступ к ресурсам, которые представляет Российское государство. В результате крупные и организованные ассоциации получают доступ к власти и львиную долю ресурсов. В то же время малые организации жалуются на неравенство возможностей и «монополизацию» представительства сильными НКА. В результате в связи с образованием большого количества национально-культурных автономий актуальной

и конфликтогенной проблемой становится «конкуренция НКА разных уровней, прежде всего, конкуренция региональных и местных НКА, НКА регионального уровня и региональных отделений федеральных национально-культурных организаций – союзов. Типичными явлениями становятся противоречия между одноименными НКА. Они проявляются в организации и проведении мероприятий, в разработке социальных программ, в обозначении позиции взаимодействия с другими НКА, с институтами гражданского общества, с институтами церкви и с органами власти и управления» [Аствацатурова и др. 2010, с. 90].

Даже чиновники, отвечающие за осуществление этнополитики, признают слабое влияние руководителей национально-культурных автономий, региональных общественных организаций на своих соотечественников, прибывающих и проживающих на территории крупных российских городов. Тем не менее в случае игнорирования государством интересов этнических сообществ и недостаточного внимания к взаимодействию и координации своих действий с НКА результатом может быть перетекание социальной активности «пассионарных» личностей и их объединений в деструктивное русло и отказ от сотрудничества с институтами государства. Подобные процессы также потенциально могут создать условия для роста социальной конфликтности.

Другая причина, снижающая потенциал сотрудничества национально-культурных автономий с органами власти, обусловлена деятельностью «предпринимателей от этничности». Лидеры этнических общин часто претендуют на то, чтобы говорить от имени всех своих земляков, проживающих на той или иной территории. Однако нет никаких оснований полагать, что позиция лидеров и активистов национально-культурных автономий разделяется представителями их народа поголовно. Лидерами таких организаций подчас могут становиться люди, преследующие свои собственные экономические или политические интересы, в таком случае попытка привлечения их к сотрудничеству с органами государственной власти будет малоэффективна. То есть отсутствие прочных связей с этнической средой и «клубовый» характер национально-культурных автономий наглядно демонстрируют иллюзорность надежд на всестороннее решение проблем региональной этнической политики через сотрудничество с общинами [Ачкасов 2016].

В Санкт-Петербурге выстроена целая система органов исполнительной власти, занимающаяся реализацией этнической политики на уровне региона. Среди таковых можно выделить следующие: Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики, Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга; Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга, Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности, Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Комитет по социальной политике, Комитет по печати и взаимодействию со средствами массовой информации.

Отдельный интерес представляет деятельность ГКУ «СПб Дом национальностей» как подведомственного учреждения Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики. Дом национальностей – государственная структура, учредителем которой является администрация Санкт-Петербурга. Эта структура является и одним из наиболее наглядных примеров институционализированного взаимодействия между государством и гражданским обществом в сфере этнической политики. В качестве целей и направлений деятельности в уставе организации определяются: гармонизация межэтнических отношений в городе, обеспечение диалога между региональной администрацией и этническими НКО, адаптация мигрантов и работа по сохранению культурного наследия народов Российской Федерации². Примечательно, что хотя на официальном сайте учреждения указано, что в своей работе структура руководствуется «Стратегией государственной национальной политики до 2025 года», тем не менее задача «а»³, вынесенная «на первый план» в Стратегии, отсутствует в уставе Дома национальностей. Принимая во внимание официальную миссию организации – посредничество между государством и гражданским обществом, можно предположить, что государство и лица, ответственные за выработку этнической политики, не считают, что этнический сегмент гражданского общества в России обладает потенциалом к участию в национальном строительстве и может оказать позитивное воздействие на формирование российской нации. Подтверждением тому служит и устав Московского дома национальностей – аналогичного столичного учреждения, – в нем также не содержатся цели и задачи, связанные с работой по укреплению общероссийской гражданской идентичности⁴. Материалы, размещенные на сайте ГКУ «Дом национальностей» (<http://www.spbdn.ru/>) преимущественно носят отчетный характер – это сообщения о проведенных мероприятиях, большая часть которых является пост-релизами выставок и фестивалей, другая же часть посвящена заседаниям двух консультативных структур учреждения – Молодежного совета и Экспертного совета. Отчеты о заседаниях советов не содержат конкретных данных о реализованных проектах или же предложениях, а носят, скорее, формальный характер. Исключением является обсужде-

---

² Устав СПб ГКУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/KwhXu> (дата обращения: 30.10.2019).

³ Устав ГБУ «Московский дом национальностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/KwhXu> (дата обращения: 30.10.2019).

⁴ Консультативный совет одобрил идею создания в Петербурге государственного многофункционального миграционного центра [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.spb.ru/press/government/108830/> (дата обращения: 30.10.2019).

ние и утверждение на одном из собраний создания в Санкт-Петербурге многофункционального миграционного центра⁵.

Косвенное отношение к гармонизации межэтнических отношений имеют и другие структуры исполнительной власти города, выше перечислены лишь непосредственные реализаторы программ в данной сфере. Среди этих программ в качестве основных необходимо выделить следующие:

1. Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 гг.;

2. Программа гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011–2015 гг.;

3. Программа «Миграция. Комплексные меры по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в Санкт-Петербурге на 2012–2015 гг.;

4. Государственная программа Санкт-Петербурга «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге» на 2015–2020 гг. (Подпрограмма № 3 «Укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений в Санкт-Петербурге»).

Опыт реализации первых двух программ (в СМИ и публичном пространстве они были известны как «Толерантность») ряд авторов признает успешным с точки зрения внедрения в учебно-воспитательный процесс петербургской молодежи модулей, направленных на укрепление толерантных моделей поведения и сознания [Назарова 2015, с. 120]. В то же время, как мы указывали выше, в период реализации программ в Санкт-Петербурге был зафиксирован рост экстремистских настроений в молодежной среде, что хоть и не является наглядным критерием для оценки эффективности программ, но свидетельствует о проявлении негативных тенденций в межэтнических отношениях. Вместе с тем важно подчеркнуть, что часть мероприятий программ была передана на уровень общеобразовательных учреждений, и их реализацией занимались работники без соответствующего образования, что повлияло на качество полученных результатов. Это дает повод усомниться в конечной эффективности выполненных мероприятий. Показателен пример 420-й петербургской школы, в которой конкурс для учеников 8 класса «Как быть толерантным?» выиграла команда с названием, звучавшим как неонацистское приветствие, что не было распознано организаторами,

---

⁵ Команда «14/88» выиграла конкурс по толерантности 18.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://topspb.tv/news/news4856/> (дата обращения: 30.10.2019).

а грамота победившей команды еще некоторое время висела на школьной доске почета⁶.

Также первую программу «Толерантность» (на 2006–2010) нередко критикуют из-за того, что она была направлена исключительно на воспитание комплиментарных по отношению к мигрантам установок у представителей принимающего сообщества и носила преимущественно «фестивальный» характер (что в целом типично для мероприятий российской этнической политики), в то время как работа по адаптации и аккультурации мигрантов практически не проводилась. Эти недочеты были исправлены во второй программе «Толерантность» (на 2011–2015 гг.), в ее структуры были включены инструменты не только культурной, но и социальной, а также инструментальной интеграции.

Программа «Толерантность» стала значимым этапом в формировании городской этнической политики, и за успехи в ее реализации город даже был отмечен грамотой ЮНЕСКО. Основная задача программы – ликвидировать барьеры, способствующие формированию отчуждения между мигрантами и принимающим сообществом. Не даром она реализовывалась под слоганом «Петербург объединяет людей!». Именно поэтому основной целевой аудиторией мероприятий являлись школьники, для них и были разработаны такие проекты, как: 1) «Этнокалендарь Санкт-Петербурга»; 2) музейная программа с участием Русского музея, Российского этнографического музея, Галереи современного искусства «Эрарта»; 3) курсы русского языка и издание специализированных учебников для детей инофонов; 4) финансовая поддержка дополнительных часов по изучению русского языка для детей-иммигрантов в школах [Розанова, Боярков 2014]. Что касается роли гражданского общества в реализации этих программ, то и в первой, и во второй программах некоммерческие организации были отмечены как сореализаторы запланированных мероприятий. В то же время ни в отдельных пунктах программы, ни в календарных планах степень вовлеченности структур третьего сектора обозначена не была.

Со сменой городских политических элит в 2011 г. сменился и подход к этнической политике. В 2012 г. во исполнение президентского указа об Утверждении концепции государственной миграционной политики до 2025 г. Санкт-Петербуржскими властями была принята программа «Миграция. Комплексные меры по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Миграция). Как отмечают эксперты, в данном комплексе мер был повторен ряд положений программы Толерантность, но акцент был смещен на культурную интеграцию приезжих, а внимание к инструментальной и социальной интеграции вновь было ослаблено [Ачкасов 2016].

---

⁶ Команда «14/88» выиграла конкурс по толерантности 18.01.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://topspb.tv/news/news4856/> (дата обращения: 30.10.2019).

В ноябре 2013 г. губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко на встрече с представителями национально-культурных объединений города подчеркнул значимость усилий некоммерческих структур в процессе реализации этнической политики⁷. Однако к разработке появившейся в скором будущем программы «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге» (далее – Соглашение) экспертное сообщество и представители гражданского общества практически не привлекались [Розанова, Боярков 2014]. В рамках данной программы основы городской этнической политики были изложены в Подпрограмме № 3 («Укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений», далее – Подпрограмма). Общая направленность Подпрограммы выражается преимущественно в «полицейских» категориях. Так, в качестве основных целевых индикаторов Подпрограммы указаны: 1) снижение числа преступлений, совершаемых мигрантами; 2) снижение числа преступлений против мигрантов.

Изменения в структуре городского управления, произведенные в период губернаторства Г.С. Полтавченко, созвучны указанным индикаторам Подпрограммы. Созданный в 2013 г. Комитет по межнациональным отношениям был укомплектован преимущественно специалистами, предшествующая профессиональная деятельность которых проходила в силовых структурах. Вкупе с закрепленными за комитетом функциями – контролем за нелегальными мигрантами и борьбе с замкнутыми этническими анклавами – это дало основания для установления за Комитетом негласного названия «миграционная полиция» [Розанова 2016]. Подобный подход к этнической политике характерен не только для Санкт-Петербурга, но и для всей страны в целом и, конечно же, не способствует развитию плодотворного сотрудничества с институтами гражданского общества. Таким образом, основные программные документы городской этнической политики говорят о слабости стремления к вовлечению объединений третьего сектора в реальную реализацию этнической политики на уровне субъекта со стороны городских властей.

С назначением на пост исполняющего обязанности губернатора А.Д. Беглова произошли незначительные кадровые перестановки в органах власти, занимающихся реализацией этнической политики. В частности, пост главы Комитета по межнациональным отношениям занял бывший депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга от ЛДПР Олег Капитанов. Назначение было чисто политическим. Поскольку Капитанов собирался участвовать в качестве кандидата в выборах губернатора Санкт-Петербурга, таким назначением сокращали число конкурентов А.Д. Беглова, способных набрать определенное количество голосов избирателей.

---

⁷ Губернатор встретился с представителями национально-культурных объединений 26.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.spb.ru/press/governor/41788/> (дата обращения: 30.10.2019).

Правда, в результате Комитет по межнациональным отношениям и миграционной политике возглавил представитель самой антииммигрантской партии нашей страны. Конечно, преждевременно говорить о каких-либо результатах этого назначения или переменах в петербургской этнополитике в целом, так как и градоначальник, и глава комитета занимают свои посты на протяжении слишком короткого отрезка времени.

Несмотря на относительно низкий уровень внимания к потенциалу гражданского общества в Санкт-Петербурге, по мнению экспертов, в городе можно констатировать наличие укорененной системы неправительственных организаций, действующих в сфере культуры, творчества, а также образования и защиты прав человека. Что касается «этнического» сегмента гражданского общества города, по разным данным, в Санкт-Петербурге действует более ста общественных организаций этнического характера, так как их число постоянно меняется (списки зарегистрированных и ликвидированных организаций обновляются нерегулярно), ни один из приведенных в сети Интернет открытых списков не является актуальным. По подсчетам автора (были использованы базы <http://www.soc-spb.ru/> и <https://sbis.ru/>) на текущий момент число объединений, занимающихся реальной деятельностью и существующих не только на бумаге, колеблется в районе 115–120.

Характер деятельности этнических объединений Санкт-Петербурга во многом зависит от круга проблем, присущего этнической группе, представители которой создают ту или иную организацию. Так, большинство проживающих в городе таджиков или узбеков – временные работники, а среди армян Санкт-Петербурга много людей, живущих в городе на постоянной основе. Таким образом, и местные общины этих народов находятся на различных стадиях формирования, для одних более важны проблемы адаптации приезжающих к новым условиям, другие же больше сосредоточены на вопросах сохранения культурного наследия, собственной идентичности и предотвращения полной ассимиляции их принимающим сообществом.

В Российской Федерации «фестивальный» уклон этнической политики в целом существенно влияет и на деятельность НКА. На мероприятия в сфере поддержки культуры гораздо проще получить государственное финансирование, затем оперативно составить отчет и записать себе «в актив». Социолог Т.З. Протасенко в одной из своих статей констатирует, что в этническом сегменте гражданского общества Санкт-Петербурга существует явный перекося деятельности в сторону преобладания культурно-массовых мероприятий и фактически отсутствует широкая информационно-просветительская работа [Протасенко 2012, с. 340]. Таким образом, наиболее заметную часть деятельности гражданского общества в рамках этнической политики можно свести к цели «б» Стратегии государственной национальной политики до 2025 года – «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России».

Для примера обратимся к анализу контента информационных интернет-ресурсов армянской общины Санкт-Петербурга. Армянская община для нас показательна тем, что одновременно является одной из старейших – представители данной этнической группы проживают в городе с момента его основания, но в то же время миграционный приток из Республики Армения остается достаточно высоким и по сей день. Поэтому среди армян региона есть как коренные петербуржцы, так и недавно приехавшие переселенцы и работники, не имеющие российского гражданства.

Среди большого количества интернет-сайтов и страниц в социальных сетях были выбраны сайт и страница Вконтакте армянской молодежной организации «Нор Серунд» (<http://norserund.org/>; <https://vk.com/norserund>), так как она имеет наибольшее количество участников (5 842 пользователя), ежедневно обновляется, а публикуемые ресурсом материалы находят отклик у участников сообщества. Также был проведен мониторинг материалов официального информационного сайта Армянской Апостольской церкви Санкт-Петербурга (<http://armenian-church.org/>) как ресурса религиозной организации, к которой относит себя большинство представителей армянского этноса. Для анализа мы взяли два аналогичных временных периода с разницей в два года – с октября 2016 г. по апрель 2017 г. и, соответственно, с октября 2018 г. по апрель 2019 г.

На сайте и странице «Нор Серунд» за период с октября 2016 г. по апрель 2017 г. было опубликовано более 120 информационных сообщений различного характера – анонсов мероприятий, пост-релизов, поздравлений, материалов культурологического и исторического толка. Мы разделили проанализированный массив данных на две группы в соответствии с целями исследования: первая из них объединяет материалы, которые обобщенно можно охарактеризовать как направленные на сохранение собственной этнической и культурной идентичности, другой же блок объединяет сообщения, связанные с участием общины в жизни города и общественно-полезной деятельности вне рамок продвижения армянской идентичности. Как не сложно предположить, большинство сообщений относятся именно к первому блоку (84 сообщения), это подтверждает тезис о преобладании в деятельности этнических НКО работы по развитию этнокультурных особенностей народов Российской Федерации. Второй блок насчитывает 16 сообщений различного толка – анонсы благотворительных акций, городское празднование памятных дат, участие в региональных массовых мероприятиях. Среди незначительного числа сообщений второго блока вовсе отсутствует прямой посыл укрепления единства и гражданской идентичности народов России, исключения составляют только материалы, посвященные памяти Великой Отечественной войны, что сегодня можно считать одной из господствующих идеологией российской политической нации. Несколько сообщений мы исключили из данной статистики ввиду того, что они носят технический или рекламный характер.

За аналогичный период с октября 2018 г. по апрель 2019 г. ситуация изменилась незначительно. Всего в сообществе было опубликовано 132 сообщения, из которых 110 материалов относились к сохранению собственной идентичности и внутриобщинным мероприятиям, а 22 были направлены на общественно-полезную деятельность организации «вовне». Как и в первом временном отрезке, отсылки к укреплению российской гражданской идентичности отсутствуют, но незначительно возросло количество мероприятий, проведенных армянской организацией на надэтническом уровне – с общественными организациями неармянского и неэтнического толка. В некоторых случаях структура проявляла инициативу и становилась площадкой для различных мероприятий, призванных улучшить комфортность городской социальной среды.

Кейс сайта ААЦ имеет мало отличий, за исследуемый период (октябрь 2016 – апрель 2017 г.) на сайте было опубликовано 37 сообщений, большая часть из которых (28 сообщений) относится исключительно к освещению духовной жизни петербургских армянских церквей, поздравлениям и описанию христианских праздников. В то же время 9 сообщений (25% от общего массива материалов) говорят о вовлеченности петербургского духовенства ААЦ в межконфессиональный диалог и общие усилия российского гражданского общества по увеличению его интенсивности, так как большая часть сообщений блока – это отчеты о тематических конференциях, круглых столах и просветительских мероприятиях.

Во второй период результаты оказались схожими. С октября 2018 г. по апрель 2019 г. было опубликовано 54 сообщения, из которых 41 вновь относится к внутренней проблематике общины и 13 – к внешней деятельности духовенства епархии.

Для проверки результатов был проведен аналогичный анализ контента информационных ресурсов нескольких других этнических общин города. Сначала о (https://vk.com/petrodag_spb). В социальных сетях есть еще несколько тематических страниц данной организации, но контент в них преимущественно дублируется, поэтому проанализированы были материалы именно этого ресурса. С октября 2016 г. по апрель 2017 г. в указанной группе было опубликовано 106 записей (в расчеты не включались посты с рекламой товаров и услуг, не имеющие отношения к исследуемой проблематике). Результаты анализа незначительно отличаются от результатов информационных ресурсов армянской общины, но обозначенная тенденция повторяется. Из 106 публикаций 76 содержат информацию о внутренних делах общины и 29 относятся к освещению участия общины в городской жизни и межкультурном диалоге. В период с октября 2018 г. по апрель 2019 г. публикации разделились по тому же принципу в пропорции 72 к 30.

Соответствует общей тенденции и контент сообществ ВКонтакте «Союз осетинской молодежи Санкт-Петербурга» (<https://vk.com/souzosmol>) и «Осетинское землячество Санкт-Петербурга» – основ-

ных информационных ресурсов молодежного крыла осетинской общины города. За исследуемый период (октябрь 2016 – апрель 2017) на первой странице опубликовано 63 сообщения, из которых 53 относятся к освещению внутренней жизни общины и поддержке собственной идентичности, и только 10 сообщают об участии общины в жизни города. В период с октября 2018 по апрель 2019 г. обновления на странице Союза осетинской молодежи стали крайне редки и основная информационная функция перешла в паблику Осетинского землячества Санкт-Петербурга. Впрочем, это не сказалось на характере публикуемых постов, потому как за указанный временной промежуток анализ материалов показал почти в точности такой же результат (50 к 10). Для удобства восприятия проанализированный материал сведен в таблицу.

Таблица 1

Статистика активности в сети Интернет
некоторых землячеств Санкт-Петербурга

	Поддержка этнической идентичности	Участие в городской жизни	Всего (за исключением рекламы)
Нор Серунд 2016–2017	84	16	100
Нор Серунд 2018–2019	110	22	132
Сайт ААЦ 2016–2017	28	9	37
Сайт ААЦ 2018–2019	41	13	54
Содружество молодежи Дагестана (СМД) 2016–2017	76	29	106
СМД 2018–2019	72	30	102
Союз осетинской молодежи 2016–2017	53	10	63
Осетинское землячество Санкт-Петербурга	50	10	60

Таким образом, мы можем отметить, что органы государственной власти Санкт-Петербурга в основных программных и проектных документах не демонстрируют повышенного интереса к сотрудничеству со структурами гражданского общества в реализации этнической и миграционной политики. Исключение составляет лишь направление, обозначенное в Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. как «сохранение и развитие этнокультур-

ного многообразия народов России»⁸. В рамках этого направления «на откуп» национально-культурным автономиям и общественным организациям отдаются мероприятия, ориентированные на продвижение и популяризацию различных этнических культур (выставки, фестивали, концерты). Представители исследуемого нами сегмента гражданского общества, в свою очередь, также сосредоточили активность на поддержке собственной культурной идентичности. Задачи и направления государственной этнической политики, связанные с укреплением российской идентичности и построением в нашей стране единого гражданского сообщества в рамках НКА практически не отрабатываются. Также в публичном пространстве исследуемые организации не позиционируют себя в качестве агентов национального строительства или же партнеров государства в рамках его политики по отношению к этническим группам. Государство занимается воплощением в жизнь основных целей этнической политики, опираясь на свои каналы и институты (органы государственной и муниципальной власти, образовательные учреждения и т. д.), этнический же сегмент гражданского общества остается предоставленным самому себе.

В то же время существуют институциональные формы, которые позволили бы сделать сотрудничество государства и институтов гражданского общества в рамках данной сферы более продуктивным. Следует признать – СПб ГКУ «Дом национальностей» проводит эффективную деятельность по координации «этнического акционизма», но за рамки данного направления работа практически не выходит. Для позитивных перемен в сфере межэтнических отношений и межкультурного диалога необходимо расширить (в практической деятельности) сотрудничество с общественными организациями по адаптации мигрантов, укреплению российской гражданской идентичности, правозащитной деятельности, а также практическое посредническое участие в урегулировании межэтнических конфликтов на территории города. Представляется важной и актуализация деятельности консультативных структур при СПб ГКУ «Дом национальностей» – общественного и молодежного советов. Их работа должна кристаллизоваться в конкретные законодательные, проектные и общественные инициативы, которые не только могли бы внести позитивный вклад в межэтническую ситуацию Санкт-Петербурга, но и создавали бы информационные поводы, помогающие укреплению авторитета Дома национальностей как в отношениях с гражданским обществом, так и с органами государственной власти. Эффективное использование уже имеющихся структур, призванных координировать деятельность этнических сообществ, поможет государству про-

---

⁸ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 30.10.2019).

водить содержательный диалог с субъектами гражданского общества в данной сфере и совместно достигать целей государственной этнической и иммиграционной политики.

Литература

- Аствацатурова и др. 2010 – *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010. 264 с.
- Ачкасов 2016 – *Ачкасов В.А.* Рост этнического многообразия и толерантность в крупных городах России: «случай» Санкт-Петербурга: Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и в России: коллективная монография / под ред. М.С. Розановой. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «Стратегия», 2016. С. 143–144.
- Назарова 2016 – *Назарова Е.А.* Концептуальные подходы к регулированию межнациональных отношений в полиэтнических регионах: коммуникативные аспекты // *Коммуникология*. 2015. № 2 (4). С. 116–125.
- Протасенко 2012 – *Протасенко Т.З.* Влияние национально-общественных объединений СПб на представителей этнических групп // *Социология вчера, сегодня, завтра: V Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства*. СПб.: Эйдос, 2012. 624 с.
- Розанова, Боярков 2014 – *Розанова М.С., Боярков Р.Л.* Миграционная и интеграционная политика в Санкт-Петербурге: динамика изменений // *ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза*. Том 10, 2014. № 4. С. 40.
- Розанова 2016 – *Розанова М.С.* Россия – новая иммиграционная страна? Динамика изменения подходов к интеграции мигрантов: от политики интеграции к «миграционной полиции» (на примере Санкт-Петербурга) Петербурга: Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и в России / под ред. М.С. Розановой. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ», 2016. С. 163–165.
- Степанов 2006 – *Степанов В.В.* Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // *Этнология общества: Прикладные исследования в этнологии*. М., 2006. С. 79–108.
- Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Как обновить концепцию национальной политики? [Электронный ресурс]. 2003. Персональный сайт Валерия Тишкова. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_obnovi.html (дата обращения: 30.11.2019).
- Тишков 2014 – *Тишков В.А.* Понимание этнокультурного разнообразия и оценка российской полиэтничности [Электронный ресурс] // Материалы семинара «Роль институтов гражданского общества в снижении межэтнической напряженности». URL: <http://www.iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=399> (дата обращения: 30.11.2019).
- Шмиттер 1996 – *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // *Полис*. 1996. № 5. С. 16–27.

References

- Astvatsaturova, M.A., Tishkov, V.A., Khoperskaya, L.L. (2010), *Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione* [Models in conflict resolution studies and conflict monitoring in the North Caucasus region], Moscow, 264 p.
- Aчкасов, В.А. (2016), *Rost etnicheskogo mnogoobraziya i tolerantnost' v krupnykh gorodakh Rossii: «sluchai» Sankt-Peterburga: Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i v Rossii* [Growth of the ethnic diversity and tolerance in large cities of Russia: “case” of St. Petersburg: Labor migration and policy of integration of migrants in Germany and in Russia]: collective monograph], Tsentr grazhdanskikh, sotsial'nykh, nauchnykh i kul'turnykh initsiativ «Strategiya», Saint-Petersburg, pp. 143–144.
- Nazarova, E.A. (2015), “Conceptual approaches to the regulation of interethnic relations in multiethnic regions: communicative aspects”, *Kommunikologiya*, № 2 (4), pp.116–125.
- Protasenko, T.Z. (2012), “Influence of national public associations of St. Petersburg on representatives of ethnic groups” [Vliyanie natsional'no-obshchestvennykh ob"edinenii SPb na predstavitelei etnicheskikh grupp]. *Sotsiologiya vchera, segodnya, zavtra. V Sotsiologicheskie chteniya pamyati Valeriya Borisovicha Golofasta* [Sociology yesterday, today, tomorrow. 5th Sociological Conference in memory of Valery Borisovich Golofast], Eidos, Saint-Petersburg, 624 p.
- Roanova, M.S., Boyarkov, R.L. (2014), “Migration and integration policy in St. Petersburg. Dynamics of changes”, *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza*. Vol 10, no. 4, 2014. p. 40.
- Roanova, M.S. (2016), “Russia-a new immigration country? Dynamics of change of approaches to integration of migrants. From the integration policy to “migration police”, Roanova M.S., ed., *Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i v Rossii* [Labor migration and policy of integration of migrants in Germany and in Russia], Tsentr grazhdanskikh, sotsial'nykh, nauchnykh i kul'turnykh initsiativ «STRATEGIYA», St-Petersburg, pp. 163–165.
- Stepanov, V.V. (2006), “Scientific expertise and legislation on national-cultural development in Russia”, *Etnologiya obshchestvu. Prikladnye issledovaniya v etnologii* [Ethnology to society. Applied research in ethnology]. Moscow, pp. 79–108.
- Tishkov, V.A. (2003), “How to update the concept of national policy?”, [Online], *Personal'nyi sait Valeriya Tishkova*, available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_obnovi.html (accessed 30.11.2019).
- Tishkov, V.A. (2014), “Understanding ethnocultural diversity and assessment of Russian multiethnic”, [Online], *Materialy seminarov “Rol' institutov grazhdanskogo obshchestva v snizhenii mezhetnicheskoi napryazhennosti* [Materials of the seminar “The Role of Civil Society Institutions in Reducing Interethnic Tension”..], available at: <http://www.iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=399> (accessed 30.11.2019).
- Shmitter, F. (1996), “Reflections on civil society and consolidation of democracy”, *Polis*, 1996, no. 5. p. 16–27.

Сведения об авторах:

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; val-achkasov@yandex.ru

Масленников Владимир Михайлович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Information about the authors:

Valerii A. Achkasov, Dr. of Sci. (Political Sciences), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, bld. 7–9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, Russia, 199034; val-achkasov@yandex.ru

Vladimir M. Maslennikov, postgraduate, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, bld. 7–9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, Russia, 199034.

Экспертный анализ региональных моделей
государственной национальной политики
в республиках с финно-угорским населением:
гражданские интересы, право, этническое
антрепренерство и культуртрегерство

Юрий П. Шабает

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми
научный центр УрО РАН, Сыктывкар, Россия, yurshabaev@mail.ru*

Александр В. Мартыненко

*Мордовский государственный университет им. М.Е. Евсевьева,
Саранск, Россия, arkaddin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается этнополитическая ситуация, складывающаяся в республиках с финно-угорским населением, доктринальные и правовые основы республиканских моделей этнополитики, а также идейные позиции этнонациональных движений финно-угров и их влияние на конкретные практики этнополитики и их обоснования. Показано, что региональные модели этнополитики не полностью соответствуют целям и задачам, сформулированным в «Стратегии государственной национальной политики» и, в частности, задаче формирования единого доктринального и правового поля этнополитики. В региональных моделях и практиках этнополитики этничность и этнические интересы отдельных групп нередко противопоставляются (прямо или косвенно) идеям гражданства и общим интересам территориальных сообществ. Власти республик в качестве экспертов привлекают этнических активистов и ангажированных этническими движениями исследователей, многие из которых в своем анализе этнокультурных процессов и явлений руководствуются натурфилософскими представлениями и идеями этнического национализма и прямо противопоставляют этничность гражданству.

Ключевые слова: государственная национальная политика, этничность, гражданство, финно-угры, этнологическая экспертиза, право, этнонациональные движения, идеология, политическая практика

Для цитирования: Шабает Ю.П., Мартыненко А.В. Экспертный анализ региональных моделей государственной национальной политики в республиках с финно-угорским населением: гражданские интересы, право, этническое антрепренерство и культуртрегерство // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 40–72. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-40-72

Expert analysis of regional models of state ethnic policy
in the republics with Finno-Ugric population.
Civic interests, law, ethnic entrepreneurship
and civilizing missionary work

Yurii P. Shabaev

*Institute of Language, Literature and History, FIC Komi Scientific Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia; yupshabaev@mail.ru*

Aleksandr V. Martynenko

*M.E. Yevseev Mordovian State University,
Saransk, Russia; arkaddin@mail.ru*

Abstract. The article examines the ethno-political situation in the republics with the Finno-Ugric population, the doctrinal and legal foundations for the republican models of ethno-politics, as well as the ideological positions of ethno-national movements of the Finno-Ugric peoples and their impact on specific ethno-politics practices and their justification. It is shown that the regional models of ethnopolitics do not fully comply with the goals and objectives formulated in the “Strategy of State National Policy” and in particular with the task of constructing the unified doctrinal and legal field of ethnopolitics. In regional models and practices of ethnopolitics, ethnicity and ethnic interests of individual groups are often contrasted (directly or indirectly) against the ideas of citizenship and the general interests of territorial communities. The authorities of the republics as experts employ ethnic activists and researchers engaged in ethnic movements, many of whom in their analysis of ethnocultural processes and phenomena are guided by natural philosophical ideas of ethnical nationalism and directly contrast ethnicity to citizenship.

Keywords. State national policy, ethnicity, citizenship, Finno-Ugric peoples, ethnological expertise, law, ethno-national movements, ideology, political practice

For citation: Shabaev Yu.P., Martynenko A.V. (2019), “Expert analysis of regional models of state ethnic policy in the republics with Finno-Ugric population. Civic interests, law, ethnic entrepreneurship and civilizing missionary work”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 1, pp. 40–72. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-40-72

Введение

С начала 1990-х гг., когда этнонациональные движения заявили о себе как о политических акторах регионального и федерального уровня, этничность в России превратилась в мощный политический ресурс [Тишков В.А., Шабаяев Ю.П. 2013]. Лидеры многочисленных этнических организаций, возникших в это время, старались представить себя как главных выразителей воли и интересов этни-

ческих групп, от имени которых они выступали. При этом реальные демократические процедуры выбора делегатов на этнические съезды, формирования и функционирования «представительных этнических институтов» отвергались, а потому в итоге большинство этнических организаций, а особенно их руководство, превратились в некие замкнутые корпорации или лоббистские группы, сознательно манифестирующие этничность ради привлечения внимания к собственной деятельности и поддержания своего символического статуса.

Реальные социальные, экономические и культурные проблемы, с которыми сталкиваются в повседневной жизни представители различных этнических сообществ, оказались вторичными. Практической работы по разработке приемлемых и конкретных способов решения этих проблем этническими организациями не велось, но их лидеры все прочнее закрепляли за собой роль моральных и политических цензоров, получивших от своих групп «право» давать оценку различным культурным и политическим явлениям и процессам, имевшим место в региональных сообществах в частности, и в российской политике и праве – в целом.

В данной статье мы попытаемся показать, что политически и этнически ангажированные эксперты не только не готовы к тому, чтобы осуществлять обстоятельный и глубокий анализ этнополитических, социальных, культурных и правовых проблем, но находятся в плену узкогрупповых интересов или политических пристрастий. Эти деятели не признают гражданских идеалов и пытаются сделать идейной доминантой российской этнополитики и ее региональных вариантов не гражданскую интеграцию, а безудержную позитивную дискриминацию.

Идейное поле этнических антрепренеров в российских регионах

В программных документах этнонациональных организаций и движений финно-угров нет детально разработанных концепций политического и культурного реформирования региональных сообществ в интересах населения республик/округов, получивших в последние два десятилетия наименование «финно-угорские регионы». Однако есть ряд принципиальных положений, которые признаются (или признавались) всеми или почти всеми этнонациональными организациями. В этой связи можно говорить о некой доктрине, положенной в основу как политической практики, так и риторики этнических активистов, выступающих в роли защитников интересов российских финно-угров.

Базовыми идеями их идеологии являются три основополагающие позиции: 1) прямое или косвенное признание приоритетности групповых прав над правами личности; 2) противопоставле-

ние этничности гражданству; 3) идея этнополитической иерархии в национальных республиках.

Этнические сообщества рассматриваются этническими антрепренерами как однородные, целостные социальные образования, в которых общий интерес доминирует над индивидуальными интересами. Личные права определяются как вторичные и менее значимые. При этом личность, которая противопоставляет себя группе и пытается свободно выбирать культурные ценности, рассматривается как девиантная. В идеологии названных этнонациональных движений концепт групповых прав наиболее последовательно реализуется в идее этнического самоопределения. Поскольку титульная этническая группа рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета», право на самоопределение рассматривается как юридическая норма, позволяющая одной этой группе самоопределяться независимо от культурной сложности состава населения республик и округов. При этом в риторике этнических активистов присутствуют многочисленные апелляции к международному праву, которое, по их мнению, обеспечивает «особые» или «исключительные» права для меньшинств.

Примордиалистское (натурфилософское) понимание этнических сообществ как единых коллективных тел логически связано со второй базовой идеей – идеей приоритетности групповых/этнических интересов над общими интересами региональных/республиканских сообществ и рассмотрение этих сообществ не как целостных политических образований, а как сегментированных по этническому принципу территориальных объединений.

Принцип этнической сегментации положен в основу третьего ключевого принципа в идеологии этнонациональных движений российских финно-угров (и не только их) – идеи коренного народа, под которым понимаются титульные этнические группы населения республик и округов. При этом коренной народ мыслится как «главный народ» национально-государственного образования, который находится на вершине символической пирамиды, в форме которой представляются республиканские (окружные) сообщества, а представители всех остальных этнических групп маркируются как «некоренное население», находящееся в фундаменте культурной пирамиды. Подобное маркирование республиканских (окружных) сообществ явилось основанием для того, чтобы требовать для коренного народа политических, экономических и культурных преференций [Шабает Ю.П., Чарина А.М. 2010, с. 110–149]. Таким образом, культурные различия становятся основанием для политической сепарации, формирования разделенных по культурному признаку сообществ. Однако важно иметь в виду, что абсолютизация культурных различий недопустима в сложных сообществах. Не случайно еще в 1978 г. Генеральная Конференция ЮНЕСКО приняла «Декларацию о расе и расовых предрассудках», в которой подчеркивалось: «Различия в достижениях разных народов объясняются исключи-

тельно географическими, историческими, политическими, экономическими, социальными и культурными факторами. Эти различия ни в коем случае не могут служить предлогом для установления какой бы то ни было иерархической классификации наций и народов» [Декларация о расе и расовых предрассудках 1978].

С начала 2000-х гг. риторика этнических активистов стала меняться, произошла деконцептуализация их идеологии и деидеологизация самих этнических движений, но идея коренного народа не исчезла ни из публичных заявлений, ни из речей региональных политиков, ни из документов, определяющих политические практики в сфере государственной национальной политики. Иногда эта идея, которая есть прямой призыв к формированию разделенного общества, звучит прямо, иногда (особенно в официальных документах) – опосредованно. Поэтому идея гражданина, гражданских прав и гражданской солидарности до сих пор не стала краеугольным камнем регионального этнополитического (и просто политического) дискурса. Региональные политические элиты просто не понимают их значения, как не понимают содержания понятия «коренной народ».

Правовое и политическое содержание термина «коренное население» / «коренной народ»

Обычно в программных выступлениях и заявлениях лидеров этнонациональных движений и региональных политиков используются термины «коренной этнос», «коренная нация» (под «нацией» они также понимают этническую группу).

Претендующие на звание экспертов в области государственной национальной политики лидеры и активисты этнических организаций и движений нередко ставят знак равенства между используемым в международной практике термином «коренное население», «коренные народы» (*indigenous peoples*) и титульными народами российских республик. Заметим, что представители этнонациональных движений уже давно участвуют в деятельности Рабочей группы по вопросам коренного населения Организации Объединенных Наций, где должна быть использована юридически корректная терминология, связанная с этнополитикой и правом. Но в среде этнических активистов финно-угров прочно укоренилось вышеназванное понимание термина «коренной народ», которое прозвучало еще на первом всероссийском съезде финно-угорских народов в Ижевске, где была принята «Декларация прав коренных народов России» [Съезды АФУН РФ 2007].

Однако до сих пор не существует общепринятого определения «коренные народы». И это не случайно, поскольку чаще всего нельзя однозначно определить, какие этнические группы можно считать «коренными». Одни эксперты под коренными понимают те группы, которые существуют не менее 150 лет, другие – те группы, которые

сформировались как культурные сообщества именно на данной территории, третьи – аборигенное население, существовавшее в регионе до прихода сюда других групп.

Согласно определению международных экспертов, под термином «коренное население» прежде всего «понимаются народы, подвергавшиеся внешней колонизации, иностранным завоеваниям и в силу специфики своей исторической эволюции еще находящиеся на более низком уровне развития, чем доминирующее население, и подвергающиеся дискриминации и даже геноциду» [Коренное население 1990]. Исходя из этого определения, финно-угорские народы (за исключением, возможно, обских угров) вряд ли можно считать «коренным населением» хотя бы потому, что по уровню своего развития они не отличаются от остального населения, не имеют особых общественных институтов и не подвергаются прямой дискриминации или геноциду (правда, проблемы в их культурном развитии очевидны). Что касается отечественного закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов», то он определяет коренные малочисленные народы как этнические сообщества, численность которых не превышает 50 тысяч человек, а его представители проживают на «территориях традиционного расселения своих предков» и сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы. Это определение весьма условно, поскольку народов, которые бы полностью сохранили традиционные промыслы, хозяйство и образ жизни, в России уже не существует. Видимо, следует согласиться с тем, что «критика содержания отечественного понятия “коренные народы” давно назрела, хотя стороны, вовлеченные в создание и воспроизводство соответствующего социального статуса – политики, ученые, законодатели и сами субъекты этих законов, быть может и не готовы к весьма радикальной точке зрения, что конституирующее этот статус понятие является “творением антропологического воображения”» [Соколовский 2000].

Казалось бы, указанные трактовки термина вносят некую правовую определенность в его понимание. *Но политическая и юридическая практика в российских республиках следует не логике права и не логике построения интегрированных гражданских сообществ, а логике политизации этничности* и большевистским традициям. Именно большевики взяли на вооружение доктрину этнического национализма, базировавшуюся на двух ключевых положениях: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием, 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [Тишков 1993]. На основании этой доктрины и строилась так называемая «ленинская национальная политика», суть которой заключалась в том, что титульные этнические группы объявлялись главными и единственными симболи-

ческими собственниками «своих» республик. Ленинское понимание этнополитики в сознании и политической практике региональных элит сохраняется, о чем свидетельствуют конституционные акты республик и документы, определяющие практику реализации региональной этнополитики.

Если говорить о республиках с финно-угорским населением, *то все они являются* полиэтничными и поликультурными, а доля титульного населения не является ни в одной из них большинством населения. Однако в трех республиках с финно-угорским населением (Карелия, Коми, Удмуртия) так или иначе акцентируется особая миссия титульной этнической группы. В карельском Основном законе, принятом только в 2000 г., присутствует странная формулировка, не согласующаяся с культурными и историческими реалиями региона: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов» [Конституция Республики Карелия]. Логика этого положения совершенно непонятна. Получается, что финны, вепсы, русское старожильческое население никак не определяли исторические и национальные особенности республики и, видимо, не могут считаться этническими сообществами вообще, что можно считать и историческим, и правовым нонсенсом. В Конституции Коми заявляется: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа» [Конституция Республики Коми 2014], хотя ряд территорий был заселен ненцами, русскими, обскими уграми раньше, чем там появились коми. В Конституции Удмуртии республиканское сообщество делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии, которые как бы противопоставляются друг другу [Конституция Удмуртской Республики]. Видимо, нацию местные законотворцы воспринимали исходя из советской модели понимания эволюции этнических групп, где низшей формой было племя, затем следовала народность, а потом нация и, наконец, – социалистическая нация как высшая форма развития этнических сообществ. Научная несостоятельность такого понимания процесса этногенеза уже неоднократно доказана учеными, а в международных документах и в принципах, на которых строится Организация Объединенных Наций, т. е. объединение государств-наций, нация понимается как гражданское сообщество. Это было еще раз подтверждено в январе 2006 г., когда на пленарном заседании ПАСЕ были приняты «Рекомендации о понятии нация», подчеркивавшие, что «международной правосубъектностью обладают лишь нации, сформировавшие государства, построенные на основе гражданства, которое не обязательно увязано с этнической принадлежностью» [Федоров 2007].

Наконец, в некоторых региональных документах, определяющих характер образовательных и культурных процессов в республиках, изучение истории, культуры и языка отдельных «избранных» этнических групп явно маркируется как приоритетное, что свидетельствует о том, что содержание названных документов не согласуется

с принципами, на которых строится стратегия государственной национальной политики РФ.

К примеру, Концепция этнокультурного образования Республики Коми утверждена приказом № 255 Министерства образования Республики Коми от 23 ноября 2015 г., т. е. спустя целых три года после утверждения «Стратегии государственной национальной политики», где однозначно указано на необходимость последовательного проведения политики гражданской консолидации всеми государственными институтами. Но содержание данной концепции явно диссонирует с положениями, записанными в указанном федеральном документе и проповедует этноцентричную модель этнокультурного образования, о чем прямо указывается в тексте Концепции: «*Основой этнокультурного образования является освоение этнической культуры коми народа* (курсив наш. – Авт.) в диалог с культурами русского и иных этносов, проживающих в Республике Коми...» [Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016–2021 гг.] Однако, учитывая вышесказанное, представляется, что основой этнокультурного образования является воспитание у учащихся адекватных представлений о многонациональной природе государства, именуемого Российской Федерацией, а также о его народе (многонациональном российском народе – российской нации). На наш взгляд, любая региональная модель исторического и этнокультурного образования должна быть ориентирована на то, чтобы у получателей знаний было ясное представление об исторически сформировавшейся поликультурности республиканских и местных сообществ, чтобы знания были ориентированы на воспитание культуры толерантности у учащихся. А главной целью системы этнокультурного образования (вместе с другими образовательными и информационными системами) является формирование представлений о национальном единстве россиян. Примерно так же, как в Коми, понимается сущность этнокультурного образования и в Карелии, ибо в республиканской концепции этнокультурного образования сказано: «В рамках настоящей Концепции этнокультурное образование понимается как целенаправленный педагогический процесс приобщения обучающихся к этническим культурам карелов, вепсов и финнов через изучение карельского, вепсского и финского языков в учреждениях общего (в т. ч. дошкольного), дополнительного и профессионального образования, на основе взаимодействия с семьей, учреждениями науки, культуры, средствами массовой информации, общественными организациями и органами власти» [Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия на период до 2025 года]. Этническая культура русского старожильческого населения и других этнических групп выпадает из системы этнокультурного образования Карелии, а ее содержание, как в Коми, не ориентировано на то, чтобы прививать учащимся адекватные представления о поликультурной природе сообщества, исторически сформировавшегося на территории Карелии.

О приоритете «коренных народов» неоднократно заявляли и лидеры республик, забывая о конституционном принципе равенства прав граждан России, независимо от их расовой, этнической и иной принадлежности. Так, только вступив в должность Главы Республики Коми, В. Гайзер (ныне отбывающий срок заключения) заявил: «Развитие культуры коренного народа – наш приоритет» [Цит. по: Шабаев 2012]. Демонстрируемый *властями республик этнический фаворитизм, последовательное разделение населения республик на «коренное» и «некоренное», стремление к этнизации всех сфер общественной жизни нельзя назвать конструктивной политикой*. Скорее, это та политика, которая направлена на подрыв гражданского согласия, объективно противостоит идее укрепления общероссийской идентичности и формирования российской гражданской нации и в итоге ведет к культурному расизму. Собственно, так оно и случилось. Сразу после конфликта в Кондопоге тогдашний Глава Карелии Катанандов предложил проводить финно-угорские спортивные турниры по боксу, т. е. делить спортсменов по принципу крови [В Карелии впервые проводят турнир, организованный по национальному признаку]. Затем стали проводить финно-угорские конкурсы красоты, где участницы отбираются по расовому принципу, хотя их всемирные аналоги, напротив, проводятся для того, чтобы продемонстрировать единство мира, а не культурные границы между народами (той же идее служит и спорт). При этом власти и организаторы названных мероприятий даже не понимали, что они потворствуют культурному расизму, ибо раз республиканские сообщества можно представлять в виде культурных пирамид, то почему не довести эту политику до абсурдной и опасной идеи разделения всех сфер жизни общества на этнические «зоны влияния».

Практика этнологических/этнополитических экспертиз

У лидеров этнических организаций, на наш взгляд, в принципе может быть только одна миссия, которая прямо следует из самой сути подобных структур, представляющих узкогрупповые интересы, – доносить чаяния и запросы конкретных этнических групп до институтов власти, добиваться решения возникающих в их жизни проблем.

Но в результате политизации этничности у этнических антрепренеров помимо функции отстаивания интересов «своих» этнических групп появилось более широкое поле деятельности. Этнические антрепренеры и ангажированные с этнонациональными движениями исследователи превратились в главных экспертов по реализации государственной национальной политики. Не случайно, что во многих регионах при руководителях республик и областей созданы консультативные советы по межнациональным отношениям (названия могут меняться), которые состоят преимущественно из лидеров этни-

ческих организаций и НКО. Экспертные советы при тех же губернаторах, региональных министерствах национальной политики, занимающихся обсуждением проблем национальной политики, опять же состоят из лиц, представляющих организации, которые должны не формировать региональные модели этнополитики, а быть их субъектами [Уральская языковая семья: народы, регионы и страны 2015].

Роль этнических антрепренеров как экспертов готовы признать и международные организации, и западные политики, поскольку многие региональные этнические союзы и общества объединяются в более широкие кооперативные объединения, которые приобретают статус международных организаций. К таковым относится, к примеру, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ), являющаяся постоянным участником Арктического совета, объединяющего восемь арктических стран, Всемирный конгресс татар, Консультативный комитет финно-угорских народов – исполнительный орган Всемирных финно-угорских конгрессов.

Участие в международных этнических объединениях и международных институтах регионального и глобального уровня позволяют этническим активистам получать для пропаганды своих идей международную трибуну, расширять группу солидарности. Одновременно это открывает зарубежным акторам возможность вторгаться через международные этнические, правовые и политические институты в сферу компетенции российского экспертного сообщества и придавать проблемам культурного развития, с которыми сталкиваются различные этнические сообщества, гипертрофированный и мифологизированный характер. И такая практика началась уже давно. Так, в 1998 г. по инициативе евродепутата от Финляндии Тютти Исохокана-Асунмаа в комитете по культуре Евросовета был заслушан доклад о мерах, гарантирующих сохранение своеобразия финно-угорских меньшинств, а Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию 1171, касающуюся уральских меньшинств «подверженных вымиранию». России было рекомендовано предпринять меры для сохранения и развития языка и культуры указанных меньшинств, усилить внимание государственных институтов к нуждам уральских народов [Шабает, Чарина 2010].

Широкий выход на экспертный рынок специалистов, не имеющих должной этнологической/этнополитологической и правовой подготовки, а также различных политических деятелей пока особой пользы не принесло, но, очевидно, влияло на политизацию проблем социально-экономического и культурного развития российских народов и, в частности, финно-угров.

А ориентация на заключения подобных «экспертов» региональных политических элит было потенциально опасно, поскольку региональные модели этнополитики под их влиянием явно смещались в сторону этноцентристского понимания региональных сообществ и некорректных политических практик [Шабает Ю.П. 2018].

Подобные практики были наиболее очевидны в сфере языковой политики, реализуемой в национальных республиках, когда фактически директивно иноэтничное население заставили изучать языки титульных групп, являвшихся меньшинствами или лишь номинальным большинством на территории «своих» республик [Шабаев, Воронцов, Мартыненко, Орлова, Миронова 2018]. Подобные практики спровоцировали многочисленные протесты нетитульного населения, но они были логичным следствием как региональных моделей этнополитики, так и заключений ряда ангажированных экспертов.

Оценивая опыт экспертиз, касающихся положения финно-угров России, следует обратить особое внимание на последовательный ряд экспертных оценок и публикаций, претендовавших на глубокую оценку этнокультурных процессов и явлений, имеющих место на территориях проживания уральцев. На наш взгляд, «финно-угорская тематика» весьма наглядно демонстрирует, какой «продукт» пытаются продвинуть на рынок экспертиз те, кто берется конкурировать с зарекомендовавшими себя экспертными сообществами.

Серьезный стимул по развитию экспертной деятельности в указанной сфере дал IV Всемирный конгресс финно-угорских народов, прошедший в августе 2005 г. в Таллине, способствовали этому и усилия ряда эстонских политиков.

Но еще в начале года произошел печальный случай, когда в Йошкар-Оле был избит хулиганами активист марийского движения Владимир Козлов. Однако этот частный случай был взят на вооружение этническими радикалами, которые призвали родственные финно-угорские народы и международную общественность осудить «террор против марийцев» в республике. И этот призыв был поддержан некоторыми западными исследователями, которые составили текст обращения в защиту марийцев, а также его поддержали эстонский институт прав человека и информационный центр финно-угорских народов [Тишков 2005].

Не имея данных мониторинговых исследований и объективного целостного анализа ситуации в регионах проживания финно-угорских народов России, эстонская делегация в ПАСЕ инициировала процесс составления специального рапорта по вопросу о положении финно-угорских народов в России. Глава эстонской делегации Марко Микельсон заявил по этому поводу: «Во время конгресса представители финно-угорских этносов констатировали, что их этносы из-за действий российских властей находятся в России на грани вымирания или потери национального идентитета. В связи с этим задача ПАСЕ – выявить конкретные факты нарушения прав финно-угорских народов в России и через составление специального рапорта оказать влияние на власти РФ с целью улучшения положения в этой сфере» [Цит. по: Шабаев, Чарина 2010, с. 200]. Европарламент поручил подготовку специального доклада по положению уральских народов в России депутату от Эстонии Катрин Сакс. Помощь

в сборе материалов к докладу отчасти оказали представители региональных властей, но главную роль играли некоторые активисты этнонациональных организаций финно-угорских народов, которые исповедовали идеологию этнически разделенного общества. Именно такой состав «экспертов» и определил содержание доклада К. Сакс, который осенью 2006 г. был представлен в Комитет по культуре, науке и образованию ПАСЕ (Doc. 11087, Situation of Finno-Ugric and Samoyed Peoples).

Автор доклада последовательно противопоставляла этничность гражданству и стремилась к политизации этничности. В докладе Сакс нигде не употребляются понятия *российский народ* и *территориальное сообщество*, и очевидно, что для нее *российские финно-угры существуют вне российского социума и вне территориальных сообществ, к которым они принадлежат* уже много столетий. При этом необходимо заметить, что территориальные (республиканские, окружные, областные) сообщества объединены не только территориально, но и составляют некую социальную и культурную целостность. Сакс отрицает значение общегражданской интеграции и гражданской солидарности, которые она называет стремлением к гомогенизации, явно забывая о том, что процессы нациестроительства – это общемировая тенденция нового и новейшего времени [Андерсон Б. 2001].

Очевидное свидетельство попытки противопоставить этничность гражданству просматривается и в терминологических изысканиях К. Сакс. Она предлагает упразднить термин «национальные меньшинства» и вместо него использовать термин «коренные народы». На первый взгляд невинная терминологическая рокировка на самом деле призвана разделить население национальных республик и автономий на качественные страты и в основу этого деления положить принцип крови, т. е., по сути, предлагается узаконить расизм в российской внутренней политике. Сакс указывает и причину, которая является, на ее взгляд, основанием для такой терминологической новации – большинство из этих народов якобы «живут на землях своих предков в течение нескольких тысячелетий». Помимо того, что современные финно-угорские народы сформировались как этнические сообщества не несколько тысячелетий тому назад, а главным образом в эпоху средневековья и позднее, есть серьезные сомнения и в том, что занимаемые сегодня этими народами территории можно однозначно считать только их исконными территориями.

О профессиональном уровне ее информаторов и привлекаемых автором экспертов можно судить хотя бы по попыткам найти «вымершие» финно-угорские народы. Автор «нашла» такие народы и перечислила их: карагасы, камассиан, койбал, таиги или тавги. Но весь ряд якобы вымерших народов является откровенной спекуляцией или свидетельством вопиющей некомпетентности автора и ее советников, в том числе этнических активистов или региональных исследователей в России. Так, карагасы – это устаревшее название тофаларов, которые являются не уральцами (финно-уграми или

самодийцами), а тюрками, т. е. принадлежат к совершенно другой языковой семье – алтайской. «Койбал» и «камасиан» (в авторском варианте) есть этнонимы, которые относятся к хакасам (камасинцы и койбалы), которые были сформированы из самых разных этнических компонентов и тоже не принадлежат к финно-уграм или самодийцам. Таиги и тавги, действительно, имеют прямое отношение к уральцам, а точнее, к самодийцам, ибо это одно из названий ненцев, которые по численности сегодня являются крупнейшей этнической группой, относимой к коренным малочисленным народам России, численность которой стабильно растет.

Доклад полон исторических спекуляций, заведомо неточных сведений, методически и методологически некорректен и очевидно представляет собой не полноценный экспертный анализ ситуации в районах проживания российских финно-угров, но некий политический манифест для сторонников этнического национализма, о чем было сказано в специальной публикации, посвященной разбору названного документа [Тишков, Шабаев 2007].

В резолюции конгресса, состоявшегося в Таллине, предлагался также механизм, с помощью которого необходимо было добиваться объединения интересов этнических антрепренеров в России и их политических покровителей на Западе. Таким механизмом должен стать мониторинг ситуации в российских регионах, проводимый за счет финансовых средств, выделяемых прежде всего Финляндией. Для более эффективного взаимодействия групп интересов было предложено организовать переподготовку активистов этнонациональных движений за счет целевых средств, выделяемых названными спонсорами и по их программам.

Реализуя названную идею, Министерство иностранных дел Финляндии профинансировало проведение широкого мониторингового исследования в регионах проживания российских финно-угров. Это исследование было осуществлено группой ученых, которые активно сотрудничают с этнонациональными организациями, а руководителем проекта являлся А. Конюхов – член Консультативного комитета финно-угорских народов от Республики Коми. Итоги исследования были обобщены в коллективной монографии, изданной в 2008 г. в Сыктывкаре (деньги на публикацию труда, однако, выделило Министерство регионального развития РФ, ныне упраздненное).

Первое, что удивляет при чтении монографии «Финно-угорские народы России: вчера сегодня, завтра» – это абсолютное игнорирование предшествующих мониторинговых исследований, осуществляемых на протяжении ряда лет Институтом этнологии и антропологии РАН (в том числе и в «финно-угорских регионах»). Затем неясно, почему авторы не использовали в своем анализе работу, выполненную этнологами и этнополитологами из ряда республик с финно-угорским населением, которая прямо перекликается с поставленной перед авторами названной монографии целью. Речь идет о специальном докладе «Финно-угорские народы России: общее положение,

проблемы и решения» [Воронцов, Шабаев, Шаров, Шилов 2005] и целом ряде других подобных исследований. Авторы взяли на себя смелость утверждать, что до них никто не проводил исследований, посвященных «современному состоянию» финно-угорских народов, хотя перечень исследований и публикаций на заданную тему был бы весьма обширен, если бы авторы проявили хотя бы минимум научной объективности.

Главное же, что ставит под сомнение методическую корректность исследования – это то, что оно не осуществлялось на основе единого методического подхода, т. е. данные, полученные в разных регионах, не могут быть сопоставимыми. Неясными являются базовые понятия, использованные авторами. К примеру, что означает термин «этнические права», и как он соотносится с правом вообще, что такое «феномен мировидения», «архетип самосознания», «традиционное сознание» и т. д. Но особенностораживает, что вслед за К. Сак авторы труда стали пропагандировать расовый подход для характеристики принадлежности к финно-угорским народам. Свидетельством тому является такая расовая категория, как «финно-угорский генофонд», которая используется авторами. Конечно, они не одиноки в своих биологизаторских упражнениях, ибо этногенетические изыскания ныне приобрели огромную популярность (особенно у радикалов), хотя нет никаких доказательств того, что этническая идентичность наследуется с кровью.

Подробный анализ книги «Финно-угорские народы...» дан в рецензии, которая опубликована в журнале «Этнографическое обозрение» [Шабаев, Шилов 2009]. Здесь стоит привести лишь вывод, который следует из анализа ее содержания: «Книга есть классический пример подмены научной объективности объективистским анализом (а точнее, псевдонаучным), что объясняется ангажированным характером самого исследовательского проекта».

Между тем и российские власти в отношении к «финно-угорскому вопросу» не всегда разборчивы, ибо они уже неоднократно поддерживали сомнительные проекты. Так к V Всемирному конгрессу финно-угорских народов, который состоялся летом 2008 г. в Ханты-Мансийске, был подготовлен сборник статей «Идентичность и изменяющийся мир». В сборнике помещены публикации ученых, которые являются либо членами «Научного экспертного совета при Ассоциации финно-угорских народов РФ», либо членами «Экспертного совета по национальной политике при Правительстве Республики Коми» (созданного в 2007 г. и сформированного преимущественно по этническому признаку).

Ко многим статьям сборника есть вопросы и серьезные претензии, ибо сомнительны и термины, и доводы авторов, и их попытки вольно интерпретировать международные правовые акты. Но особо следует остановиться на статье А.С. Казимова, Т.Б. Никитиной, А.А. Попова «К оценке этнических процессов у финно-угров Приволжского федерального округа (марийцы, мордва, удмурты, коми-пермяки)».

В сноске на первой странице указано: «Авторы являются членами Научного экспертного совета при Ассоциации финно-угорских народов РФ (А.С. Казимов и Т.Б. Никитина – от Республики Марий Эл, А.А. Попов – от Республики Коми). Один из авторов являлся директором исследовательского института, а два других числились в ту пору заместителями директоров.

Самым замечательным в этой статье является то, что она представляет собой откровенный плагиат доклада «Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения», написанного группой экспертов Сети этнологического мониторинга под общей редакцией В.А. Тишкова и автора данного материала. Новые «авторы» убрали из таблиц и из текста только данные по коми и удмуртам, добавили одну таблицу, а далее дословно привели текст доклада со страниц 12–17, 22, 23... При этом ни одной ссылки на доклад в статье нет.

Приведенный выше ряд «экспертных разработок» можно было бы и продолжить, но следует заметить, что в последние годы этнические активисты и ангажированные с ними региональные исследователи не предлагали на суд общественности каких-то значительных работ. Однако традиция подобных «исследований» прочно укоренилась.

В феврале 2018 г. в Петрозаводске прошла презентация исследования «Коренные народы и доступ к информации», которое, по сути, является экспертным докладом для Организации Объединенных Наций [Коренные народы и доступ к информации 2018]. Авторами исследования выступили А. Цыкарев, эксперт ООН в области прав коренных народов (Республика Карелия), и В. Немечкин, кандидат юридических наук, доцент Мордовского государственного университета (Республика Мордовия). При этом *в докладе не указано, какие цели и задачи преследует исследование, на какие методологические и методические принципы оно опирается*. Об этом можно только догадываться. Но главные претензии к названному докладу состоят в том, что авторы не определили базовое понятие своего доклада, а именно: что они понимают под термином «коренной народ», и какова юридическая основа, позволяющая им использовать данный термин в отношении этнических групп, являющихся объектом их анализа.

Правда, в данной работе верно замечено, что нет единого определения термина «коренной народ», но тем не менее есть рабочее определение, которое приведено выше и которым обычно пользуются для определения статуса этнической группы. Существует также «Руководство ООН», позволяющее определиться с принципами «статусной классификации» этнических сообществ [Руководство Организации Объединенных Наций для коренных народов 2001]. Что касается российской ситуации, то здесь проблем с терминологией меньше, ибо еще в 2000 г. было принято Постановление Правительства РФ «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». Этот Перечень неоднократно обновлялся, но тем не менее из перечисленных в докладе двух авторов этнических

групп в него входят только вепсы [Шабаев 2017]. Разработана серия законов, ориентированных на обеспечение прав коренных народов РФ, которые достаточно полно позволяют определить круг тех этнических сообществ, которые относятся к названной категории культурных меньшинств, а также сферы их жизнедеятельности, находящиеся под защитой государства [Шабаев, Задорин 2017].

Здесь следует оговориться, что в Карелии и в Мордовии правовое поле этнополитики существенно различается, о чем почему-то авторы не стали говорить, хотя это очевидная проблема, требующая экспертного осмысления.

Карельское республиканское законодательство не только определяет особую миссию титульной этнической группы, но 24.01.2018 постановлением Правительства Республики Карелия утверждена государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов», которая признает за карелами, вепсами и старожильческими группами русского населения (заонежцами, пудожанами, поморами) право именоваться «коренными народами». В указанном документе сказано: «Республика гарантирует дополнительные права этим народам не потому, что они являются привилегированными этносами, а прежде всего в силу сложившихся неблагоприятных для них социально-экономических и демографических обстоятельств» [Постановление Правительства Республики Карелия 2018]. Однако стоит заметить, что приведенный в Программе аргумент неоднократно использовался в обращениях руководства Архангельской области к Правительству РФ с просьбой включить поморов в Единый перечень коренных малочисленных народов, но все эти просьбы были отвергнуты как необоснованные [Шабаев, Жеребцов 2018]. Стоит также указать, что анализ постановления не дает понимания того, какие «дополнительные права» (помимо «права» на получение квот на вылов рыбы) подразумевают создатели документа, а равно и то, что они подразумевают под «коренными народами» и как региональная правовая система согласуется с федеральной. Эта правовая коллизия никак не осмыслена авторами, равно как и то, что в Мордовии вообще нет документов, которые бы маркировали какие-либо этнические группы населения этой республики как коренные. Об этом авторы упомянули, но не более того.

Вторая принципиальная претензия состоит в том, что, не указав целей и задач своего анализа, авторы должны были определить проблемные ситуации, которые имеют место в дискурсе «коренные народы и доступ к информации». Отталкиваясь от заявленных авторами проблем, можно было строить логику дальнейших рассуждений и представлять систему доказательств, подтверждающих тезисы авторов. Но этого тоже сделано не было. И таким образом, получается, что аналитический доклад не имеет ни ясно очерченного объекта, ни понятного для читателя предмета анализа, что сразу же ставит под вопрос его аналитическую и экспертную сущность.

Из контекста рассуждений авторов все же следует, что они вслед за активистами финно-угорского движения и некоторыми западными политиками маркируют финно-угров России в целом и двух республик названных в докладе, в частности, как «коренных».

Опуская все не относящиеся к дискурсу «финно-угры РФ и доступ к информации» рассуждения, остановимся на одном ключевом положении – получении информации на родном языке.

Судя по всему, главная претензия авторов заключается в том, что финно-угры ограничены в получении информации на национальных (региональных) языках: «На основе Резолюции VIII Съезда карелов Республики Карелия и Резолюции VII Всемирного конгресса финно-угорских народов можно сделать вывод о том, – замечают они, – что наиболее серьёзную обеспокоенность коренных народов вызывает опасность исчезновения их языков и культуры, а также отрицательная демографическая динамика... Одной из составляющих решения языковых вопросов коренные народы видят в обеспечении доступа к информации на родных языках и расширении сфер языкового применения. Коренные народы акцентируют внимание на необходимость сохранения тиражей печатных средств массовой информации и оптимизации эфиров радио и телевизионных передач, выходящих на родных языках. Распространение языков коренных народов в цифровом пространстве видится критически важным для жизнестойкости данных языков» [Коренные народы и право на информацию 2018, с. 12–13]. Из приведенной цитаты видно, что авторы мифологизируют коренные народы и оценивают их в эссенциалистском духе, придавая им значение коллективного тела и действующего субъекта: «обеспокоенность коренных народов», «коренные народы видят», «коренные народы акцентируют внимание» и т. д. Между тем от лица и от имени коренных народов (а точнее, тех этнических групп, которые авторы определяют как «коренные») выступают отдельные этнические активисты и политики, которые не получали мандата представлять эти народы. Они представляют либо самих себя, либо отдельные этнические организации, состав которых не формируется на основании прямых всеобщих, равных и тайных выборов, организуемых этническими сообществами, за исключением саамских парламентов в Швеции, Норвегии и Финляндии. При этом собственную позицию активисты выдают за позицию народов, хотя в реальности культурные ориентации активистов и представителей этнических групп, маркированных как «коренные народы», могут радикально различаться. Применительно к карелам так оно и есть, ибо само понятие «карельский язык» есть некая абстракция. Единого литературного карельского языка до сих пор не создано. Такая ситуация есть прямое следствие карельского опыта нациестроительства. Карельская автономия мыслилась как плацдарм для будущей экспансии в Скандинавию. Поэтому лидерами Карельской трудовой коммуны, созданной в 1920 г., вполне логично стали не карелы, а финны («красные финны»), которые потеряли

поражение в Финляндии, но мечтали о реванше. Не случайно, что само название Трудовой Коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском принципиально иное звучание (*Karjalan Työväenkommuuni* – Трудовая Коммуна Карелии), что создавало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно и то, что «попытки создания карельской и вепской письменности “красные” финны признавали шовинистическими, политически неверными и служившими для «одурачивания темных масс» [Сурво, Сурво 2009]. С 1940 по 1956 г., когда Карелия превратилась из автономной в союзную Карело-Финскую республику, проблема создания карельского языка была вторичной, а после 1956 г., когда изменился и статус республики, и существенно сократилась доля карел в составе населения, она утратила свою актуальность, ибо «уже в конце 1950-х годов среди молодого поколения карел-горожан (до 20 лет) языковая ассимиляция распространялась “вглубь”: более половины из них родным считали русский язык» [Клементьев, Кожанов 2005]. Ситуация изменилась на рубеже 1980–1990-х гг., когда в республике сформировалось карельское движение, представленное различными организациями. Часть этнических активистов выступала за усиленное внимание к развитию карельского языка, другая – призывала признать «родным» для карелов финский язык, но тем не менее в начале 1990-х гг. Министерство просвещения республики начало эксперимент по преподаванию в начальных классах ряда школ Олонецкого и Пряжского районов карельского языка, а в Шелтозерской школе – вепского. В начале 2000-х гг. парламент Карелии утвердил Закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия», а в 2004 г. было создано Общество карельского языка и литературы «Карьялан киелен сеуру», поставившее своей главной целью работу по созданию единого карельского языка и привлечению общественного внимания к данной проблеме [Хорошавин 2005]. Однако единая литературная норма до сих пор не создана, но самая главная проблема состоит не в этом, а в радикально изменившихся языковых ориентациях карел.

Данные переписи 2010 г. свидетельствуют, что тенденция на ослабление языковых компетенций среди российских финно-угров в части освоения ими языков своих предков является вполне устойчивой. И столь же очевидно последняя перепись показала, что русский язык является не только основным языком общения, но и признается родным значительной долей российских финно-угров: русский язык назвали родным 37,1% коми (без коми-пермяков), проживающих на территории Республики Коми; 72,7% – карел в Карелии; 43,9% – удмуртов в Удмуртии; 20,2% – марийцев в Республике Марий Эл; 18,0% тех, кто называет себя мордвой в Мордовии [Шабавев, Воронцов, Мартыненко, Орлова, Миронова 2018, с. 66].

Еще в 1990-е гг., согласно данным микропереписи населения 1994 г., в семье общаются на русском языке 987 из каждой 1000 вепсов, 825 карел, а ныне практически все карелы и вепсы пользуются

в семье русским языком и для них проблема получения информации на родном языке не существует, ибо фактически этим языком является русский. При этом выбор в пользу русского языка сделан потребителями языка добровольно и осознанно. Иными словами, карелы и вепсы Карелии в полной мере воспользовались одним из своих прав – *правом на культурную свободу*, т. е. правом самим определять культурные приоритеты, включая выбор языка общения и обучения, вероисповедание, образ жизни.

Отдельные разделы исследования, подготовленные В. Немечкиным, посвящены Республике Мордовия (РМ). Так, указанный эксперт анализирует региональную законодательную базу, которая обеспечивает реализацию права на свободу информации на территории РМ. Прежде всего это Конституция Республики Мордовия, которая, в частности, декларирует: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч. 4, ст. 27). «Органы государственной власти Республики Мордовия и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом» (ч. 2, ст. 22) [Конституция Республики Мордовия]. Среди других законодательных актов, имеющих отношение к анализируемой проблематике, В. Немечкин называет Указ Главы Республики Мордовия от 29 июня 2010 г. № 121-УГ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Главы Республики Мордовия и Администрации Главы Республики Мордовия»; Постановление Правительства Республики Мордовия от 22 ноября 2010 г. № 454 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Республики Мордовия и исполнительных органов государственной власти Республики Мордовия».

В. Немечкин в своей части экспертного исследования представляет обзор состояния национальных (мордовских) СМИ в республике в настоящее время. Он указывает на наличие достаточно развитой сети мордовских национальных периодических изданий, таких как газеты «Мокшень правда», «Эрзянь правда», «Эрзянь мастор» (последняя скандально известна своими материалами, провоцирующими межнациональную рознь), журналы «Мокша», «Сятко», «Чилисема», «Якстерь тештеня». Кроме того, упоминается контент на мордовских языках на региональном телевидении и радио: телепередачи «Сияжар» (ГТРК «Мордовия» на канале «Россия»), «Од пинге» (Телекомпания «Телесеть Мордовии» на «Десятом канале»); радиoproграммы «Вайгель» и «Сияжар».

В то же время В. Немечкин указывает на ряд проблем, среди которых, на наш взгляд, далеко не все имеют прямое отношение к теме анализируемого экспертного исследования.

Например, такова проблема ассимиляции мордвы, которая охватывает не одно десятилетие и продолжается с советского периода

до настоящего времени. Одним из проявлений ассимиляции принято считать двойную идентичность многих представителей мордвы, которые считают себя также русскими. Необходимо отметить, что причины, характер, масштабы и последствия данного процесса дискутируются как в научном сообществе, так и в среде этнокультурных организаций, в средствах массовой информации, в интернете. Очевидно, что важную роль в этих процессах играет дисперсный характер расселения мордвы по всей территории России, при этом в Республике Мордовия проживает менее половины общей численности мордвы. Историк В.К. Абрамов указывает на действие неких морально-психологических факторов: «Среди последних, – пишет он, – следует назвать отмену пункта о национальности в новых паспортах, расширяющую возможности сокрытия своей национальности и активную деятельность некоторых организаций по расколу мордвы на так называемые эрзянский и мокшанский народы» [Абрамов 2007]. «Некоторой организацией», которую упомянул историк, является Фонд спасения эрзянского языка, который не только принципиально не признает единство мордовского народа, но и считает ассимиляцию эрзян и мокшан целенаправленной государственной политикой в России на протяжении имперской, советской и постсоветской эпох, трактуя ее как некий «этноцид» [Эрзянь мастор].

Более взвешенного взгляда на проблему придерживается этнолог А.С. Щербаков, усматривающий в ассимиляции мордвы последствия глобального процесса урбанизации, «размывающего» традиционную культуру многих народов. Он пишет: «Конечно, утрата мордвой, например, своих языков и культуры одновременно сопровождалась соответствующими заимствованиями русского языка и культуры, однако, учитывая степень распространенности русского языка, его значение как средства делового, профессионального общения и транслятора официальной информации (русский является государственным языком нашей страны), процессы этноязыковой энтропии являются объективными по своей сути. Что же касается современной актуальной культуры (особенно городской) то она, в основном, практически полностью лишена какой бы то ни было этнокультурной специфики (башкирской, мордовской, русской, татарской и др.) и носит, прежде всего, в материальной области, наднациональный характер, являясь следствием глобализации и формирования индустриального (а теперь уже и постиндустриального) общества» [Щербаков 2005].

Перечисленные точки зрения, скорее всего, отражают только часть действительности, которую, наряду с упрощенным концептом ассимиляции, необходимо дополнить не менее важным, а в ряде случаев и доминирующим, фактом двойственности и даже множественности идентичности мордвы, а равно и любого другого народа. В любом случае эта проблема не связана с вопросами обеспечения права на информацию, которым в Республике Мордовия обеспечивается все взрослое население, причем не только на русском, но и на мокшанском, эрзянском, татарском языках.

Другой проблемой, упомянутой В. Немечкиным, является проблема сохранения мордовских языков. Необходимо отметить, что в предшествующий, советский период, особенно в 1960–1970-е гг., мордовская национальная школа действительно вступила в период своего упадка, постепенно утрачивая характер национальной идентичности как таковой. В немалой степени это было вызвано тем обстоятельством, что преподавание мокшанского или эрзянского языка было сохранено в указанный период только как отдельная учебная дисциплина. К тому же сокращалось количество школ с преподаванием родного языка и в подобном формате. Например, если в 1960/61 учебном году изучение мордовского языка проходило в 550 школах Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики (МАССР), то в 1988/89 учебном году таких школ осталось 319. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., основная часть мордовского (мокшанского и эрзянского) этноса (около 73%) проживала за пределами МАССР, а в других регионах мордовские языки, как правило, не изучались. К 1991 г. за пределами республики насчитывалось около 190 школ с преобладанием учащихся мокшан или эрзян; в 75 из них изучался один из мордовских языков, но только в 25 как обязательный предмет, а в остальных – факультативно [Нарядкина 2006]. Указанные процессы привели к тому, что в начале 1990-х гг. сфера применения мокшанского и эрзянского языков в Мордовии фактически ограничивалась бытовым уровнем.

Коренные, структурные изменения, охватившие российское общество в 1990-е – начале 2000-х гг., затронули и сферу образования, в том числе образования на родных языках. Общую «атмосферу» в сфере образования того периода достаточно емко, на наш взгляд, сформулировала специалист по педагогике Г.В. Палаткина, которая пишет, что «противоречие между ростом национального самосознания, вытекающего в попытку возрождения и развития национальных культур, и фактической неподготовленностью общества к позитивному восприятию всего самобытного национального многообразия; противоречие между потребностью этносов изучать родную культуру и отсутствием системы образовательных институтов с квалифицированными кадрами, способными удовлетворить ее; противоречие между необходимостью позитивных межнациональных контактов и отсутствием культуры такого взаимодействия; противоречие между большим педагогическим потенциалом этнической среды и его не востребованностью в современной системе образования; противоречие между наличием практически во всех уголках страны мультикультурных регионов и отсутствием системы образования, удовлетворяющей потребности каждого этноса в регионах» [Палаткина 2002].

Возрождение качественного преподавания мордовских языков в общеобразовательных учреждениях республики приходится именно на постсоветский период, когда при поддержке региональных и федеральных властей началось движение за восстановление

престижа национальной школы. Первоначально «на острие» этого движения были, конечно, различные этнокультурные общества мокшан и эрзян, организационно оформившиеся в конце 1980 – начале 1990-х гг. [Мартыненко 2011].

В известной степени под их влиянием, уже позднее, в конце 1990 – начале 2000-х гг., в республике был принят ряд законов, имеющих непосредственное отношение к сфере образования. Прежде всего это закон РМ «О государственных языках в Республике Мордовия» (№ 19-3, 1998 г.); закон РМ «Об образовании в Республике Мордовия» (№ 48-3, 1998 г.); а также широкий комплекс постановлений правительства РМ и Главы РМ. Указанные нормативно-правовые документы РМ отражают основные принципы и аспекты Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, такие как единство федерального культурного и образовательного пространства; равные права всех языков на сохранение и развитие; защита и развитие системы образования национальных культур; запрет на дискриминацию по национальному, языковому или религиозному признаку; государственная поддержка образовательных учреждений с обучением на национальных языках; учет системой образования местной языковой и этнокультурной специфики.

Так, например, ст. 8 закона РМ «О государственных языках в Республике Мордовия» гласит: «Органы государственной власти Республики Мордовия обеспечивают на территории республики создание системы образовательных учреждений с обучением на родном языке или изучением родных языков. Право выбора языка воспитания и обучения детей принадлежит родителям или лицам, их заменяющим, в соответствии с законодательством Российской Федерации» [О государственных языках Республики Мордовия 1998].

Статья 9 того же закона гласит: «Республика Мордовия создает условия для научных исследований мордовского (мокшанского или эрзянского) государственного языка и обеспечивает подготовку специалистов по государственным языкам Республики Мордовия» [О государственных языках Республики Мордовия 1998]. Под специалистами здесь подразумеваются не только ученые-филологи, но и преподаватели мордовских языков как в вузах, так и в общеобразовательных учебных учреждениях.

Наконец, ст. 10 рассматриваемого закона фиксирует возможность преподавания в Мордовии не только государственных языков республики: «Республика Мордовия обеспечивает гражданам Российской Федерации, проживающим в Республике Мордовия, условия для изучения и преподавания государственных языков Республики Мордовия и *языков народов, компактно проживающих в Республике Мордовия* (курсив наш. – Авт.), в пределах возможностей, предоставляемых системой образования».

Соответственно, в статье 3 «Язык (языки) обучения в образовательных учреждениях» (п. 1–4) закона РМ «Об образовании в Республике Мордовия» говорится: «Общие вопросы языковой поли-

тики в области образования регулируются Законом Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» и законом о государственных языках Республики Мордовия. В Республике Мордовия гарантируется право на получение дошкольного, основного общего образования на государственных языках Республики Мордовия: русском, мордовском (мокшанском, эрзянском), а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Язык (языки), на котором ведутся обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяется учредителем (учредителями) образовательного учреждения и (или) уставом образовательного учреждения. Право выбора языка воспитания и обучения детей принадлежит родителям или лицам, их заменяющим, в соответствии с законодательством Российской Федерации» [О государственных языках Республики Мордовия 1998]. В этой связи отметим, что во многих татарских селах республики также есть национальные школы с преподаванием татарского языка. По данным на 2017 год, татарский язык преподавался в 21 школе РМ [Сделано в Мордовии]. Именно на этой правовой основе в Мордовии стала выстраиваться система поликультурного образования, которая продемонстрировала свою жизнеспособность и, главное, способность к дальнейшему развитию.

Пожалуй, единственной проблемой, упомянутой В. Немечкиным, которая имеет непосредственное отношение к сфере права на информацию, является устойчивая тенденция к снижению тиражей приведенных выше национальных периодических изданий. Но необходимо отметить, что это общая тенденция, характерная для всех периодических изданий, не только национальных. И основной причиной данной ситуации является постепенный отказ от бумажных носителей в пользу «цифры», то есть переход абсолютного большинства периодических изданий на формат сайтов в Интернете, к слову, значительно расширяющих читательскую аудиторию. Поэтому *попытка представить сокращение тиражей как некое проявление «информационной дискриминации» национальных СМИ представляется необоснованной*. То есть налицо ситуация, при которой проблема, имеющая общесоциальный характер, подается как некое ущемление прав «коренных народов».

Более того, дискуссионный характер носит трактовка В. Немечкиным понятия «коренной народ», которая представлена в его диссертационном исследовании. В частности, он пишет: «Коренные народы “привязаны” к земле, между ними и их землей существует особая связь. Главный фактор, позволяющий сохранить свою самобытность у коренных народов – это привязанность к исконной среде обитания» [Немечкин 2007, с. 13]. К мордве с ее дисперсностью расселения не просто по России, а по всему постсоветскому пространству, а также высокой степени урбанизации, постановка вопроса о «привязанности к природной среде обитания» выглядит несколько искусственной. Если же здесь имеется в виду население деревень

республики, то сельским хозяйством в Мордовии на протяжении веков, наряду с мордвой, занимались также русские и татары, что, на наш взгляд, также делает уязвимым тезис о некоей особой связи «коренного этноса» с данной территорией.

Заключение

В целом авторы доклада «Коренные народы и право на информацию», как и многие другие этнические антрепренеры, выступают за признание титульных этнических групп коренными: по сути, речь идет об узаконении неких этнокультурных иерархий, когда отдельные этнические группы наделяются особыми преференциями, что подрывает один из ключевых конституционных принципов РФ – принцип равенства прав граждан. Если же обратиться к прагматической части их доклада, т. е. к рекомендациям, то они изложены в форме пожеланий, крайне неконкретны и являются, скорее, формой политической демагогии, нежели серьезно проработанными и обоснованными прикладными предложениями. Прочитав часть формулировок: «продолжить дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы», «обеспечить доступность правовой информации», «проводить информационные мероприятия (выпуски теле- и радиопередач, газетных рубрик и т. д.), направленные на повышение знаний и информированности о правах коренных народов», «активнее применять в субъектах РФ практику предварительного обсуждения проектов законов и нормативных правовых актов, затрагивающих сферу прав и законных интересов коренных народов», «поддерживать создание контента на родных языках» и т. д. При этом в данных рекомендациях отсутствует самый важный элемент экспертного анализа – учет культурных и информационных потребностей той аудитории, за интересы которой ратуют названные эксперты. Нет результатов каких-либо социологических исследований, показывающих востребованность той или иной информации, в которой якобы нуждаются карелы, вепсы или мордва, нет интервью с потенциальными потребителями информации, нет анализа того, какая информация и на каком языке (или диалекте) наиболее востребована и какие формы ее подачи могут быть наиболее эффективными.

Авторы доклада «Коренные народы и право на информацию», судя по их рекомендациям, обеспокоены тем, что финно-угорское население Карелии и Мордовии (а равно и других национальных регионов) получает мало информации на уральских языках. Однако даже поверхностного анализа языковой ситуации и языковых ориентаций и компетенций населения двух республик (и других регионов проживания финно-угров РФ) в докладе не содержится. Между тем получение информации на уральских языках сегодня затруднено не только в силу того, что есть проблемы с организацией обучения

на этих языках или недостаточно информационных материалов на них. Здесь есть более серьезная проблема, ибо в силу того, что начиная с 1990-х гг., когда к миноритарным языкам стало проявляться усиленное внимание, их развитие оказалось в плену региональных языковедов, в подавляющем большинстве являвшихся представителями меньшинств. Получив карт-бланш на определение стратегии языкового развития, они видели свою главную цель в расширении словарного состава уральских языков, словотворчестве и вытеснении заимствований, прежде всего заимствований из русского языка. При этом нужды потребителей языка не учитывались, поскольку языковеды занимали позицию неких романтиков, сродни той, которую в начале XIX в. занимали так называемые «будители» в странах Восточной Европы. Фактически же их романтизм вылился в простое культуртрегерство, которое не должны позволять себе ответственные эксперты. Они не считались с опытом языкознания, который показал, что пуризм как эффективная форма развития языка бесперспективен, а развитие языка должно находиться в тесной зависимости от того, что может принять потребитель языка. В результате массивного словотворчества был создан новояз, который не принимают многие из тех, для кого обновленная форма литературных языков уральцев якобы создавалась [Шабаев, Воронцов, Мартыненко, Орлова, Миронова 2018, с. 62–74]. Ратуя за интересы целевой аудитории, эксперты игнорируют мнения и потребности этой самой аудитории, т. е. мнения потребителей информации. Примером такого рода анализа служит также доклад, опубликованный в 2019 г. на сайте MariUver «Общие проблемы изучения национальных языков в школах республик Поволжья и Урала» [Общие проблемы изучения национальных языков в школах республик Поволжья и Урала].

Здесь представлены данные о количестве учебных часов, выделяемых на изучение национальных языков в разных классах школы и в разных типах учебных заведений, констатируется, что изучение языков носит формальный характер, но нет аргументированных расчетов минимума учебных часов, необходимого для того, чтобы изучение языков перестало носить формальный характер (есть только заявление, что «даже 4–5 часов в неделю мало»). Не приведено никаких сведений о согласии самих потребителей языковых знаний, т. е. учеников и их родителей принять существенное увеличение учебной нагрузки, связанной с углубленным изучением национальных языков. Сторонники расширения языковой программы не учли и очевидную необходимость сокращения часов на другие предметы. При этом стоит заметить, что школа призвана лишь систематизировать языковые знания, а формировать их должна семья. Без семьи и соответствующей языковой среды вокруг ребенка никакое увеличение часов на изучение языков меньшинств не даст эффекта, что должно быть понятно любому специалисту.

Из рассуждений экспертов прямо или косвенно вытекает, что *право решать*, что нужно потребителям языковых знаний, прина-

длежит неким культуртрегерам (выступающим как эксперты), но не самим потребителям культурной или иной другой информации. Однако в таком случае право перестает быть ПРАВОМ, *ибо идея прав человека подменяется идеей культурного диктата; сторонники этнизации культурного пространства, как правило, отстаивают идею диктата группы над личностью.*

Но дело в том, что простые представители этнических меньшинств давно отказали неким этническим лидерам и экспертам в праве решать за них, на какие культурные ценности необходимо ориентироваться, какую форму культурного (в том числе и языкового) поведения выбирать. Поэтому, несмотря на почти 30-летний период этнического ренессанса, постоянную манифестацию этничности и призывы всячески сохранять некую «традиционную культуру», и молодежь, и их родители ориентированы на космополитическую культуру города и русский язык как основное средство общения и культурного потребления. Культурные элиты меньшинств оказались оторванными от своих этнических сообществ, ибо миссию будителей они не смогли выполнить. А когда государство встало не на сторону этнических антрепренеров, а на сторону простых граждан, законодательно закрепив право на культурную свободу, включая свободный выбор языка обучения и свободное изучение родного языка как предмета (включая и самостоятельный выбор этого самого родного языка), тогда этнические антрепренеры, и особенно этнические романтики, оказались в состоянии фрустрации. Свидетельством этого стало самосожжение удмуртского активиста (и исследователя) Альберта Разина, занимавшегося «реконструкцией языческих верований» [Мельников 2019], в знак протеста против того, что язык более стало невозможно навязывать людям, что им позволено добровольно выбирать языки обучения. Названное печальное событие вновь попытались использовать этнические радикалы, которые в соцсетях выражали лицемерное сочувствие не родным, близким, друзьям и коллегам погибшего, а исключительно удмуртскому народу, выступая от имени других этнических меньшинств, которые их не уполномочивали на это. Этническим антрепренерам вторили и некоторые политики на Западе, особенно в Эстонии, что очень напоминало события 2005 г.

Возвращаясь к вышеназванному докладу двух экспертов, заметим, что, отстаивая право на информацию «коренных народов», под которыми авторами анализируемого доклада понимаются титульные этнические группы, названные эксперты почему-то напрочь проигнорировали информационные ресурсы, создаваемые для той целевой аудитории, интересы которой они собрались защищать. Среди этих ресурсов нужно назвать сайт АФУН (Ассоциации финно-угорских народов), сайт информационного центра финно-угорских народов, который создан при федеральном финно-угорском центре в Сыктывкаре, и сайт Поволжского финно-угорского центра в Саранске, финансируемые федеральным центром. Тот факт, что эти (и другие)

ресурсы не работают на интересы финно-угров, хотя для этого они и предназначены, не поддается логическому объяснению, равно как и позиция экспертов, игнорирующих проблемы, связанные с их функционированием.

Таким образом, можно констатировать, что сложилась довольно устойчивая практика заказных экспертиз, ориентированных на анализ «финно-угорской проблематики», но эти экспертизы носят не конструктивно-прикладной характер, а скорее, являются этнополитическими манифестами. На наш взгляд, любой экспертный анализ, касающийся культурных потребностей людей, не опирающийся на глубокий анализ этих потребностей, будет либо культуртрегерством, либо политической или научной спекуляцией.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации НИР «Социологическое исследование, посвященное изучению этнополитических и этнокультурных процессов в регионах проживания финно-угорских народов РФ (на примерах национальных республик)».

Acknowledgements

The article was prepared as part of the research project “A sociological study devoted to the analysis of ethno-political and ethnocultural processes in the regions where the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation live (by the examples of national republics)”.

Литература

- Абрамов 2007 – *Абрамов В.К.* Переписи мордовского народа в 1897–2002 гг. // Социально-демографические проблемы Поволжья в этническом измерении: сб. статей. Саранск, 2007.
- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.; КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- В Карелии впервые проводят турнир, организованный по национальному признаку – В Карелии впервые проводят турнир, организованный по национальному признаку [Электронный ресурс]. URL: <http://finugor.ru/kv/node/1920>
- Воронцов, Шабаев, Шаров, Шилов 2005 – *Воронцов В.С., Шабаев Ю.П., Шаров В.Д., Шилов Н.В.* Финно-угорские народы России: общее положение, проблемы и решения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии / под ред. В.А. Тишкова, Ю.П. Шабаева. Т. 183. М.: ИЭА РАН, 2005.
- Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 – Декларация о расе и расовых предрассудках. Принята генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее двадцатой сессии 27 ноября 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/documents/decl_conv/declarations/racism.shtml
- Клементьев, Кожанов 2005 – *Клементьев Е.И., Кожанов А.А.* Предисловие // Карелы: модели языковой мобилизации: Сб. материалов и документов. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2005.

- Конституция Республики Карелия – Конституция Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/
- Конституция Республики Коми 2014 – Конституция Республики Коми. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014.
- Конституция Республики Мордовия – Конституция Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/804950314.
- Конституция Удмуртской Республики – Конституция Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php
- Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия на период до 2025 года – Концепция развития этнокультурного образования в Республике Карелия на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/6724336/>
- Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016–2021 гг. – Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016–2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://komishkola.ucoz.ru/news/koncepcija_razvitija_ehtnokulturnogo_obrazovanija_v_respublike_komi_na_2016_2021_gg/
- Коренное население 1990 – Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990.
- Коренные народы и право на информацию – Коренные народы и право на информацию [Электронный ресурс]. Коренные народы Карелии. URL: <http://knk.karelia.ru/2018/02/korennie-narodi-i-pravo-na-informaciju.html>
- Мартыненко 2011 – *Мартыненко А.В.* Этнокультурные движения в Мордовии 1990 – начале 2000-х гг.: потенциал, проблемы, перспективы развития // Мордовский народ в составе российской государственности: история и современность: сб. статей. Саранск, 2011.
- Мельников 2019 – *Мельников А.* Бунт языческого Разина: Ренессанс коренных народов не сводится к пельменным фестивалям и конкурсам рыжеволосых // Независимая газета. 2019. 18 сент.
- Нарядкина 2006 – *Нарядкина Л.А.* Мордовский народ и национальная школа в конце XX века // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 3.
- Немечкин 2007 – *Немечкин В.Н.* Реализация прав национальных меньшинств в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
- О государственных языках Республики Мордовия 1998 – О государственных языках Республики Мордовия: Закон Республики Мордовия от 6 мая 1998 г. № 19-3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/804950557>
- Общие проблемы изучения национальных языков в школах республик Поволжья и Урала – Общие проблемы изучения национальных языков в школах республик Поволжья и Урала [Электронный ресурс]. URL: https://idilele.blogspot.com/p/blog-page_20.html
- Палаткина 2002 – *Палаткина Г.В.* Этнотолерантность в структуре мультикультурного образования // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург, 2002. С. 279–280.
- Постановление Правительства Республики Карелия 2018 – Постановление Правительства Республики Карелия от 24.01.2018 г. об утверждении государственной программы Республики Карелия «Этносоциальное и этнокуль-

- турное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201801260004>
- Руководство Организации Объединенных Наций для коренных народов 2001 – Руководство Организации Объединенных Наций для коренных народов. М.: Информационный центр ООН, 2001.
- Сделано в Мордовии – Интернет-проект «Сделано в Мордовии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.madeinmordovia.ru/erz_tatar/
- Соколовский 2000 – *Соколовский С.* Корни и крона (мистика и метафизика конструирования статуса «коренных малочисленных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 6.
- Съезды АФУН РФ 2007 – Съезды АФУН РФ: документы и материалы / сост.: В.К. Абрамов, А.К. Конюхов, В.П. Марков. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2007.
- Тишков 1993 – *Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993.
- Тишков 2005 – *Тишков В.А.* Как делаются провокации (по поводу положения финно-угорских народов России) // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 59, январь–февраль. С. 7–8.
- Тишков, Шабаев 2007 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Т. 196. М.: ИЭА РАН, 2007.
- Тишков, Шабаев 2013 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности: Учебник. 2-е изд., испр. и дораб. М.: Изд-во МГУ, 2013.
- Уральская языковая семья: народы, регионы и страны 2015 – Уральская языковая семья: народы, регионы и страны: Этнополитический справочник / ред. Ю.П. Шабаев, А.П. Садохин. М., 2015.
- Федоров 2007 – *Федоров П.* Европа: разноликая общность // Апология: Гуманитарный журнал. 2007. № 10.
- Хорошавин 2005 – *Хорошавин С.* Не останется ли Карелия без карелов? // Карелия: модели языковой мобилизации: Сб. материалов и документов. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2005. С. 227–229.
- Шабаев 2012 – *Шабаев Ю.П.* Республика Коми // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга, 2011. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 376–380.
- Шабаев 2017 – *Шабаев Ю.П.* Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации // Народы Севера России: обычаи, традиции, культура: справочник. М.: КНОРУС, 2017. С. 381–383.
- Шабаев 2018 – *Шабаев Ю.П.* Государственная национальная политика Российской Федерации: правовой и доктринальный уровни и их согласованность с политическими практиками // Вестник российской нации. 2018. № 3. С. 15–38.
- Шабаев, Воронцов, Мартыненко, Орлова, Миронова 2018 – *Шабаев Ю.П., Воронцов В.С., Мартыненко А.В., Орлова О.В., Миронова Н.П.* Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик // Вопросы филологии. 2018. № 1. С. 62–74.
- Шабаев, Жеребцов 2018 – *Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л.* Символический и культурный ландшафт европейского севера России: конструирование, деконструкция и реконструкция культурных образов и идентичностей // Эволюция

- культурной среды в субарктической зоне европейского севера и Западной Сибири: культурные традиции, система жизнеобеспечения, социальные связи. Сыктывкар: Ин-т ЯЛИ, 2018. С. 6–69. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 76).
- Шабаев, Задорин 2017 – *Шабаев Ю.П., Задорин М.Ю.* Права коренных народов // Народы Севера России: обычаи, традиции, культура: справочник. М.: КНОРУС, 2017. С. 201–209.
- Шабаев, Чарина 2010 – *Шабаев Ю.П., Чарина А.М.* Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.
- Шабаев, Шилов 2009 – *Шабаев Ю.П., Шилов Н.В.* Рец. на: «Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра» // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 191–195.
- Щербаков 2005 – *Щербаков А.С.* Мордовское население Башкирского Приуралья: историко-этнологическое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005.
- Эрзянь мастор – Образцы риторики Фонда спасения эрзянского языка можно посмотреть на сайте их периодического издания «Эрзянь мастор» («Земля эрзян») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.erzia.saransk.ru>

References

- Abramov, V.K. (2007), “Censuses of the Mordovian people in 1897–2002”, *Socio-demographic issues of the Volga region in the ethnic dimension. Coll. of articles*. Saransk, Russia.
- Abramov, V.K., Konjuhov, A.K., Markov, V.P., comp., *Sjezdy AFUN RF: dokumenty i materialy* (2007) [Congresses of AFUN RF. Documents and materials, Izdavo Mordovskogo universiteta, Saransk, Russia.
- Anderson, B. (2001), *Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism], KANON-press-C, Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Deklaracija o rase i rasovyh predrassudkah. Prinjata general'noj konferenciej OON po voprosam obrazovanija, nauki i kul'tury na ee dvadcatoj sessii 27 nojabrja 1978 goda [Declaration on race and racial prejudices. Adopted by the UN General conference on the education, science and culture at its twentieth session on November 27 1978], [Online]. URL: http://www.un.org/documents/decl_conv/declarations/racism.shtml
- Fedorov, P. (2007), “Europe: A diverse community”, *Apologija. Gumanitarnyj zhurnal*. No. 10.
- Horoshavin, S. (2005), *Ne ostanetsja li Karelija bez karelov? Karely: modeli jazykovej mobilizacii. Sbornik materialov i dokumentov* [Whether Karelia will remain without Karelians? Karelians. Models of the language mobilization. Coll. of the materials and documents], pp. 227–229, IJaLI KNC RAN, Petrozavodsk, Russia.
- Erzjan' mastor – Образцы риторики Фонда спасения jerzjanskogo jazyka možno posmotret' na sajte ih periodičeskogo izdanija «Jerzjan' mastor» («Zemlja jerzjan») [Samples of the rhetoric of the Foundation for the Salvation of the Erzya Language can be seen on the website of their periodical “Erzyan' Mastor” (Erzya Land)] [Online]. URL: <http://www.erzia.saransk.ru>

- Klement'ev, E.I., Kozhanov, A.A. (2005), "Foreword", *Karely: modeli jazykovoј mobilizacii. Sbornik materialov i dokumentov* [Karelians. Models of language mobilization]. IJaLI KNC RAN, Petrozavodsk, Russia, p. 9.
- Koncepcija razvitija jetnokul'turnogo obrazovanija v Respublike Karelija na period do 2025 goda* [The concept of development of ethnocultural education in the Republic of Karelia for the period till 2025 – the Concept of ethnocultural education in the Republic of Karelia for the period till 2025] [Online], URL: <https://studfiles.net/preview/6724336/>
- Koncepcija razvitija jetnokul'turnogo obrazovanija v Respublike Komi na 2016–2021 gg.* [Online], – URL: http://komishkola.ucoz.ru/news/koncepcija_razvitija_ehtnokulturnogo_obrazovanija_v_respublike_komi_na_2016_2021_gg/
- Konstitucija Respubliki Karelija* [Constitution of the Republic of Karelia] [Online], URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/
- Konstitucija Respubliki Komi* [Constitution of the Republic of Komi] (2014), OOO "Komi respublikanskaja tipografija", Syktyvkar, Russia.
- Konstitucija Respubliki Mordovija* [Constitution of the Republic of Mordovia] [Online], URL: docs.cntd.ru/document/804950314.
- Konstitucija Udmurtskoј Respubliki* [Constitution Of The Udmurt Republic] [Online], URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php
- Korennoe naselenie. Global'noe stremlenie k spravedlivosti* (1990). Doklad dlja nezavisimoj komissii po mezhdunarodnym gumanitarnym voprosam [Indigenous population. Global pursuit of justice. Report to the independent Commission on international humanitarian Affairs]. Moscow, Russia
- Korennye narody i pravo na informaciju [Indigenous peoples and the right to information] (2018) [Online], URL: <http://knk.karelia.ru/2018/02/korennie-narodi-i-pravo-na-informaciju.html>
- Martynenko, A.V. (2011), "Ethnocultural movements in Mordovia of the 1990s – early 2000s: potential, issues, prospects of development", *Mordovskij narod v sostave Rossijskoј gosudarstvennosti: istorija i sovremennost': sbornik statej* [Mordovian people as part of Russian statehood. History and Present Day. Coll. of articles], pp. 174–178, Saransk, Russia.
- Mel'nikov, A. (2019), "Rebellion of pagan Razin. The Renaissance of indigenous peoples is not limited to dumpling festivals and competitions of redheads", *Nezavisimaja gazeta*, 18 Sept.
- Narjadkina, L.A. (2006), "Mordovian people and national school at the end of the 20th century", *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, no. 3.
- Nemechkin, V.N. (2007), Realization of the rights of national minorities in the Russian Federation. Theoretical and legal analysis, Abstract of Ph.D. dissertation, Law, Nizhnij Novgorod, Russia.
- O gosudarstvennyh jazykah Respubliki Mordovija* (1998). Zakon Respubliki Mordovija ot 6 maja 1998 g. [On the state languages of the Republic of Mordovia. The Law of the Republic of Mordovia of May 6, 1998 № 19-3] [Online], URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/804950557>
- Obshhie problemy izuchenija nacional'nyh jazykov v shkolah respublik Povolzh'ja i Urala* [General problems of studying national languages in schools of the Volga and Ural republics]. [Online], URL: https://idelile.blogspot.com/p/blog-page_20.html
- Palatkina, G.V. (2002), "Ethno-Tolerance in the structure of multicultural education", *Etnokonfessional'nyj dialog: sostojanie, protivorechija, perspektivy razvitija: Materialy Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Ethno-confessional dialogue. The state, contradictions, development prospects. Materials of the Interregional scientific-practical conference]. pp. 279–280, Orenburg, Russia.

- Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Karelija* (2018) ot 24.01.2018 ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Respubliki Karelija "Etnosocial'noe i jetnukul'turnoe razvitie territorij tradicionnogo prozhivanija korennyh narodov" [Resolution of the government of the Republic of Karelia of 24.01.2018 on approval of the state program of the Republic of Karelia "Ethnosocial and ethnocultural development of territories with traditional residence of indigenous peoples"]. [Online], URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201801260004>
- Rukovodstvo Organizacii Objedinennyh Nacij dlja korennyh narodov* (2001) [United Nations guide for indigenous peoples]. Informacionnyj centr OON, Moscow, Russia.
- Internet-proekt "Sdelano v Mordovii"* [Internet project "Made in Mordovia"] [Online], URL: http://www.madeinmordovia.ru/erz_tatar/
- Shabaev, Yu.P. (2012), "Republic of Komi", *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah*. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa 2011" [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states. Annual report of the Ethnological Monitoring Network, 2011], p. 380, IJeA RAN, Moscow, Russia.
- Shabaev, Yu.P. (2017), "Unified list of the indigenous minority peoples of the Russian Federation", *Narody Severa Rossii: obychai, tradicii, kul'tura: spravochnik* [Peoples of the North of Russia. The customs, traditions, culture. Reference book], pp. 381–383, KNORUS, Moscow, Russia.
- Shabaev, Yu.P. (2018), "State national policy of the Russian Federation. Legal and doctrinal levels and their consistency with political practices", *Vestnik rossijskoj nacii*, no. 3. pp. 15–38.
- Shabaev, Yu.P., Charina, A. (2011), *Moscow Finno-ugorskij nacionalizm i grazhdanskaja konsolidacija v Rossii* (jetnopoliticheskij analiz) [Finno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia (ethnopolitical analysis)], Izd-vo SPbGUSJe, St-Petersburg.
- Shabaev, Yu.P., Shilov, N.V. (2009), Review: "Finno-Ugric peoples of Russia: yesterday, today, tomorrow", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4. pp. 191–195.
- Shabaev, Yu.P., Voroncov, V.S., Martynenko, A.V., Orlova, O.V., Mironova, N.P. (2018), "Language policy and language orientations of the population in national republics. A conflict of interests between groups or imperfection of cultural practices", *Voprosy filologii*, no. 1, pp. 62–74.
- Shabaev, Yu.P., Zadorin, M.Yu (2017), "Rights of indigenous peoples", *Narody Severa Rossii: obychai, tradicii, kul'tura: spravochnik* [Peoples of the North of Russia. The customs, traditions, culture. Reference book], pp. 201–209, KNORUS, Moscow, Russia.
- Shabaev, Yu.P., Zherebcov, I.L. (2018), "Symbolic and cultural landscape of the European North of Russia. The construction, deconstruction and reconstruction of cultural images and identities", *Evoljucija kul'turnoj sredy v subarkticheskoi zone evropejskogo severa i Zapadnoj Sibiri: kul'turnye tradicii, sistema zhizneobespechenija, social'nye svjazi* [Evolution of the cultural environment in the subarctic zone of the European North and Western Siberia: cultural traditions, life support system, social relations], pp. 6–69, Institut JaLL, Syktyvkar, Russia. (Trudy Instituta jazyka, literatury i istorii Komi NC UrO RAN Vypusk 76).
- Shherbakov, A.S. (2005), *Mordovian population of the Bashkir Urals. Historical and ethnological research*, Ph.D. Thesis, History, Ufa, Russia.
- Sokolovskii, S. (2000), "Roots and leafage (mysticism and metaphysics of constructing the status of 'indigenous peoples')", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3.

- Tishkov, V.A. (2005), "How provocations are made (concerning the situation of the Finno-Ugric peoples of Russia)", *Bjulleten' seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov*, no. 59, Jan. – Feb., pp. 7–8.
- Tishkov, V.A. (1993), "Strategy and mechanisms of national policy", *Nacional'naja politika v Rossijskoj Federacii* [National Policy in Russian Federation], Nauka, Moscow, Russia.
- Tishkov, V.A., Shabaev, Yu.P. (2007), "Finno-Ugric issue. The answer to the European Union", *Issledovanija po prikladnoj i neotloznoj jetnologii* [Research on an applied and urgent ethnology], vol. 196, IJeA RAN, Moscow, Russia.
- Tishkov, V.A., Shabaev, Yu.P. (2013), *Jetnopolitologija: politicheskie funkcii jetnichnosti*. Uchebnik [Ethnopolitology. Political functions of ethnicity. Textbook], 2nd edition, Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- "Uralic language family. Peoples, regions and countries" (2015), in Shabaev Yu.P., Sadohin A.P., eds., *Etnopoliticheskii spravochnik* [Ethno-politic reference book], Moscow, Russia.
- V Karelii vpervye provodjat turnir, organizovannyj po nacional'nomu priznaku* [For the first time, a tournament organized on ethnic grounds is held in Karelia] [Online], URL: <http://finugor.ru/kv/node/1920>
- Voroncov, V.S., Shabaev, Yu.P., Sharov, V.D., Shilov, N.V. (2005), "Finno-Ugric peoples of Russia: General situation, problems and solutions. Studies in the applied and urgent Ethnology", in Tishkov, V.A., Shabaev, Yu.P., eds., [Issledovanija po prikladnoj i neotloznoj jetnologii Research on an applied and urgent ethnology], vol. 183, IJeA RAN, Moscow, Russia.

Сведения об авторах:

Юрий П. Шабаяев, доктор исторических наук, профессор, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар, Россия; 167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; yurshabaev@mail.ru

Александр В. Мартыненко, доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия; Россия, Саранск, ул. Студенческая, д. 11А; arkaddin@mail.ru

Information about the authors:

Yurii. P. Shabaev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Language, Literature and History, FIC Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia; bld. 26, Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, Russia; yurshabaev@mail.ru

Aleksandr V. Martynenko, Dr. of Sci. (History), professor, M.E. Yevseviev Mordovian State University, Saransk, Russia; bld. 11A, Studencheskaya Str., Saransk, Russia; arkaddin@mail.ru

Этнополитическая конфликтогенность этнической миграции как социального процесса в Дальневосточном регионе (на примере Хабаровского края)

Александр С. Ким

*Хабаровский государственный университет экономики и права,
Хабаровск, Россия; stosorok2005@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема этнополитической конфликтогенности как продукта процесса этнической миграции на российском Дальнем Востоке. На примере Хабаровского края, как одного из крупнейших в Дальневосточном федеральном округе, выявлены потенциальные риски этнической миграции как социального процесса. Эти риски во многом обусловлены негативными оценками местного населения этнической миграции. Показаны особенности воспроизводства институциональных практик миграционной политики на примере Дальневосточного региона. Феномен этнополитической конфликтогенности характеризуется в ракурсе геополитического статуса России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: этнополитическая конфликтогенность, этническая миграция, миграционная политика, Хабаровский край, Дальневосточный регион, Азиатско-Тихоокеанский регион, институциональные практики, потенциальные риски

Для цитирования: Ким А.С. Этнополитическая конфликтогенность этнической миграции как социального процесса в Дальневосточном регионе (на примере Хабаровского края) // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 73–86. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-73-86

The ethnopolitical conflict background
for ethnic migration as a social process
in the Far Eastern region
(by the example of Khabarovsk Krai)

Alexsandr S. Kim

*Khabarovsk State University of Economics and Law,
Khabarovsk, Russia; stosorok2005@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issue of the ethnopolitical conflict background as a product of ethnic migration process in the Russian Far East. By the example of Khabarovsk Krai, a largest territory in Russian Far East Region, the potential risks of ethnic migration as a social process are revealed. Those risks to the greater extent are caused by negative assessments of ethnic migration in the public opinion of the local population. The article shows features of

reproduction of institutional practices in the migration policy by the example of the Russian Far East. The phenomenon of the ethnopolitical conflict background is characterized in terms of the geopolitical status of Russia in the Asia-Pacific region.

Keywords: ethnopolitical conflict background, ethnic migration, migration policy, Khabarovsk krai, the Far Eastern region, the Asia-Pacific region, institutional practices, potential risks

For citation: Kim, A.S. (2019), "The ethnopolitical conflict background for ethnic migration as a social process in the Far Eastern region (by the example of Khabarovsk Krai)", *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 73–86. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-73-86

Процесс постсоветской миграции не обошел стороной и Дальневосточный регион России. Каким же образом этот масштабный процесс, включающий в себя различные составляющие, повлиял на этнополитическую атмосферу этого региона, где до начала XXI века не было каких-либо системных факторов, воспроизводящих этноконфессиональные конфликты? Ведь еще с дореволюционных времен значимость миграции и жизнедеятельности на Дальнем Востоке состояла в его освоении как российской территории. Это, собственно, и являлось интеграционной основой дальневосточного сообщества, где как в плавильном котле ассимилировались представители различных этнокультурных групп и в котором мирно сосуществовали с переселенцами представители коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Необходимо отметить, что расширение присутствия групп, резко отличающихся от местного населения особенностями фенотипа, культуры и языка, само по себе еще ни о чем не говорит с точки зрения этнополитической конфликтности. Последнее представляет

собой совокупность условий, которые являются потенциальными рисками, способствующими формированию конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений, что, в свою очередь, может привести к этнической мобилизации и институционализации этничности. Выявление на региональном уровне факторов, способствующих конфликтогенности, предполагает выяснение вопросов регулирования миграционных процессов. Ведь конфликтными или бесконфликтными они могут стать в зависимости от того, какой характер и направленность приобретут в конкретных условиях протекания на определенной территории. С этой точки зрения весьма значимым является рассмотрение того, каким образом процесс институционализации региональной миграционной политики оказывает влияние на процесс этнической миграции и что является результатом взаимодействия этих социальных процессов, их «наложения» друг на друга.

Для того чтобы выявить особенности данного взаимодействия, целесообразно обратиться к понятию «социальный процесс». Выдающимся русским социологом Питиримом Сорокиным было дано классическое определение социального процесса: «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или “эволюции”, короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных и качественных характеристик» [Сорокин 2000]. Социальный процесс проявляется в обезличенной форме и является совокупностью взаимосвязанных социальных действий, которые могут происходить одновременно, чередуясь друг с другом, накладываясь друг на друга, взаимно проникая друг в друга. При этом данные социальные действия отражают в своем содержании те социальные изменения, которые происходят в социальной системе в целом, и, следовательно, социальный процесс включает в себя взаимосвязанные социальные действия, в которых проявляются определенные тенденции развития общества на том или ином уровне его функционирования.

Американские социологи Р. Парк и Э. Бёрджесс в числе первых выдвинули классификацию социальных процессов, состоящую в их подразделении на кооперацию, конкуренцию, приспособление, конфликт, ассимиляцию, амальгамизацию. Классики структурно-функционального анализа Т. Парсонс и Р. Мертон предложили типологию социальных процессов, исходя из их воздействия на качественное состояние социального объекта. С точки зрения такого подхода социальные процессы могут классифицироваться как функциональные, направленные на базовые цели социальных систем и институтов, и дисфункциональные, препятствующие этому. Методологически рациональным является также подразделение социальных процессов на стихийные и сознательные. Различие между ними состоит в том, что первые «являются результатом действия многих

разнонаправленных сил и выступают в своей упорядоченности через определенные системы показателей как статистические величины», а вторые являются «целенаправленными действиями с запланированным результатом» [Зборовский 2003, с. 643–644].

И, наконец, следует учитывать, что социальный процесс как совокупность взаимосвязанных социальных действий, направленных на социальные изменения в обществе, реализуется через деятельность различных групп, стремящихся влиять на социальные условия с целью удовлетворения своих интересов. Именно поэтому понятие социального процесса может быть глубже прояснено только через рассмотрение такого социологического термина, как «социальное действие». В ракурсе такого рассмотрения можно констатировать, что значимые социальные изменения происходят в ходе только таких совместных действий людей, которые носят взаимно сопряженный и однонаправленный характер. Таким образом, социальный процесс как таковой выступает как совокупность однонаправленных и повторяющихся социальных действий, которые можно отличить от других социальных действий. В этом смысле, если мы говорим не просто о миграции, о простом перемещении с места на место, а о миграции этнической, то речь идет о каких-то совместных действиях этнических индивидов (представителей определенных этнических общностей), которые ориентированы на проникновение в принимающее общество с целью занятия его определенных сфер, что дает им возможность выживания или улучшения своего положения. При этом мигранты привозят с собой «этнокультурный багаж» в виде идентичности, ценностей, традиций, норм и образцов поведения. Этническая миграция как социальный процесс включает в себя также и совместные действия этнических индивидов по адаптации к условиям принимающего общества. Они могут реализоваться в формировании различных институтов поддержки этнической идентичности, иммигрантских сообществ, клановых структур, диаспоральных сетей и объединений. Конфликтогенность же миграции как социального процесса может возникнуть только при условии возникновения несогласованности действий мигрантов с деятельностью институтов и действиями индивидов принимающего общества.

С учетом вышеизложенного целесообразно рассмотреть, каким образом на процесс этнической миграции влияют процессы, возникающие как ответная реакция принимающего регионального сообщества. Обратимся к мониторинговым исследованиям общественного мнения населения Хабаровского края, проведенным с декабря 2016 по май 2018 г. автономной некоммерческой организацией «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Они показали, что уровень этнополитической напряженности в крае оказался ниже, чем в целом по России. Отрицательная оценка, данная респондентами, состояния этноконфессиональных отношений в их населенных пунктах и в Хабаровском крае составила меньшие значе-

ния, чем в среднем по всей стране. Вместе с тем при ответе на вопросы, связанные с выявлением этнического национализма и религиозной нетерпимости, их признаки обнаружались в ответах более 20% опрошенных [Ким 2018, с. 3]. Как показывает региональный этнополитический мониторинг, значимым фактором формирования этнополитической конфликтогенности в Дальневосточном регионе выступает рост негативного отношения к этнической миграции. В Хабаровском крае в 2018 г. в ходе двух мониторинговых исследований в апреле и октябре было опрошено более 4 000 чел. (массовый анкетный и экспертный опрос в 19 муниципальных образованиях края, фокус-группы в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре). Выборка состава респондентов массового анкетного опроса проводилась по следующим 7 категориям: 1) полу, 2) возрасту, 3) месту жительства, 4) национальности, 5) образованию, 6) отношению к религии, 7) материальному положению. Выборка вероятностная многоступенчатая (в разрезе муниципальных образований, населенных пунктов, улиц), случайная на уровне отдельных домохозяйств, погрешность выборки по отношению к генеральной совокупности не превысила 5% [Отчет 2018].

Аналогичное исследование было проведено также в 2019 г. (на сегодняшний день обработаны результаты по состоянию на июнь 2019 г.) В июне 2019 г. в ходе первого мониторингового исследования было опрошено 2035 чел. (включая участников массового анкетного и экспертного опроса в 19 муниципальных образованиях края, фокус-группы в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре) [Отчет 2019]. Ниже представлена таблица сводных данных по отношению к мигрантам 2019 г. в сравнении с 2017 г. и 2018 гг. [Отчет 2018, Отчет 2019].

Как видно из таблицы, по такому показателю, как доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам в общем количестве опрошенных граждан, наблюдается заметный рост отрицательных оценок этнической миграции (на 5,2% с 2017 по 2019 гг.). Приведенные данные являются одним из свидетельств отсутствия общественного консенсуса по отношению к этнической миграции, представляющей собой сравнительно новое и непривычное явление как для российского социума в целом, так и Хабаровского края в частности. Объяснение роста мигрантофобии во многом обусловлено следующим обстоятельством. Несмотря на сильную отдаленность, старожильческое население Дальневосточного региона всегда осознавало себя неотъемлемой частью российского социума, и, следовательно, то, что происходило в России западнее Дальнего Востока, всегда находило отклик в их общественном мнении. Именно поэтому в условиях открытого информационного пространства риски возникновения межэтнической конфликтогенности носят зеркальный характер, отражающие то, что происходит в других регионах РФ, а их нарастание в значительной степени подстегивается информационными потоками, продуцируемыми средствами массовой коммуникации. Причем тема миграции зачастую используется в охранительной

Таблица 1

Сравнительные данные социологических опросов

Варианты ответов в анкете 2017 г.	05.2017	09.2017	Варианты ответов в анкете 2018 г.	04.2018	Варианты ответов в анкете 2019 г.	06.2019
Отношусь доброжелательно и нейтрально	78,1	73,6	Сталкиваясь в повседневной жизни с трудовыми мигрантами из других стран, я не испытываю опасений, настороженности	75,0	Тот же ответ	74,5
Отношусь отрицательно	20,3	23,8	Сталкиваясь в повседневной жизни с трудовыми мигрантами из других стран, я испытываю опасения, настороженность	25,0	Тот же ответ	25,5
Другое	1,6	2,6	–	–	–	–

риторике, посредством чего происходит манипуляция общественным мнением, где мигранты предстают в качестве источника многих бед [Малахов 2007, с. 96].

Отсутствие общественного консенсуса в принимающем дальневосточном социуме по отношению к процессу этнической миграции характеризует другой системный процесс, который на него накладываается. Этот процесс можно определить как региональная институционализация миграционной политики. Субъектами такого сложного, многосоставного процесса являются представители различных общественных групп и социальных кругов, предлагающие пути регулирования миграции на основе своих идеологических установок и политических интересов. В круг субъектов миграционной политики входят, помимо региональных представительств федеральных органов, региональные властные структуры, бизнес-сообщества, органы местного самоуправления, локальные (территориальные) сообщества, средства массовой информации и т. д. [Бляхер и др. 2011, с. 55]. Противоречивое взаимодействие институциональных практик на региональном уровне обусловлено различием интересов и методов многочисленных субъектов институционального процесса, их восприятия формальных и неформальных правил игры на поле взаимодействия с мигрантами, разным пониманием значения миграционных потоков с точки зрения реализации групповых (корпоративных) интересов, стратегий и тактик их регулирования, а также восприятия ценностей и норм взаимодействия с мигрантами, тех правил и полномочий, которые заданы федеральным законодательством и региональными потребностями. Противоречия в сфере миграционной политики могут возникать даже между двумя уровнями в рамках субъекта федерации (край – город, край – район и т. д.), местного самоуправления (район – город, город – поселок и т. д.). Например, если позиция региональной (краевой) власти отражает базовые положения федеральной миграционной политики, то на более низком уровне местного самоуправления трудовые мигранты воспринимаются как один из важнейших факторов благополучия локальных поселений [Бляхер и др. 2011, с. 55].

Таким образом, отсутствие общественного консенсуса в отношении этнической миграции приводит к разрозненности, рассогласованности социальных действий социальных субъектов, которые в той или иной степени могут повлиять на миграционную политику, порождая тем самым ее противоречивую разновекторность.

С одной стороны, государство, проводя в основном запретительно-ограничительную политику в отношении миграции, невольно объективно способствует продвижению негативного образа мигрантов в общественном мнении. Но может быть и обратное. Институционализация миграционной политики на региональном уровне нередко обусловлена складывающимися практиками социального взаимодействия по поводу миграции в различных сферах общественной жизни региона. В этом смысле можно согласиться

с Л.Е. Бляхером и К.В. Григоричевым, полагающими, что существуют различные уровни таких практик, в том числе «своего рода “народная миграционная политика”, формирующаяся в ходе обыденных взаимодействий...». Именно на уровне повседневного взаимодействия происходит «материализация” миграционной политики, лишь отчасти совпадающая (или совсем не совпадающая) с рамочными условиями, задаваемыми на иных уровнях». Значимость повседневного уровня определяется тем, что именно на нем «вырабатывается репертуар практик, рождаются иррациональные (или рациональные) страхи и предпочтения, которые фиксируются на более высоких уровнях концептуализации миграционной политики, нередко закрепляясь в виде правовых норм» [Бляхер и др. 2011, с. 35]. Так, в начале ноября 2019 г. губернатором Хабаровского края было издано распоряжение о запрете на привлечение мигрантов, работающих по патентам в пассажирских общественных автоперевозках, хозяйствующими субъектами в городском, пригородном и междугородном автотранспорте с 1 января 2020 г. В мае на имя губернатора поступило обращение УМВД по Хабаровскому краю с просьбой о введении такого запрета. Кроме того, именно в 2019 г. увеличилось число обращений и жалоб граждан на водителей пассажирского транспорта, прибывших из других стран. До этого такие шаги были предприняты в таких крупных регионах Дальнего Востока, как Республика Саха – Якутия и Приморский край [Филипповский 2019].

С другой стороны, государственная миграционная политика, выстраиваемая по «догоняющей» модели, несмотря на ряд запретительных, фильтрующих мер, исходит из известной политической целесообразности миграционных процессов, проявляя к ним определенную благосклонность и полагая их как один из основных источников решения проблем нехватки трудовых ресурсов и демографической ситуации [Завьялов 2019, с. 130]. В качестве одной из важных задач декларируется содействие адаптации и интеграции мигрантов формированию конструктивного социального взаимодействия между мигрантами и местным населением. В рамках реализации этой задачи определяется необходимость формирования у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости. Отвечая на федеральный посыл, власти Хабаровского края на общественно-политическом уровне поддерживают образование и функционирование институтов поддержки идентичности этнических меньшинств, в том числе диаспоральных. Так, в Хабаровском крае в 2012 г. была организована Ассамблея народов Хабаровского края [Сулейманов 2013, с. 298], объединяющая общественные организации представителей как местных этнических общностей, так и диаспор, сформировавшихся из граждан среднеазиатских стран СНГ. В рамках деятельности Ассамблеи проводятся различные этнокультурные мероприятия, крупные мероприятия полиэтнического

характера, акции предупреждения межэтнической напряженности и конфликтов [Лобода и др. 2013, с. 128–135].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что институционализация миграционной политики на региональном уровне является процессом как взаимодействия социальных практик (нередко противоречащих друг другу и носящих неформальный характер), так и их параллельного сосуществования, при отсутствии какой-либо их взаимосвязи и координации. В результате это приводит к тому, что реализация федеральной миграционной политики на региональном уровне не принимает форму консолидированной системы управления миграционными процессами. Отсутствие стратегической направленности миграционной политики обуславливает в конечном счете торможение процессов социальной адаптации мигрантов в направлении позитивного взаимодействия между ними и принимающим сообществом. В условиях отсутствия системного институционального регулирования этническая миграция как социальный процесс с неизбежностью будет приобретать конфликтогенный характер, включаясь в этнополитическую повестку. С этой точки зрения следует выделить следующие группы потенциальных рисков.

1. Нарастание масштабов этнической миграции ведет к диспропорциям на рынке труда, вследствие чего происходит интенсификация негативного отношения к мигрантам. Это приводит к актуализации образа «чужака», интенсификации этнической и религиозной нетерпимости. При этом усиливается риск проецирования контрпродуктивного отношения на представителей нерусского старожильческого населения по фенотипическим признакам, увеличения числа сторонников поддержки лозунга «Россия – для русских». В связи с этим становится вероятной возможность институционализации этнического национализма как со стороны этнических русских, так и со стороны меньшинств.

2. Резкое усиление протестных настроений, ярким свидетельством которых являются результаты выборов Губернатора Хабаровского края (сентябрь 2018 г.) и выборов в законодательные и муниципальные органы власти Хабаровского края (сентябрь 2019 г.), закончившихся тем, что вся полнота власти на региональном уровне перешла к оппозиционной ЛДПР, сопровождается ростом неудовлетворенности качеством жизни и отсутствием социальных перспектив дальнейшего проживания в Дальневосточном регионе. Как результат, происходит рост миграционных ожиданий местного населения на выезд за пределы края, возрастает риск трансформации нереализованного запроса на социальную справедливость в этническую ксенофобию и радикальный национализм (погромы киргизских мигрантов в Якутии в феврале 2019 г.).

3. Увеличение масштабов присутствия этнических мигрантов в различных секторах социально-экономической инфраструктуры Хабаровском края, их продолжающееся компактное расселение

способствует формированию следующих факторов, провоцирующих этнополитическую напряженность:

а) в общественном мнении старожильческого населения усиленно формируются стереотипы о стойком и нарастающем присутствии этнических мигрантов в населенных пунктах региона, рассматриваемом как этническая экспансия;

б) нарастающее наложение социально-групповых, профессиональных различий на этноконфессиональные создает предпосылки формирования так называемых этнических классов, представители которых вызывают контрпродуктивное отношение старожильческого населения не только как конкуренты на рынке труда, но и как враждебная политическая сила.

Вышеперечисленные этнополитические риски генерируют и риски геополитического характера в следующих проявлениях:

1. Так называемый «этнический сдвиг» [Лобода и др. 2013, с. 128], обусловленный миграцией, создает угрозу замещения местного населения этническими мигрантами и возможностями ирредентизма и сецессии.

2. Сокращение постоянного населения приводит к «обезлюживанию» территории и деградации социально-экономической и культурно-образовательной инфраструктуры региона, что обуславливает риск интенсификации территориальных претензий со стороны сопредельных государств.

Наложение вышеизложенных рисков образует мультипликативный эффект в виде переформатирования социально-экономического и социокультурного пространства Дальнего Востока, ведущего к подрыву геополитического статуса России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Демографический фактор также представляет собой этноконфликтогенный фактор с точки зрения возможности институционализации, возрастающих по численности миграционных потоков. Убывание местного населения становится фактором ослабления поддержки гражданской и культурной идентичности российской дальневосточной территории, способствует появлению «новых» институциональных практик, обусловленных диаспоризацией. Отток старожильческого населения чреват кардинальными изменениями в статусных и ролевых позициях, а именно:

1) формированием компактного и анклавного этнического расселения;

2) этнической монополизацией различных сфер предпринимательской деятельности.

3) трансформацией миграционных сообществ в диаспоры с институтами этнокультурной идентичности и требованиями «новых» институциональных систем права и политики.

Таким образом, этническая миграция приобретает характер этнополитической конфликтогенности в значительной степени благодаря рассогласованности процесса региональной миграционной полити-

ки. Слабая эффективность регулирования миграционных процессов способствует тем самым формированию объективных предпосылок этнической, а в последующем и этнополитической мобилизации. Справедливости ради следует отметить, что новое руководство Хабаровского края, сформировавшееся со времени победы кандидата от ЛДПР С. Фургала на губернаторских выборах 2018 г., предпринимает конкретные меры по решению огромных инфраструктурных и текущих социально-экономических проблем, которые накапливались более 10 лет. Обладая высоким уровнем доверия населения края, новый руководитель края сделал за год своей деятельности конкретные шаги по решению актуальных хозяйственно-экономических и социальных вопросов, что при активной поддержке широких слоев общественности и ведущих региональных СМИ мобилизовало общественное мнение в направлении обсуждения принципиальных проблем развития региона, заметно оттеснив из общественного дискурса этнополитическую проблематику. Однако решающую роль играет все-таки позиция федерального центра. Именно от действий федеральной власти в большей степени зависит стратегическое развитие Дальневосточного региона. Если говорить о неотложных мерах, то в самой ближайшей перспективе следует срочно инициировать разработку и принятие Федерального закона «О развитии Дальнего Востока». В рамках реализации этого Закона следует предусмотреть пакет мер, направленных на:

1) воспрепятствование «обезлюживанию» региона путем закрепления старожильческого населения на территории региона посредством социально-экономических, социально-демографических и других социально значимых программ;

2) эффективное выполнение Государственной Программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, с упором на привлечение русскоязычного населения;

3) преодоление сырьевой специализации региональной экономики на основе ее диверсификации посредством включения системы специальных преференций, обеспечивающих режимы хозяйствования для бизнес-структур.

Таким образом, речь должна идти об устранении объективных предпосылок, порождающих этнополитическую повестку, на основе инфраструктурного обустройства региональных территорий с упором на производство, занятость и социальную сферу в сочетании с развитием институциональных практик регулирования миграции и институтов гражданского общества, направленных на формирование взаимного доверия между старожильческим населением и переселенцами.

Литература

- Бляхер и др. 2011 – *Бляхер Л.Е., Григоричев К.В.* Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // *Полития*. 2011. № 4.
- Завьялов 2019 – *Завьялов А.В.* Социальная адаптация мигрантов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019.
- Зборовский 2003 – *Зборовский Г.Е.* Общая социология: Учебник для вузов. Екатеринбург, 2003.
- Ким 2018 – *Ким А.С.* Диагностика предпосылок этнического национализма и религиозной нетерпимости в массовом сознании учащейся молодежи: методические рекомендации по раннему предупреждению конфликтных ситуаций в сфере этноконфессиональных отношений в рамках реализации стратегии государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях. Хабаровск: АНО «Центр», 2018.
- Лобода и др. 2013 – *Лобода О.В., Ярулин И.Ф.* «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2013. № 4 (40). С. 128–135.
- Малахов 2007 – *Малахов В.С.* Понаехали тут...: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Отчет 2018 – Отчет о проведенных исследованиях (результаты конфликтологического мониторинга этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае, октябрь 2018 г.) / Автономная некоммерческая организация «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Хабаровск, 2018.
- Отчет 2019 – Отчет о проведенных исследованиях (результаты конфликтологического мониторинга этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае, июнь 2019 г.) / Автономная некоммерческая организация «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Хабаровск, 2019.
- Сорокин 2000 – *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. СПб: РХГИ, 2000.
- Сулейманов 2013 – Сулейманов С.Ш.* Роль общественных организаций в реализации государственной национальной политики в Хабаровском крае // *Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции* / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш. Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2013.
- Филипповский 2019 – *Филипповский Э.* Хабаровские власти с 2020 года запретят гастарбайтерам работать в пассажирских перевозках [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4155265> (дата обращения: 18.11.2019).

References

- Blyaxer, L. E., Grigorichev, K. V. (2011), "Migrants and migration policy in post-Soviet Siberia and the far East", *Politiya*, no 4.
- Filippovskii, E. (2019) *Khabarovskie vlasti s 2020 goda zapretyat gastarbajteram rabotat' v passazhirskix perevozkax* [Khabarovsk authorities from 2020 will ban guest workers to work in passenger transportation], [Online], available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4155265> (Accessed 29.11.2019).
- Kim, A.S. (2018), *Diagnostika predposy`lok e`tnicheskogo nacionalizma i religioznoj neterpimosti v massovom soznanii uchashhejsya molodezhi: metodicheskie rekomendacii po rannemu preduprezhdeniyu konfliktnykh situacij v sfere e`tnokonfessional'nykh otnoshenij v ramkax realizacii strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki na regional'nom i municipal'nom urovnyakh* [Diagnostics of prerequisites of ethnic nationalism and religious intolerance in mass consciousness of students: methodical recommendations on early prevention of conflict situations in the sphere of ethno-confessional relations within the framework of implementation of the strategy of state national policy at the regional and municipal levels], ANO «Centr». Khabarovsk, Russia.
- Loboda, O.V., Yarulin, I.F. (2013), "Novoe' osvoenie Dal`nego Vostoka: k postanovke problemy` e`tnicheskogo sdviga" ["New" development of the Far East. To the formulation of the issue of ethnic shift ], *Social'ny`e i gumanitarny`e nauki na Dal'nem Vostoke*, no. 4 (40). pp. 128–135.
- Malakhov, V.S. (2007), *Ponaexali tut... Ocherki o nacionalizme, rasizme i kul'turnom plyuralizme* [Coming here... Essays on nationalism, racism and cultural pluralism]. Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Otchet o provedennykh issledovaniyakh (rezul'taty` konfliktologicheskogo monitoringa e`tnokonfessional'nykh i e`tnopoliticheskikh otnoshenij v Khabarovskom krae, oktyabr` 2018 g.)* (2018) [Research Report (results of conflict monitoring of ethno-confessional and ethno-political relations in the Khabarovsk territory, October 2018)], Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya "Kraevoj nauchno-prakticheskij centr monitoringa e`tnokonfessional'nykh otnoshenij i rannego preduprezhdeniya konfliktnykh situacij". Khabarovsk, Russia.
- Otchet o provedennykh issledovaniyakh (rezul'taty` konfliktologicheskogo monitoringa e`tnokonfessional'nykh i e`tnopoliticheskikh otnoshenij v Khabarovskom krae, iyun` 2019 g.)* (2019) [Research Report (results of conflict monitoring of ethno-confessional and ethno-political relations in the Khabarovsk territory, June 2019)], Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya «Kraevoj nauchno-prakticheskij centr monitoringa e`tnokonfessional'nykh otnoshenij i rannego preduprezhdeniya konfliktnykh situacij». Khabarovsk, Russia.
- Sorokin P. (2000), *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics], RXGI, St.-Petersburg, Russia.
- Sulejmanov, S.Sh. (2013), "Rol` obshhestvennykh organizacij v realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v Khabarovskom krae" [The Role of public organizations in the implementation of the state national policy in the Khabarovsk territory], in Moskvina, N.B., Farafonova, L.N., Safonova, E.V., Kulesh, E.V., eds., *Migracionnaya situaciya i migracionnaya politika – rossijskie problemy` i mirovoj opyt: sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The migration situation and migration policy – Russian issues and world experience. A collection of scientific papers based on the results of an international scientific conference], Izd-vo DVGGU, Khabarovsk, Russia.

- Zav`yalov, A.V. (2019), *Social'naya adaptaciya migrantov* [Social adaptation of migrants] Izd-vo IGU, Irkutsk, Russia.
- Zborovskii, G.E. (2003), *Obshhaya sociologiya*: Uchebnik dlya vuzov [General Sociology: Textbook for Universities]. Ekaterinburg, Russia.

Информация об авторе:

Александр С. Ким, доктор политических наук, профессор, Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия; Россия, 680002, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134; stosorok2005@yandex.ru

Information about the author:

Alexandr S. Kim, Dr. of Sci. (Political Sciences), professor, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia; bld. 134, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680002.Russia, stosorok2005@yandex.ru

Катализаторы этнополитических противоречий в Кавказском регионе

Айнар О. Ласария

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, las.ain@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу источников этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе. Рассмотрены факторы, оказывающие влияние на развитие этнополитических проблем и кризисов, фрагментацию общества по этнокультурному и религиозному признакам, политизацию этничности и т. д. Отмечается особое геостратегическое значение Кавказского региона во внешнеполитическом курсе ведущих мировых держав, прежде всего России, в связи с чем проанализированы: влияние политических трансформаций последних десятилетий на этнополитические процессы, роль этнических элит, вопросы межгруппового взаимодействия на Кавказе, этнического самосознания и др.

Выделены следующие катализаторы этнополитических противоречий в Кавказском регионе: этноконфессиональная гетерогенность региона; территориальные споры; статусные различия территориальной структуры советского государства; ирредентистские тенденции. На основе выделенных источников противоречий возможно выделение следующих типов кавказских этнополитических конфликтов: конфликты, обусловленные территориальными спорами; конфликты, связанные с действиями по реализации права народов на самоопределение; конфликты, спровоцированные изменением политико-правового статуса, и положения административно-территориальных единиц.

Ключевые слова: этнополитические конфликты, этнические группы, Кавказский регион, территориальные споры, межнациональные отношения

Для цитирования: Ласария А.О. Катализаторы этнополитических противоречий в Кавказском регионе // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 87–95. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-87-95

Catalysts of ethno-political controversies in the Caucasus region

Aynar O. Lasariya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, las.ain@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the sources of ethno-political conflicts in the North and South Caucasus. The factors influencing the development of ethno-political problems and crises, the fragmentation of society according to ethnocultural and religious characteristics, the politicization of ethnicity, etc. The special geostrategic importance of the Caucasus region in the foreign policy of the leading world powers, primarily Russia, is noted, in connection with which, it is analyzed: the influence of political transformations of recent decades on ethno-political processes, the role of ethnic elites, issues of intergroup interaction in the Caucasus, ethnic identity, etc. The following catalysts for ethno-political contradictions in the Caucasus region have been identified: ethno-confessional heterogeneity of the region; territorial disputes; status differences in the territorial structure of the Soviet state; irredentist tendencies. Based on the identified sources of contradictions, the following types of Caucasian ethno-political conflicts can be distinguished: conflicts caused by territorial disputes; conflicts associated with actions to realize the right of peoples to self-determination; Conflicts provoked by a change in political and legal status and position of administrative-territorial units.

Keywords: ethno-political conflicts, ethnic groups, the Caucasus region, territorial disputes, interethnic relations

For citation: Lasariya A.O. (2019) Catalysts of ethno-political controversies in the Caucasus region”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 87–95. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-87-95

Социально-политическая стабильность и благополучие государств зависит от характера устремлений народов к политическому и культурному самоопределению. В этой связи неуместно игнорирование этнической, культурной и религиозной дифференциации, во многом определяющей геополитическую конфигурацию мира [Бельков 1995, с. 81–95].

Этническая поляризация оказывает существенное влияние на внутренние политические процессы государств и их мирополитическую ориентацию, серьезно сказывающуюся на геополитической обстановке в различных регионах, в том числе на Кавказе. Мир и согласие в межэтнической среде имеет для России важное значение, определяющее уровень безопасности и степень стабильности в различных регионах. Вопросы межнационального согласия и мира наиболее актуальны для стратегически важного южного рубежа страны – Кавказа. В.В. Путин справедливо отметил, что «для

России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»¹.

Кавказский регион во всем своем многообразии в обывательском представлении носит клише территории, пропитанной конфликтными явлениями разного характера и порядка. Социально-культурная природа региона раскрывается для научного исследования в специфичном облике, прежде всего в силу пространственно-территориальной широты и традиционного уклада общественно-политической жизни. Поэтому этнополитические конфликты на Кавказе обуславливаются переплетением конфликтного пространства с границами этнокультурными, социально-политическими и религиозными. Кавказским народам свойственно глубокое этническое самосознание и самоидентичность, отчетливо выражающиеся в чувстве причастности к территории исконного проживания [Попов 2017, с. 83–96]. Та или иная территория как место исконного проживания этнической группы выступает плацдармом для самоидентификации группы. Как отмечает К.С. Гаджиев, невозможно отчетливо выявить структурные особенности Кавказского региона в отношении его конфигурации в цивилизационно-культурном и социально-политическом плане для всех проживающих на данной территории народов [Гаджиев 2010, с. 101].

Испокон веков территория Кавказа являлась пространством активного противоборства ведущих держав, стремившихся установить над регионом исключительную власть. В настоящее время Кавказский регион не утратил уникальную роль, которая с давних времен характеризовалась наличием торговых и культурных артерий, связывавших разные цивилизации [Христофоров 2014, с. 58–64]. Сегодня под единым термином – Кавказский регион – следует понимать как территорию Северного Кавказа, всецело находящегося в составе Российской Федерации, так и Южного Кавказа (равнозначное понятие – Закавказье) – это постсоветские республики – Азербайджан, Армения и Грузия, в том числе частично признанные Абхазия и Южная Осетия.

С конца XX в. к региону вновь обращено пристальное внимание мирового сообщества, обусловленное распадом СССР и крушением советского социализма. Распад СССР, с одной стороны, обнажил латентные межэтнические противоречия, а с другой – позволил реанимировать чаяния игроков мировой политической арены в расширении собственного влияния и политико-экономического присутствия в новообразованных закавказских республиках в противовес региональным приоритетам Российской Федерации. Хотя

---

¹ Значение кавказских процессов для безопасности Евразии [Электронный ресурс]. Sputnik Абхазия. 12.01.2017. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/analytics/20170112/1020218939/znachenie-zakavkazskix-processov-dlya-bezopasnosti-evrazii.html> (дата обращения: 10.10.2019).

кавказская тематика вышла во многом из фокуса внимания мировых информационно-аналитических агентств на фоне событий последних лет в Сирии и Украине, «это никоим образом не снижает значения закавказских процессов для безопасности всей Евразии»² и не умаляет актуальности исследования проблем профилактики и преодоления этнополитических конфликтов на Кавказе, выявления ключевых тенденций и закономерностей протекающих здесь процессов.

В обыденном сознании Кавказ воспринимается как единое целое, включающее особенности и качественные характеристики, свойственные всему региону. Однако слияние всей территории в синтетический социально-политический конструкт имеет мало общего с реальной конъюнктурой. Протекавшие и продолжающиеся вялотекущие кризисы в различных частях кавказского пространства создают образ Кавказа как заведомо несостоятельной и патологически конфликтной местности³, о чем свидетельствуют опросы, проводимые Фондом «Общественное мнение» по вопросам стабильности и благополучия в исследуемом регионе. Значительная часть опрошенных оценивала ситуацию на Кавказе как «неспокойную» и «неблагополучную»⁴. Вероятно, что это свидетельство того факта, что внутрикавказское общество глубоко дифференцировано по социально-политическим, этнокультурным, языковым, ценностно-идеологическим и религиозным признакам.

Не представляется обоснованным и игнорирование взаимосвязи северокавказских и закавказских этнонациональных процессов. Между этническими сообществами (титульными народами), проживающими на территории Северного Кавказа, и этническими группами (автохтонными этносами), живущими в республиках Южного Кавказа, имеется этнолингвистическое родство, что в ряде случаев указывает на общность их происхождения. Различные конфликты в Закавказье с участием этнических групп, являющихся близкородственными северокавказским народам, по меньшей мере вызывают острое раздражение и неприятие у последних. Этому свидетельство, в частности, деятельность северокавказских политических элит по поддержке

---

² Северный Кавказ: знания и представления о регионе (опрос населения Фондом «Общественное мнение», от 11 августа 2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/eur/dd053224> (дата обращения: 10.10.2019).

³ Ситуация на Северном Кавказе (опрос населения Фондом «Общественное мнение», от 4 февраля 2010 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/eur/d100412 (дата обращения: 10.10.2019).

⁴ Постановление Кабинета министров Кабардино-Балкарской Республики от 17 августа 1992 г. № 172 «О политической поддержке и оказания гуманитарной помощи Республике Абхазия» // Кабардино-Балкарская правда. 1992. № 157.

и оказанию помощи Республике Абхазия в 1992–1993 гг.⁵ В ходе этнополитических конфликтов, разворачивавшихся на территории Кавказа, особое значение приобрел и феномен «движения добровольцев», в широком смысле выражавшийся в том, что у народов, проживающих в различных частях Кавказского региона, укреплялось чувство солидарности к сложившейся беде близкого в лингвистическом и культурном отношении этнического сообщества, проживающего в другой части региона.

Рост этнического самосознания на Северном Кавказе и в Закавказье стал дополнительным фактором нарастания конфликтных явлений. Во многих случаях он обратился в средство манипуляции и политизации резонансного и проблемного этнического вопроса для ряда влиятельных представителей кавказской общественно-политической элиты.

По характеру нарастания межэтнического противостояния на территории Кавказского региона можно видеть, как усиление трений и разногласий по острым вопросам на площадке публичных обсуждений предопределяло начало кровопролитных вооруженных действий, катастрофические последствия которых наложили неизгладимый отпечаток на региональную социально-экономическую инфраструктуру, самочувствие населения, ощутимые и по сей день.

Трудности в этнополитической сфере отчетливо стали проявляться со времен распада СССР. Следует выделить ключевые катализаторы этнополитических противоречий на Кавказе [Ласария 2018].

1. *Полиэтнический и многоконфессиональный состав населения Кавказского региона*, что обусловило неоднозначность этнополитической ситуации.

В общемировых масштабах Кавказ располагает небольшой территорией и незначительной плотностью населения, его географическое расположение и связующая роль между двумя цивилизациями стали причиной экспансивных миграционных процессов и частого военно-политического размежевания сопредельных держав. Эти и многие другие исторические процессы придали широкую этнокультурную мозаичность Кавказу. Множество этнических групп, проживавших на территории Кавказа, сохранили родственные чувства друг к другу: на протяжении долгого времени между ними сохранялись тесные связи, сопровождавшиеся культурно-лингвистическим взаимопроникновением; в свою очередь, взаимосвязь этнических сообществ способствовала мирному сосуществованию носителей разных культурно-ценностных установок, приверженцев тех или иных религиозных течений и носителей разнообразных языков.

---

⁵ См.: Наказанный народ. Как депортировали чеченцев и ингушей [Электронный ресурс]. 22.02.2008. URL: <https://ria.ru/spravka/20080222/99840311.html> (дата обращения: 10.10.2019).

Развитие этнонациональных отношений в Кавказском регионе привело к религиозному плюрализму, здесь устоялись две наиболее значимые мировые религии – христианство и ислам со многими их течениями. Нередко религиозные учения переплетались с местными верованиями, оказавшими серьезное влияние на духовно-ценностную составляющую кавказского общественного организма. Традиции религиозного плюрализма нельзя недооценивать и сегодня, несмотря на заметное повышение значимости религиозной составляющей в этнополитических процессах в регионе. Конфликтный всплеск последних десятилетий, скорее, был связан все же больше с политическими, территориальными, социально-экономическими и этнокультурными детерминантами, нежели с его религиозным контекстом. Как правило, религиозный компонент, наряду с этническими атрибутами, выступал в качестве средства мобилизации и консолидации этнического сообщества вокруг значимых общественно-политических лозунгов. Следует отметить, правда, что соответствующие тенденции самого последнего времени стали выглядеть значительно серьезнее.

Широкий этнический колорит для региона сам по себе не является имманентно конфликтным фактором. Другое дело, что наличествующая социально-экономическая и политическая разнородность внутри кавказского социума, конечно же, не может не создавать проблем межэтнического взаимодействия, где недоверие между народами является продуктом не урегулированных своевременно противоречий. Этнополитические противоречия на территории Северного Кавказа и Закавказья отражали и продолжают отражать неизменный курс этнических элит на корректировку прежде всего социального и политического положения представляемого этнического сообщества [Авксентьев, Васильченко 2014, с. 68–87].

2. *Территориальные споры.* Рассмотрение истоков этнополитической конфронтации на Кавказе показывает, что территориальные притязания часто являлись центральными основаниями межэтнических конфликтов, в развитии которых обыгрывались подчас крайне драматические политические сюжеты. Так, в середине 1990-х гг. наблюдалось несколько десятков этнополитических противоречий, центральной темой которых были территориальные противоречия. Значительная часть из них была заложена в советские годы, когда проводилась достаточно опрометчивая демаркация границ административно-территориальных единиц, без учета интересов и особенностей этнических сообществ.

Острый оборот в первой половине 1990-х гг. приобрела осетино-ингушская этнополитическая конфронтация по поводу Пригородного района. Конфликт был заложен известными решениями сталинской эпохи⁶. И на рубеже конца 1980 – начала 1990-х гг.

---

⁶ См.: Наказанный народ. Как депортировали чеченцев и ингушей [Электронный ресурс] 22.02.2008. URL: <https://ria.ru/spravka/20080222/99840311.html> (дата обращения: 10.10.2019).

в контексте наметившихся тенденций национального самоопределения осетино-ингушское противостояние разразилось с особой интенсивностью, приведшей к трагическому вооруженному столкновению.

Действия, предпринимаемые сторонами противостояния для преодоления конфронтации как на ранних этапах конфликта, так и до сегодняшнего момента, оказались мало результативными в силу несовместимости используемых подходов и позиций оппонентов относительно решения конфликтной ситуации. Вопрос еще требует своего выверенного решения.

3. *Иерархичность и статусные различия этнотерриториальной архитектоники, созданной еще в советский период.* Этнополитические противоречия в Кавказском регионе в значительной степени обусловлены сложностями национально-государственного строительства, прямым образом отражавшихся на судьбах многих этнических сообществ.

Неравенство статусов этнотерриториальных и административно-территориальных образований (края, автономные республики, области и округа) порождало отсутствие равных конституционных прав для поддержания этнокультурных особенностей, что влекло расширение источников этнополитических трений и проблем.

Диспропорция в политических статусах этнических сообществ, территории их проживания приводила к острым межэтническим размежеваниям, в частности, к дискриминации этнических меньшинств (проекты ассимиляции, вытеснение автохтонного этнического массива с мест прежнего проживания – как следствие миграции, принудительный абсентеизм и др.). В подобных обстоятельствах элиты могли существенно активизировать деятельность, направленную на защиту интересов групп. Так, Б.А. Хагба отмечает: «Различия в статусе национально-государственных образований, конституционных возможностей в реализации национально-политических интересов во многом и определили характер ряда конфликтов (в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии и т. д.)» [Хагба 1996, с. 113]. Возможно, именно политические решения советского периода относительно статусов территорий и стали решающими в последующем обострении этнополитических конфликтов.

4. *Стремление некоторых этнических групп к отделению от одной и присоединению к другой территории (ирредентизм).* Границы государственных и административно-территориальных единиц в кавказском регионе не всегда соответствуют ареалу проживания однородного этнического массива. Многие из народов Северного Кавказа и Закавказья проживают за пределами своих национально-государственных образований (например, чеченцы, ингуши, адыгейцы, кумыки, ногайцы и др.). Некоторые этнические сообщества и вовсе после распада советского государства оказались разделены границами постсоветских республик (например, лезгины и осетины).

Существенный прирост количества кавказских противоречий, переход из латентного в открытое противостояние является следствием дезинтеграционных процессов распада СССР. На основе сравнительно-политологического анализа природы и характера этнополитических противоречий на Кавказе, а также факторов, оказывающих прямое или косвенное влияние на развитие конфронтации, представляется возможным выделение нескольких типов этнополитических конфликтов на территории исследуемого региона на основе их причин:

- территориальный: спорные территории, которые по отдельному видению каждой из сторон противостояния являются их неотъемлемым пространством или частью государства (например, карабахский и грузино-осетинский конфликты);
- этнический: действия этнического сообщества, направленные на реализацию права внутреннего или внешнего самоопределения (например, конфликты в Абхазии и Чечне);
- политический: противоречия, обусловленные регенерацией статуса и принадлежности административно-территориальных единиц репрессированных этнических сообществ (например, осетино-ингушский конфликт).

Приведенные типы этнополитических конфликтов, конечно же, не претендуют на роль исчерпывающей классификации противостояний в Кавказском регионе. Так, военные действия в Нагорном Карабахе, без всякого сомнения, обусловлены целым рядом разнопорядковых проблем. И в целом в композиции конфликтов как на территории Северного Кавказа России, так и на территории постсоветских государств Южного Кавказа сохраняют свое значение противоречия, детерминированные исторической, социально-политической и этнокультурной модификацией.

Литература

- Авксентьев, Васильченко 2014 – *Авксентьев В.А., Васильченко В.А.* Этнические элиты и этнократия Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества // *Россия и мусульманский мир.* 2014. № 11. С. 68–87.
- Бельков 1995 – *Бельков О.А.* Этнические факторы геополитики // *Этнополитический вестник.* 1995. № 4. С. 81–94.
- Гаджиев 2010 – *Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М.: Логос, 2010. С. 101.
- Ласария 2018 – *Ласария А.О.* Модели регулирования этнополитических конфликтов на Северном и Южном Кавказе: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2018. 201 с.
- Попов 2017 – *Попов М.Е.* Социокультурная интеграция как способ конструктивного разрешения региональных конфликтов: северокавказская специфика // *Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология.* 2017. Т. 23, № 1. С. 83–96.

- Хагба 1996 – *Хагба Б.А.* Конфликты на юге России: поиски выхода // Этнополитический вестник. 1996. № 1 (13). С. 110–117.
- Христофоров 2014 – *Христофоров В.С.* К истории геополитического противостояния на Северном Кавказе // Вестник Российской нации. 2014. № 1. С. 58–64.

References

- Avksentiev, V.A., Vasilchenko, V.A. (2014), “Ethnic Elites and Ethnocracy of the North Caucasus: Interaction with the Institutions of Modern Society”, *Russia and the Muslim World*, no. 11, pp. 68–87.
- Belkov, O.A. (1995), “Ethnic factors of geopolitics”, *Ethnopolitical Bulletin*, no. 4, pp. 81–94.
- Gadzhiev, K.S. (2010), *Kavkazskii uzel v geopoliticheskikh prioritetskikh Rossii* [The Caucasian Knot in Russia's Geopolitical Priorities], Logos, Moscow, Russia.
- Hagba, B.A. (1996), “Conflicts in the South of Russia: the search for a way out”, *Ethnopolitical Bulletin*, no. 1 (13), pp. 110–117.
- Khristoforov, V.S. (2014), “On the history of the geopolitical confrontation in the North Caucasus”. *Bulletin of the Russian nation*, no. 1, pp. 58–64.
- Lasariya, A.O. (2018), *Modeli regulirovaniya etnopoliticheskikh konfliktov na Severnom i YUzhnom Kavkaze sravnitel'nyj analiz* [Models of regulation of ethnopolitical conflicts in the North and South Caucasus: comparative analysis], Ph.D. Thesis, Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Popov, M.E. (2017), “Sociocultural integration as a way of constructive resolution of regional conflicts: North Caucasian specifics”, *Moscow University Bulletin. Ser. 18: Sociology and Political Science*, Vol. 23. No. 1. pp. 83–96.

Информация об авторе

Айнар О. Ласария, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; las.ain@mail.ru

Information about the author

Aynar O. Lasariya, Cand. of Sci. (Political Sciences), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russia; las.ain@mail.ru

УДК 325.3

DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-96-107

Multilingualism and languages policies in Brazil

Gilvan Müller de Oliveira

Federal University of Santa Catarina, Florianópolis, Brazil

For citation: Müller de Oliveira, G. (2019) “Multilingualism and languages policies in Brazil”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 1, pp. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-96-107

Многоязычие и языковая политика в Бразилии

Жилван Мюллер де Оливейра

*Федеральный университет штата Санта Катарина,
Флорианополис, Бразилия*

Аннотация. В статье приведен обзор этноязыковой ситуации на территории Бразилии с XVI в. по настоящее время. Дана оценка глоттоцида – репрессивной языковой политики, направленной на замещение автохтонных языков единым имперским (португальским) языком. Проанализировано два сценария языковой политики, основанной на насилии: меры португальской колониальной администрации XVIII в. по отношению к коренному населению Амазонии и репрессии периода диктатуры 1930–1940-х гг. по отношению к немецкоязычному меньшинству в южных штатах Бразилии. Дан позитивный прогноз ревитализации угасающих автохтонных языков и языков мигрантов при условии проведения политики, направленной на поощрение этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: Бразилия, колониализм, языковая политика, ассимиляция, автохтонные языки, языки мигрантов, многоязычие, поликультурность

Brazil is the fifth largest country in the world with a territorial area of 8.5 million km² and also the fifth in population with 213 million inhabitants in 2019. Brazil was part of the Portuguese Empire from the arrival of the first Lusitanian expedition in 1500 until the separation of the United Kingdom from Portugal Brazil and Algarves occurred in 1822, when the country became independent.

The cultural formation of Brazil included the confrontation of Portuguese colonialism with the approximately 4 to 5 million indigenous people who lived in the territory of the sixteenth century onwards; included the largest slave process in human history, mostly through the capture and transport of 4 to 5 million Africans of various languages and nationalities from the 16th century to the end of the 19th century by the Portuguese and later Brazilian slave fleets. It also included, especially in the eighteenth century, a massive immigration of Portuguese attracted by the gold cycle of Minas Gerais and, finally, an intense immigration flow of 3,5 million Europeans (Italians, Spaniards, Portuguese, Germans, Poles, Russians) and later Syrian-Lebanese and Japanese, between 1824 and 1935 [Holanda, 2003].

The majority of Brazilians believe, however, that only Portuguese is spoken in Brazil. The dominant conception is that being Brazilian and speaking Portuguese are synonyms. Is it a kind of prejudice, ignorance of reality or expression of a political project – intentional, therefore – to build a monolingual country?

At some level all these three possibilities go together. It is not by chance that some things are known and others are unknown: knowledge and ignorance are produced actively, based on specific ideological interests, historically constructed. In that case, the “knowledge” that Portuguese is spoken in Brazil, and the “lack of knowledge” that many other languages have been and are also spoken. The fact that people accept, without arguing – as if it were a ‘natural fact’ – that ‘Portuguese is the language of Brazil’ was and is fundamental to obtain consensus among the majorities for policies of repression of other languages, today minority languages.

To understand the question we need some data: in Brazil today are spoken around 240 languages, including Portuguese. The indigenous nations speak about 180 *autochthonous languages*, the communities of descendants of immigrants at least 58 *immigration languages* and the deaf communities of Brazil at least two *sign languages*, the Brazilian Sign Language – Libras – and the Urubu-Kaapó indigenous sign language. Brazil is, therefore, a multilingual country like most countries in the world, but with a very dominant official and national language – Portuguese – a language in which more than 98% of Brazilians are monolingual. At most 1,5% of Brazilians – about 3 million – speak the other 239 languages of the country.

If we look at the past, we see that Brazil was much more multilingual than today: when the Portuguese arrived in South America 500 years ago, about 1,078 indigenous languages were spoken in the territory [Rodrigues, A., 1993], a situation of plurilingualism even more striking

than that of present-day India with 391 languages, or Indonesia with 663 languages.

The Portuguese State, and after independence, the Brazilian State, had for almost the whole history imposed Portuguese as the only legitimate language, considering it “companion of the Empire” in the conception of Fernão de Oliveira (1536), the author of the first grammar of the Portuguese language.¹

The State’s language policy has always focused in reducing the number of languages, in a process of *glotocide* (murder of languages) through linguistic displacement, that is, of their replacement by Portuguese.

The linguistic history of Brazil could be resumed as a successful sequence of homogenizing and repressive language policies that achieved their goals: only in the first half of the 20. century, according to Darcy Ribeiro, 67 indigenous languages disappeared in Brazil – more than one per year, therefore [Rodrigues, A., 1993, 23]. Of the 1,078 languages spoken in the year 1500, we had about 180² in 2010 (only 15% of the total) and several of these 180 are already dying, spoken by tiny populations and with little chance of resisting the advance of the dominant language.

Scenario 1: The Amazon Region in 18th century

The world’s largest rainforest, with the planet’s greatest biodiversity and situated in the world’s largest river basin has 5.5 million km² and spreads across nine countries. About 60% of the Amazon is located in Brazil, covering 9 states, representing more than 40% of the national territory, or about 3.5 million square kilometers, where 18 million people live. Around 90 indigenous people live today in the Brazilian Amazon, often with a small population, after the extermination, usually due to illness, of the great civilizations of the region, such as Omagua and Tapajós, early in the contact with Europeans in the 16th and 17th centuries.

---

¹ Other grammarians of the time affirmed this same relation between language and domination, as Antonio de Nebrija (1492), the first grammarian of Spanish: «language always accompanied domination, so that together they began, together they grew, together they flourished, and after all their fall was common».

² The Brazilian Demographic Census (IBGE, 2010), which gave the indigenous population the chance to declare their language, reached the number of 274 indigenous languages spoken in Brazil. It should be noted, however, that this survey is based on self-declaration and not infrequently speakers declare the name of a variant of the language as their mother tongue, amplifying the number of languages declared. It should also be noted that only the indigenous can declare the language spoken, which erases from the official data of the country the languages most spoken after Portuguese, which are the languages of immigration.

This action of the state can be observed, for example, in the Directory of Indians³ of 1758, a document with which the Marquis of Pombal, the all-powerful prime minister of King Dom José I (1750–1777), intended to legislate on the life of the Indians – first only in Amazonia, after all Brazil – in the period subsequent to the expulsion of the Jesuits from Portugal and its colonies (1759). The intention of “civilizing” the Indians is through the imposition of Portuguese, the language of the Prince, as this fragment shows with the spelling of the time:

Sempre foi maxima inalteravelmente praticada em todas as Naçoens, que conquistaraõ novos Dominios, introduzir logo nos Póvos conquistados o seu proprio idioma, por ser indisputavel, que este he hum dos meios mais efficazes para desterrar dos Póvos rusticos a barbaridade dos seus antigos costumes; e ter mostrado a experiencia, que ao mesmo passo, que se intoduz nelles o uso da Lingua do Principe, que os conquistou, se lhes radíca tambem o affecto, a veneraçãõ, e a obediencia ao mesmo Principe. (...) será hum dos principaes cuidados dos Directores, estabelecer nas suas respectivas Povoaçoes o uso da Lingua Portugueza, naõ consentindo de modo algum, que os Meninos, e Meninas, que pertencerem ás Escólas, e todos aquelles Indios, que forem capazes de instrucção nesta materia, usem da Lingua propria das suas Naçoens, ou da chamada geral; mas unicamente da Portugueza, na forma, que Sua Magestade tem recõmendado em repetidas ordens, que até agora se naõ observáraõ com total ruina Espiritual, e Temporal do Estado [Almeida 1997, 3–4, chap. 6].

It has always been unalterably practiced for all Nations, who will conquer new Dominions, to introduce to the conquered people their own tongue, for it is indisputable, that this is one of the most efficient means to banish from the rustic people the barbarity of their old customs; and because experience shows that at the same time that the use of the Prince's language, which has conquered them, is infused into them, the affection, the veneration, and the obedience to the same prince are also expressed. ...will be one of the principal cares of the Directors, to establish in their respective settlements the use of the Portuguese Language, and in no way consent that the Boys and Girls belonging to the schools and all those Indians who are capable of instruction in this matter, use the languages proper of their Nations, or the language called Lingoa Geral (General Language); but only Portuguese, in the form, which His Majesty has rectified in repeated orders, which until now have not been observed, with total Spiritual and Temporal ruin of the State [Almeida 1997, 3–4, chap. 6].

At that historical moment, Pombal's document turns mainly against the 'Lingoa Geral' or General Language, the Tupi of the coast of Brazil

---

³ Short name of the «'Directory to be observed in the Hamlets of the Indians of Pará and Maranhão inasmuch as His Majesty does not command the opposite», published in fac-similar edition by Almeida [Almeida 1997].

transformed into the vehicular language of indians, whites and blacks in vast portions of the territory, especially in the Amazon, where it was also called *Nheengatu*. The document marks the beginning of the decline of this important vehicular language, which will accelerate with the slaughter of some 40,000 *nheengatu* speakers – mainly indians and blacks – who took up arms against the ‘white’ domination in the *Cabanagem Revolution* (1834–1841) in the Amazon region [Bessa Freire 1983, p. 65].

The process will be consummated with the disappearance of the *Nheengatu* in much of the Amazon – but not in all – caused by the arrival through immigration of 300 to 500 thousand monolingual Portuguese speaker Northeasterns between 1870 and 1918 attracted by the richness of the so called “Rubber Boom” in the Amazon Region.

Today, in spite of this process of linguistic displacement that replaced it with Portuguese in the gutters of most of the great rivers, *Nheengatu* resists

...between the city of Manaus and the hamlets of the Upper Rio Negro, in an area of approximately 300,000,000 km² (...) *Nheengatu* is the usual communication tool of the population living there and the language of commerce “ [Bessa Freire, 1983, 73].

This is demonstrated, to take an example, in this political propaganda of a Workers’ Party (PT) candidate to state deputy in the 1998 election:

Alto Rio Negro Miraitá Arã
 Se’ Muitá,
 Mbuessara Aloysio Nogueira candidato Deputado Estadual arã.
 Aé mira katu, ti mira puxi. Aé yane’ anama.
 Deputado Estadual yawé, Mbuessara Aloysio Nogueira ussu yane’
 maramunhangara kimbawa kuri. Aé ussu Alto Rio Negro miraitá *nheenga*
 kuri Assembléia Legislativa upé.
 Ixé ayumana penhé, se’ anamaitá.
 Mbuessara Auxiliomar Silva Ugarte suí⁴.

“To the peoples of the Upper Rio Negro.

My Brothers: Professor Aloysio Nogueira is a state deputy candidate. He is a nice guy. He is our friend and relative. As a state deputy, Professor Aloysio Nogueira will be our brave warrior. He will be the voice of the peoples of

---

⁴ «To the peoples of the Upper Rio Negro. My Brothers: Professor Aloysio Nogueira is a state deputy candidate. He is a nice guy. He is our friend and relative. As a state deputy, Professor Aloysio Nogueira will be our brave warrior. He will be the voice of the peoples of the Upper Rio Negro in the Legislative Assembly. I hold you, my relatives. Professor Auxiliomar Silva Ugarte». (The text and the translation were kindly given me by Aloysio Nogueira himself in São Gabriel da Cachoeira, Amazonas State, Brazil.

the Upper Rio Negro in the Legislative Assembly. I greet you, my relatives. Professor Auxiliomar Silva Ugarte". (The text was kindly given me by Aloysio Nogueira himself in São Gabriel da Cachoeira, Amazonas, Brazil).

We should not imagine, however, that laws such as the Directory of Indians have, by themselves, changed the linguistic profile of the country, or have been 'obeyed' quietly by the population. The historian José Honório Rodrigues draws our attention to the resistance that the various linguistic communities opposed against the policies of homogenization and glotocide, in a true *war of languages*⁵:

In a society divided into castes, races, classes, even when the process of unification of language is evident, especially in a continent like Brazil, where for three centuries several indigenous and black languages fought against a white language, there was neither cultural peace nor linguistic peace. There was a permanent state of war. (...) The cultural process that imposed one victorious language on the other was not so peaceful, nor so easy. It costed unprecedented efforts, costed blood of rebels, costed suicides, cost lives [Rodrigues 1985, p. 42].

Scenario 2: South Brazil, 1930–1945

Not only the indigenous peoples were victims of the language policies of the Portuguese and Brazilian states: also the immigrants – arrived mainly from Europe after 1824 – and their descendants, four thousand kilometers further south than the above-mentioned Nheengatu speakers in the Amazon Region, went through violent linguistic and cultural repression.

This "colonial" society of immigrants was formed by the settlement of large regions with settlers speaking the same language, in the beginning German languages speakers; then, in a separated geography, Italian speakers, and finally, after 1890, also Polish, Ukrainian, Russian speakers, among others.

In these vast regions, a partially autarchic society was developed, with original institutions such as communitarian schools and churches. In these settlements, the German speakers have not received Brazilian citizenship until 70 years after the colonizing process has started. Likewise, they were also isolated from their homeland, whose institutions did not look for contact or act in favour of the settlements until the beginning of the 20th century.

---

⁵ The concept of 'war of languages' [Calvet, 1999] enables us to understand that languages (ie the various language communities) do not coexist peacefully, but use linguistic differences in their identity struggles. Nelde's Law (1984) formulates this idea of conflict as follows: "There can be no language contact without language conflict".

In Rio Grande do Sul, and... Santa Catarina, the small property regimen and the economy based upon polyculture made the Sinos, Caí, Taquari, Pardo, Jacuí rivers valleys, the area of Missões, the high Uruguai, a distinct landscape. The land was divided always according to the same plan. A river, a stream, a hill or an elevation helped to align the plots. A trail in the beginning, a way and many times a road at the end allowed the circulation of people, animals and products. The dwelling places were near the road, each one on its respective plot. In the center of such a geographical compartment, the church, the school, the shop, and the grave yard occupied their specific space. This way, one can have a fairly good idea of the physical-geographic scenario of the German-Brazilian community unit [Rambo 2003, p. 65]/

The Estado Novo (1937–1945), a fascist dictatorial regime established by Getúlio Vargas, marks the high point of repression of the allochthonous languages, ie. *Immigration languages*, through a government program known as “Process of Nationalization of Education” that intended to seal the fate of immigration languages in Brazil.

This was particularly the case of German and Italian in the ‘colonial’ region of the Southern states Santa Catarina and Rio Grande do Sul. In regions of these two states, where the minifundia structure and homogeneous colonization ensured adequate conditions for the reproduction of languages, linguistic repression, through the legal concept of “Linguistic Crime”, created by the Estado Novo, reached its strongest impact.

During the Estado Novo, especially between 1941 and 1945, the government occupied community schools⁶ and dispossessed them, closed newspapers in German and Italian, persecuted, arrested, and tortured people for speaking their mother tongues in public or even privately inside their homes. An atmosphere of terror and shame was created that made the reproduction of these languages impossible, which, by the number of speakers, were already much more important than the indigenous languages at the same time: in a total national population estimated at 50 million inhabitants, 644,458 people, mostly Brazilian citizens born in the country, spoke German daily at home, and 458,054 spoke Italian, from the IBGE census of 1940⁷ [Mortara 1950]. These languages lost

---

⁶ Beginning in 1932, a series of measures against the use of the German language in the Brazilian schools began. This is explained, on the one hand, as a response to the demands of nationalist politicians and intellectuals who would support the Estado Novo Dictatorship in 1937 and, on the other hand, the recommendations of liberal politicians who saw the use of a single language throughout the country, as a *sine qua non* condition for the exercise of citizenship [Brepohl de Magalhães 1998, p. 48].

⁷ Of all the Brazilian censuses, begun in 1872, only the 1940s and 1950s were interested in asking which language the Brazilians used at home for the entire population, and if they knew how to speak Portuguese. The 2010 census resumed the questioning about spoken languages, but only for those who before declared themselves indigenous.

their written form and their place in the cities, and their speakers used them only orally and more and more in the rural areas, in increasingly restricted communication environments.

The state of Santa Catarina, in the administration of the governor and later the interventor Nereu Ramos, set up concentration camps, euphemistically called “confinement areas”, for descendants of Germans who insisted on speaking their language, among other reasons [Dall’Alba 1986]. One of these fields worked within what is now the campus of the Federal University of Santa Catarina, more specifically the University City Hall. The list with the names of the prisoners confined in this field was published by Perazzo (1999, 239–244).

As a result of the upsurge of the process, in 1942, prisons increased, for instance, in the municipality of Blumenau, in State Santa Catarina, for example, from 282 prisons in 1941, mostly due to common occurrences (such as drunkenness or fights at dances), to 861 in the following year, of which 271, or 31.5%, for the sole reason of having spoken a “foreign language”.

This meant imprisonment of 1.5% of the entire population of the municipality during that year and led to the silencing of the population. In the same year the Brazilian Army, more specifically the 32nd Hunters Battalion, composed mainly of soldiers transferred from the Northeast, the most monolingual region in Brazil, who were sent to Blumenau to “teach the people of Santa Catarina to be Brazilian”, stamped all the correspondence to the Itajaí Valley with the phrase of the ex-governador and former Minister for Foreign Affairs, Lauro Müller: “Who is born in Brazil is either Brazilian or a traitor”.

Under a rigid censorship of the press, which provided for the immediate arrest of the head of the newspaper who published any restriction on the [nationalization] campaign, the military began to command the municipalities of the immigration zones, taking over new boards in schools and recreational societies (Jahn in Canoinhas), changing the denomination of known cultural centers (the Musician Theatre Frohsinn, in Blumenau, became Theatre Carlos Gomes), and interfering in the most varied aspects of daily life. His zeal was such that in Jaraguá do Sul the appointed mayor even forbade tombstones and mausoleums from the local cemetery to contain written in “foreign language” (a measure that would later be extended to the whole state), not accepting even the adopted file by an individual named Godofredo Guitherm Lutz, who had covered the inscriptions of the family’s grave with a bronze plaque. And to support actions like this, an army battalion was specially created and sent to Blumenau, where it stayed camped in the former Shooting Society. The 32nd Hunters Bataillon arrived on a rainy day, being welcomed by authorities, scouts and delegations of major industries, while two military aircraft released confetti in the colors of the Brazilian flag. Marking their arrival, the soldiers engaged in a conflict with civilians during a ball in the Buerger Hall, and days later their commander issued a edict abolishing “the use of any foreign language in public acts” (‘The Gazette’, 24 and 25 of May 1939) (FALCÃO, 2000, 171 and 200).

The Military Police, 9 in Santa Catarina and in other states, arrested and tortured and forced people to leave their homes in certain “national security zones.” More serious than all this: the “nationalization” school encouraged children to denounce parents who spoke German or Italian at home, creating unsurpassed psychological sequels to those citizens who, for the most part, were and considered themselves Brazilian, even if speaking German.

One of the most tragic facts, however, is that we find in our history very few voices that opposed the overwhelming process of homogenization, even among Brazilian intellectuals. “It is disconcerting,” say Simon Schwartzman and others, “the fact that there has never been, on the part of the various political currents of some significance in Brazilian history, who defended for the country the constitution of a culturally pluralistic society.” [Schwartzman et al. 1984]

For the Brazilian linguistics, as it is structured in our universities today, the study of linguistic diversity, that is, of multilingualism, has only a modest place in research efforts, and even then only in the last 20 years. When speaking of linguistic diversity, many think only of the internal diversity of the Portuguese language itself⁸. But this interest is increasing, and this movement can help the diverse linguistic communities of Brazil to maintain and to develop their languages.

Traditionally, it was even less important for most of Brazilian linguists to contribute to guaranteeing their linguistic rights to non-Portuguese speakers⁹, through, for example, interventions in LPP – Language Policies and Planning, that is to say decisions taken on languages, their status, their circulation, their equipment for new and specific tasks, among other aspects. In this sense, we do not have a very different picture for Brazil than Dora Pellicer [Pellicer 1993, 36-7] affirms about Mexican linguistics in a text entitled “It was then that the indigenous languages passed from the hands of the missionaries to the hands of the scholars”:

However, the work of Mexican scholars in the academic world had no effect on the legitimacy of the use of these [indigenous] languages in the context of the independent nation. Several reasons can be argued for this to happen. But a main determinant is that apparently there was not, on the part of this guild, so interested in descriptions, comparisons and dialectal studies, the purpose of achieving, through their accumulated knowledge, the vindication of the

---

⁸ This can be verified in a reference work of great quality, elaborated by an important group of Brazilian linguists: The Linguistic Atlas of Brazil, published in 2015. In fact, the Atlas is only about Brazilian Portuguese and would have to have a name correspondent, was not this almost automatic ideological correspondence between ‘Brazil’ and ‘Portuguese Language’.

⁹ See the Universal Declaration of Linguistic Rights (1996) published in Brazil only in 2009 by Mercado das Letras Publishing House, the Brazilian Reading Association (ALB) and the Institute for Research and Development in Language Policy (IPOL).

use of these languages. For the newly constituted Mexican intelligentsia – whose members, profuse in erudition – kept abreast of modern philology – the native languages were an exciting object of study, but nothing more. In the ideological field all of them shared, without subjecting it to deep discussion, the national ideal of a common language.

History shows us that we could be today a lot more plurilingual country, were it not for the repeated assaults of the State against cultural and linguistic diversity. This same History shows us, however, that Brazil not only was a multicultural and multilingual country, but Brazil is a multicultural and multilingual country, either because of the diversity of languages spoken in the territory, or because the great internal diversity of the Portuguese language spoken in the country, obscured by another prejudice of the same nature: that Brazilian Portuguese is a language without dialects.

Finally still, Brazil is plurilingual because of the emergence of a ‘new multilingualism’, triggered by the international immigration, due to the formation of regional economic blocs such as the MERCOSUR (1992, 1996) and the influx of specialized workers or refugees (Haitians, Syrians, etc.). Although Brazil is not a major recipient of international immigration, and has only the modest number of 770 000 immigrants, the concentration of people from few countries makes the linguistic impact relevant, and makes it possible for new languages to establish permanently in Brazil. This is the case of the Creole of Haiti, spoken in Brazil by 440 000 Haitians, the largest group of foreigners today, or Quechua, spoken by many of more than 150 000 resident Bolivians, especially in São Paulo.

Another aspect of this new multilingualism is related to the fact that Brazil not only receives immigrants, as it did until the 1980s, but sent more than 3.5 million Brazilians to the diaspora abroad, who learn and bring to the country new languages and new language arrangements. This is the case of half a million Brazilians in Paraguay, the *Brasiguaios*, who live between Portuguese, Guaraní and Spanish, or the nearly 300,000 Brazilians in Japan, the *Dekassegui*, or the more than 100,000 Brazilians in the Bekaa Valley, in Lebanon, in its pendular life between Arabic and Portuguese.

Just as language communities resisted the processes of homogenization in the colonial era, communities continue to resist the monolingualistic language policies of the government and majorities, either by organized indigenous movements or by other groups, speakers of the languages of immigration, sign languages or discriminated varieties of Portuguese.

Proof of this is that the 1988 Constitution recognizes the right of indigenous peoples to their languages, at least in the school apparatus, in two articles (210 and 231), a fact that was regulated by the new Law on the Guidelines and Bases of National Education of 1996, also in two articles (78 and 79). This is a very new fact in the history of Brazilian legislation, so eager to “integrate the Indian,” that is, to make him cease

to be what he was, to transform himself into something else: labor in large estates or in the outskirts of big cities. It should be noted in passing that these rights were anchored in the Constitution by the active participation of the indigenous movement in the constituent process.

To conceive an identity between the 'Portuguese language' and the 'Brazilian nation' has always been a way of excluding important ethnic and linguistic groups from nationality and of circumscribing their political and economic rights; or of reducing these groups, often by force, to the 'Luso-Brazilian' format.

It would have been much more interesting and rich to the country to extend the concept of nationality, making it plural and open to diversity: it would have been more democratic and culturally more enriching, less violent and discretionary, and would allow the citizens to relate more honestly to the country's history. The great physical and symbolic violence unleashed by the State against indigenous peoples, against the more than 4 million African slaves who built the country between 1576 and 1888, and to a lesser extent against the immigrants who have been searching since the nineteenth century for a new life in Brazil is hidden in the official history of the country.

It is this erasure that also brings to the conscience of the citizens the ignorance about the linguistic pluralism of Brazil and leads so many to believe that only Portuguese is spoken.

Darcy Loss Luzzato, for example, expressed in the passage below his view that it is possible to reverse this trend, and ensure that many of the Brazilian languages continue to be spoken in the future. He an author devoted to write in his native tongue, the Talian (or Brazilian Venetian) – widely spoken in the regions of Italian colonization in South Brazil – and to fight for its maintenance, in a legal framework that does not give the languages of immigration not even the same and few rights that are recognized to the Indians. He narrates, in this passage, a dream he had, and with which he manifests his support for Brazilian multilingualism:

Che bel insonò che go buo l'altra sera. Me go insonià che in tuto el Sud del Brasile tuti parléino almanco due léngue: fra de noantri, ogni uno el parleva talian e portoghese; i dissendenti dei tedeschi i se feva intender tanto in tedesco come in brasilian; i polachi i parleva tanto in polaco come in portoghese; i giapponesi i dopereva co la medésima fassilità el brasilian e el giapponese; vissin a le frontiere col Uruguay e la Argentina, tanto se sentiva che i parleva in brasilian come in spagnolo. E ghen'era de quei che i era franchi in tre o quatro léngue! Quando me son desmissià ala matina, pensàndoghe sora, me go incorto che sto bel insonò el podaria esser stato vero: bastaria che gavéssimo buo Governi invesse de governi. Bastaria che invesse de político-buròcrati gavéssimo buo la fortuna de esser governadi par òmini de vision, stadisti, e nò gente de vista curta e storta. Ma, noantri, podemo cambiar la stòria. Me nono, el diseva che tuto l'è scominsiar! Alora, scominsiemo noantri taliani, che semo stati sempre vanguardieri. Dedrio de noantri, dopo verta la strada, i vegnarà i altri. Son sicuro!¹² [Tonial 1995, capa].

“What a beautiful dream I had another night. I dreamed that in all the south of Brazil we all spoke at least two languages: between us, Talian and Portuguese were spoken; the descendants of Germans made themselves understood both in German and in Brazilian; the Poles spoke in both Polish and Portuguese; the Japanese operated with the same facility the Brazilian and the Japanese; near the border with Uruguay and Argentina, it was heard that if one spoke in Brazilian as in Spanish. And there were those who were fluent in three or four languages! When I woke up in the morning thinking about it, I realized that this beautiful dream might have been true: it would have been enough if we had had Governments instead of governments. It would be enough if instead of bureaucratic politicians we would have been fortunate to be governed by men of vision, statesmen, not people of short and crooked sight. But we can change the story. My grandfather told me that everything is to begin! So let's start with talians, who have always been avant-garde. After us, once the road is opened, the others will come. I'm sure!

References

- Almeida (1997) – Almeida, R.H. de. *O Diretório dos índios: um projeto de “civilização” no Brasil do século XVIII*. Brasília: UnB. (Com fac-símile do Diretório dos Índios em apêndice)
- Bessa Freire (1983) – Bessa Freire, J. *Da “fala boa” ao português na Amazônia brasileira*. Ameríndia, no. 8.
- Brepohl de Magalhães (1998) – *Brepohl de Magalhães*, 1998, p. 48.
- Dall’Alba (1986) – Dall’Alba, J.L. *Colonos e mineiros na grande Orleães*. Orleães: Edição do Autor e do Instituto São José.
- Holanda (2003) – Holanda, S.B. de, ed., *História Geral da Civilização Brasileira*. Tomo I – A época colonial. 10^a ed., Rio de Janeiro, Bertrand Brasil.
- Mortara (1950) – Mortara, G. *Estudo sobre as línguas estrangeiras e aborígenes faladas no Brasil*, n. 2. Rio de Janeiro: Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística, Estatística Cultural.
- Rambo (2003) – Rambo, A.B. (2003). O teuto-brasileiro e sua identidade. Em Fiori, N.A., *Etnia e Educação: a escola “alemã” do Brasil e estudos congêneres*. Florianópolis: Editora da UFSC; Tubarão: Editora da Unisul.
- Rodrigues A. (1993 – Rodrigues, A.D. 'I. Línguas indígenas: 500 anos de descobertas e perdas. In *Ciência Hoje*, vol. 16, no. 95, nov. 1993.
- Rodrigues H. (1985) – Rodrigues J.H. A vitória da língua portuguesa no Brasil colonial. In *História Viva*. São Paulo: Global Universitária. (Série História)
- Schwartzman S. et al. (1984) – Schwartzman, S. et al. *Tempos de Capanema*. Rio de Janeiro: Paz e Terra; São Paulo: Edusp, 1984.
- Tonial (1995) – Tonial, H. Adesso Imparemo. Porto Alegre: Sagra D.C. Luzzatto Editores, 1995.

Сведения об авторе:

Müller de Oliveira Gilvan, Федеральный университет штата Санта Катарина, Флорианополис, Бразилия

Information about the author:

Müller de Oliveira Gilvan, Federal University of Santa Catarina, Florianópolis, Brazil

Экспортный потенциал российского высшего образования на русском языке: проблемы и перспективы

Людмила Н. Скаковская

*Тверской государственный университет, Тверь, Россия;
Skakovskaya.LN@tversu.ru*

Аннотация. В статье на основе статистического анализа выявлены основные тенденции в развитии глобального рынка образовательных услуг, в том числе определена доля российского сегмента. Установлено, что Россия на протяжении последних лет находилась в числе лидеров по числу иностранных обучающихся. Нормативно-правовой анализ позволил установить изменения в подходах государства к усилению интернационализации российских вузов. На основе анализа исследований и экспертных оценок по обозначенной проблеме были выявлены сильные, слабые стороны российской системы экспорта образования на русском языке, а также внешние факторы – возможности и угрозы. Исследование позволило выделить наиболее популярные направления подготовки и специальности у иностранных студентов. В работе сделаны акценты на вопросы развития и продвижения отечественного образования в среде иностранных абитуриентов именно на русском языке. Особо выделены проблемы языковой адаптации и преодоления языкового барьера ввиду достаточной сложности русского языка для освоения иностранными гражданами. В вопросах продвижения отечественного образования на русском языке автором особо обращается внимание на совершенствование представления информации в сети Интернет на официальных порталах университетов.

Ключевые слова: высшее образование, экспорт образовательных услуг, интернационализация, русский язык, иностранные студенты, конкурентоспособность университета

Для цитирования: Скаковская Л.Н. Экспортный потенциал российского высшего образования на русском языке: проблемы и перспективы // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 108–123. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-108-123

Export potential of Russian higher education in Russian. Issues and prospects

Lyudmila N. Skakovskaya

Tver State University, Tver, Russia; Skakovskaya.LN@tversu.ru

Abstract. Following a statistical analysis, basic trends in the development of the global educational services market are identified, including the share of the Russian segment. It was found that over the past years Russia has firmly held leadership positions in the number of foreign students. Regulatory analysis revealed changes in the state's approaches to strengthening the internationalization of Russian universities. Based on an analysis of studies and expert assessments on the issue mentioned, the strengths, weaknesses of the Russian education in Russian export system, as well as external factors, i.e. opportunities and threats were identified. The study allowed to specify the most popular areas of training and specialties among foreign students. The paper focuses on the development and promotion of Russian education in the midst of foreign applicants exactly in the Russian language. The issues of language adaptation and overcoming the language barrier are highlighted in view of the sufficient complexity of the Russian language for foreign citizens to master. In the issues of promotion of the education in Russian, the author pays special attention to the improvement of the presentation of information on the official Internet portals of universities.

Keywords: higher education, export of educational services, internationalization, Russian language, foreign students, university competitiveness

For citation: Skakovskaya, L.N. (2019), "Export potential of Russian higher education in Russian. Issues and prospects", *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 108–123. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-108-123

Русский язык занимает шестое место в мире по количеству его носителей, при этом считается одним из наиболее сложных для изучения. В мире отношение к русскому языку весьма различно: существуют сообщества людей, изучающих и продвигающих русский язык, при этом на текущий момент невысокая доля иностранцев ощущает реальную потребность в его освоении.

Актуальность исследования вопросов экспорта образования на русском языке лежит не только в плоскости его расширения как глобального бизнеса, но и в части распространения языка и культуры, повышения влияния нашей страны по критерию «мягкой силы», что имеет особую значимость в современных геополитических условиях.

Ввиду распространения общепринятой практики использования английского языка как языка международного общения экспорт образования на русском языке приобретает особую значимость, и его показатели характеризуют не только эффективный маркетинг и качество образовательных программ, но и степень заинтересованности в изучении именно русского языка иностранными студентами.

За последние годы мировой рынок образовательных услуг демонстрирует высокие темпы роста. По оценкам различных маркетинговых исследовательских агентств, с 2013 по 2015 г. глобальный рынок образовательных услуг вырос на полмиллиарда долларов с 4,4 трлн [Strauss 2013] до 4,9 трлн долларов США [Verger et al 2017]. При этом прогноз по различным сегментам данного рынка на период с 2019 по 2023 г. также остается оптимистичным: объем мирового рынка высшего образования вырастет на 33,74 млрд долларов США [Global Higher Education Market 2019], а ежегодные темпы роста мирового рынка онлайн-образования за указанный период будут составлять 10,26%, достигнув к 2023 г. 286,62 млрд. долларов США [Global Online Education Market 2019].

По данным Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), число граждан, получивших образование за пределами своей страны, выросло с 2014 по 2017 г. на 18%, при этом наиболее привлекательными для иностранцев оставались США, Великобритания и Австралия. Россия также прочно удерживает свои позиции в топ-10 стран-лидеров на мировом рынке образования, практически не уступая ближайшим конкурентам – Франции и Германии в борьбе за иностранных студентов (табл. 1).

Привлечение иностранных граждан на обучение позволяет решать широкий спектр задач на микро-, мезо-, и макроуровнях:

- повышение доходной части бюджета образовательной организации за счет оказания услуг на платной основе, что является ведущей статьей дохода российских вузов из иностранных источников [Академическая мобильность иностранных студентов в России 2016]. При этом деньги, которые учебные заведения зарабатывают на иностранных студентах, вносят ценный вклад в систему образования в целом, позволяя принимающей стране поддерживать и развивать инфраструктуру, которую она зачастую не могла бы себе позволить;
- стимулирование развития местной экономики, так как иностранные студенты оплачивают не только услуги вуза, но и несут расходы на проживание;
- наращивание объемов сырьевого экспорта, формирование активного платежного баланса. Так, согласно отчету Всемирной туристской организации, в США проходившие обучение в 2013/14 уч. г. 886 052 иностранных студента и их семьи поддержали создание 340 тысяч рабочих мест и внесли 26,8 млрд долларов США в американскую экономику. В Великобритании иностранные студенты внесли в развитие британской экономики около 17,5 млрд фунтов стерлингов, что привело к созданию около 22 тыс. рабочих мест на условиях полного рабочего времени. В 2014 г. иностранные студенты, обучавшиеся в австралийских вузах, обеспечили дополнительные экспортные доходы страны в размере 17 млрд австралийских долларов [World Tourism Organization 2016];
- восполнение дефицита абитуриентов в условиях демографического спада за счет иностранцев;
- продвижение бренда вуза на мировом образовательном рынке.

Таблица 1

Страны-лидеры на мировом рынке образования в 2014–2017 гг.*

Страны	2014		2015		2016		2017	
	Число иностранных обучающихся, чел.	Доля, в %	Число иностранных обучающихся, чел.	Доля, в %	Число иностранных обучающихся, чел.	Доля, в %	Число иностранных обучающихся, чел.	Доля, в %
1. США	842 384	18,7	907 251	19	971 417	19	984 897	18,6
2. Великобритания	428 724	9,5	430 833	9	432 001	8,5	435 734	8,2
3. Австралия	266 048	5,9	294 438	6,2	335 512	6,6	381 202	7,2
4. Франция	235 123	5,2	239 409	5	245 349	4,8	258 380	4,9
5. Германия	210 542	4,7	228 756	4,8	244 575	4,8	258 873	4,9
6. Россия	213 347	4,8	226 431	4,7	243 752	4,8	250 658	4,7
7. Канада	164 274	3,7	171 603	3,6	189 478	3,7	209 979	4
8. Япония	132 685	3	131 980	2,8	143 457	2,7	164 338	3,1
9. Китай	108 217	2,4	123 127	2,6	137 527	2,7	157 108	3
10. Турция	48 183	1,1	72 178	1,5	87 903	1,7	108 076	2
Другие страны	1 845 642	41	1 960 186	40,8	2 060 923	40,5	2 099 995	39,6
Всего	4 495 169	100	4 786 192	100	5 091 894	100	5 309 240	100

Источники: ЮНЕСКО

* Суммы могут не совпадать из-за ошибок округления

В России вопрос расширения экспорта образовательных услуг определен в качестве приоритета национальной политики в области образования. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в числе показателей развития национальных проектов заявлено увеличение не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в российских вузах и научных организациях. При этом в качестве основных механизмов поддержки экспорта российского образования в федеральном проекте «Экспорт образования», паспорт которого утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 3 сентября 2018 г. № 10), обозначено продвижение информации о возможностях получения образования в России через систему летних и зимних школ, зарубежных филиалов и представительств российских организаций, ведущие средства массовой информации (СМИ) и др.

Исходя из проекта Приказа Министерства науки и высшего образования РФ «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования и работы их руководителей, находящихся в ведении Министерства науки и высшего образования Российской Федерации», планируется внести изменения в оценочные значения выполнения различных показателей эффективности, в том числе по критерию «Удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)» (табл. 2).

Таким образом, в случае вступления в силу данного приказа российским вузам предстоит усилить свою работу в международном направлении с целью увеличения контингента иностранных студентов.

Следует отметить, что в сегменте высшего образования за последние 10 лет число иностранных обучающихся в российских вузах выросло почти в 2,5 раза (рис. 1.) [Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации 2019, с. 40].

Основными инструментами, которые используются российскими вузами с целью продвижения на мировом рынке образовательных услуг, являются:

- разработка и внедрение в вузах образовательных программ в партнерстве с зарубежными университетами и научными организациями;
- заключение партнерских соглашений с зарубежными вузами и ассоциациями университетов о реализации академической мобильности обучающихся, в том числе программ двойного диплома;

Таблица 2

Сравнение действующих на основании приказа Министерства образования и науки РФ от 23 января 2018 г. № 41 значений показателя эффективности российских вузов в области международной деятельности и планируемых к утверждению

Наименование показателя	Оценочные значения выполнения показателей эффективности		Максимальное количество баллов	
	Действующие	Планируемые	Действующие	Планируемые
Удельный вес численности иностранных студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент)	менее 7%	до 5%	0	0
	7% и более	от 5% до 10,5%	12	от 0 до 12
		от 10,5%		12

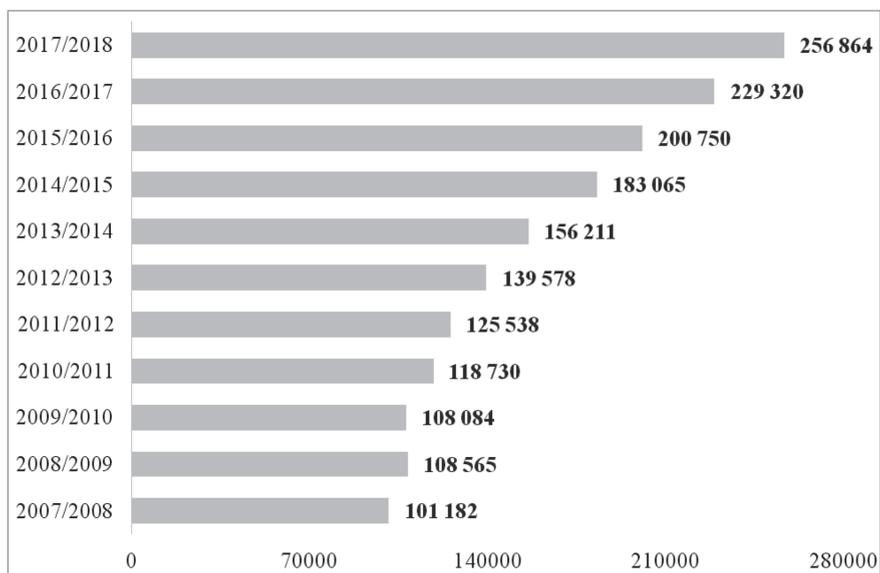

Рис. 1. Динамика общей численности иностранных граждан, обучающихся в российских вузах в 2007/08–2017/18 уч. гг., человек

- привлечение внешних поставщиков рекрутинговых услуг. Так, например, 24 апреля 2019 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Тверским государственным университетом и группой компаний «Центр международного образования» с целью повышения экспортного потенциала образовательных услуг;
- участие в зарубежных образовательных конгрессно-выставочных мероприятиях;
- интернет-рекрутинг: размещение на порталах www.masterstudies.com, www.topuniversities.com, сайтах вузов-партнеров информации об образовательных программах, реализуемых в российских университетах;
- проведение профориентационных мероприятий для аудитории стран ближнего и дальнего зарубежья на базе российских центров науки и культуры, созданных федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество);
- организация краткосрочных программ и курсов включенного обучения.

Наиболее востребованными у иностранных граждан являются направления подготовки в области инженерно-технических наук, медицины и фармации, экономики и управления, гуманитарных наук. Также в топ-5 рейтинга пользующихся спросом у иностранцев специальностей входит «Русский язык» (рис. 2) [рассчитано по: Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации 2019, с. 43].

При этом за период с 2016/17 по 2017/18 уч. г. наиболее сильный рост количества принятых иностранных студентов пришелся на направления подготовки в области образования и педагогики (около 67%), гуманитарно-социальные образовательные программы «не досчитались» около 8% иностранных студентов по сравнению с 2016/17 уч. г.

Анализ страновой принадлежности иностранных студентов позволяет сделать вывод о сложившейся специализации российской системы высшего образования, ориентированной в основном на государства так называемого ближнего зарубежья (за исключением стран Балтии) (рис. 3) [рассчитано по: Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации 2019, с. 23–29].

При этом наибольший вклад в удельный вес иностранных студентов из СНГ и стран ближнего зарубежья вносят среднеазиатские республики – Казахстан, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан.

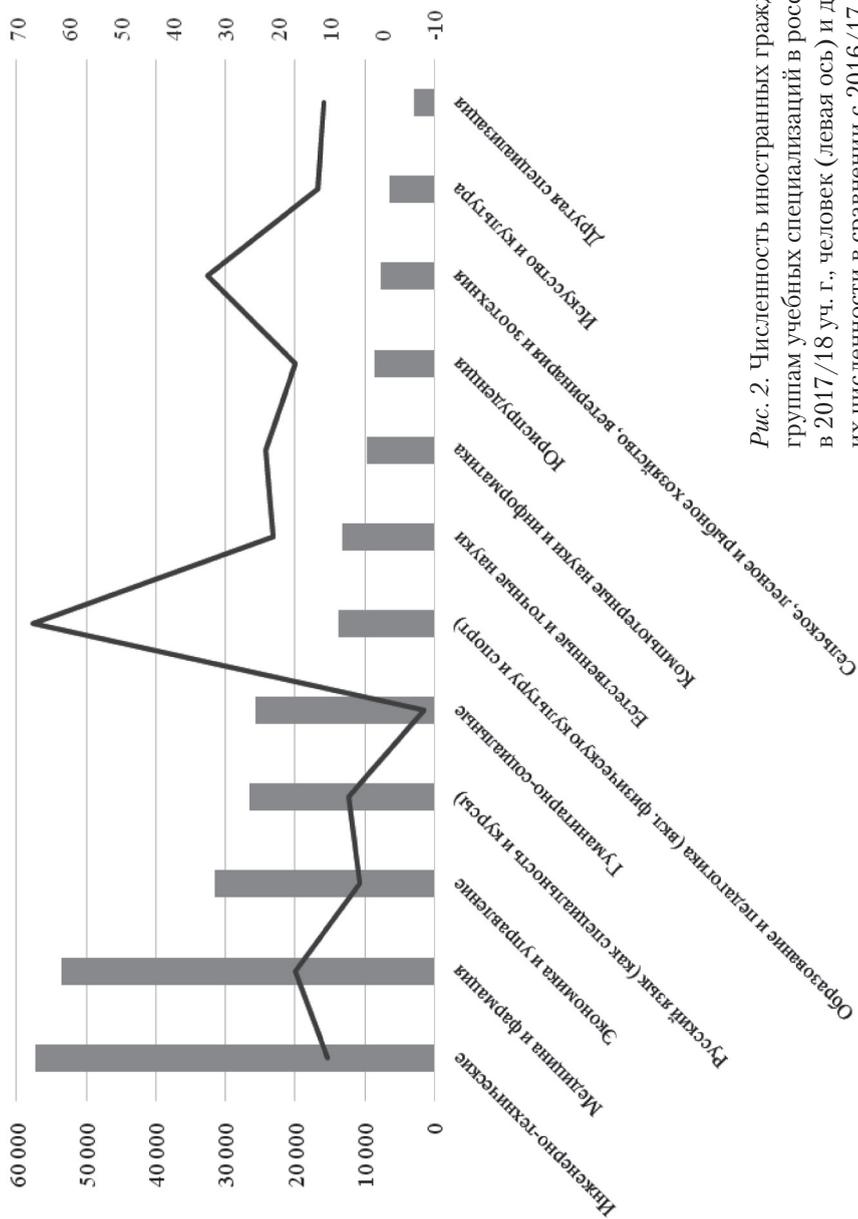

Рис. 2. Численность иностранных граждан по укрупненным группам учебных специализаций в российских вузах в 2017/18 уч. г., человек (левая ось) и динамика изменения их численности в сравнении с 2016/17 уч. г., % (правая ось)

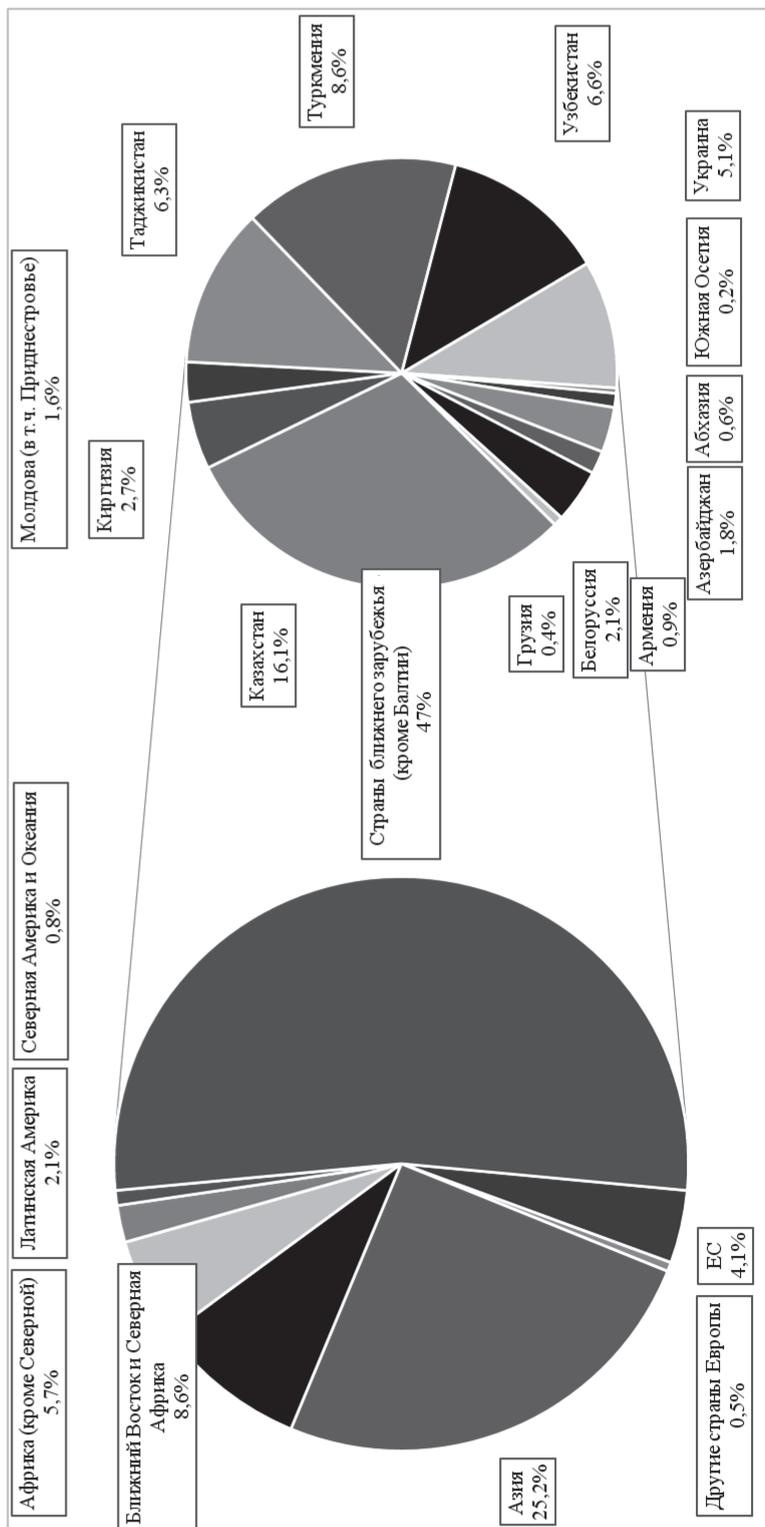

Рис. 3. Доля иностранных граждан из различных регионов мира, обучающихся в российских вузах в 2017/18 уч. г., %

Как показывают результаты исследований, основными мотивами, которыми руководствуются студенты из стран СНГ при выборе российских вузов, являются возможность изучения русского языка, перспективы трудоустройства и натурализации в Российской Федерации, престижность российского образования и низкая по сравнению с национальными вузами стоимость обучения [Бикбова, Ригина 2017, с. 154]. Кроме того, обучение студентов из стран ближнего зарубежья может осуществляться на бюджетной основе на условиях общего приема и по международным договорам [Аржанова, Воробей 2016, с. 7]. При этом, согласно п. 5 ст. 17 Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», статус иностранных абитуриентов при приеме на обучение по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам может быть приравнен к статусу граждан Российской Федерации при условии представления ими документов или иных доказательств, подтверждающих гражданство СССР, проживание в прошлом на территории Российского государства, родство по прямой восходящей линии и др.

Таким образом, иностранных граждан из бывших республик СССР можно рассматривать в качестве основных потребителей российских образовательных услуг, заинтересованных в получении высшего образования на русском языке.

Исходя из анализа ряда исследований по обозначенной проблеме, можно выделить сильные, слабые стороны российской системы экспорта образования на русском языке, а также внешние факторы – возможности и угрозы, которые, в частности, связаны с вызовами глобализации.

К преимуществам, которые усиливают экспортный потенциал российского образования на русском языке, следует отнести:

- конкурентоспособный уровень качества технического и естественнонаучного образования. Ведущие российские вузы – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Новосибирский государственный университет, Московский физико-технический институт, Национальный исследовательский Томский политехнический университет и др. представлены в отраслевых рейтингах Times Higher Education (THE), QS World University Rankings и др. При этом одной из важных задач адаптации иностранных студентов к образовательной иноязычной среде в российских технических и инженерных вузах является разработка и успешное освоение профессионального тезауруса для более глубокого понимания своей профессии [Курьшева 2004, Капустина 2015];
- возможность поступления на бюджетные места на различные специальности. Ежегодно для иностранных граждан выделяются квоты на образование в российских вузах, которые включают бесплатное обучение в течение всего срока по выбранной специаль-

ности, ежемесячную стипендию, предоставление общежития. В 2019 г. было выделено 15 тыс. мест;

- возможность изучения русского языка. Российские вузы предлагают разные кратковременные и среднесрочные курсы по изучению русского языка – летние и зимние школы, обучение в дистанционном режиме, а также адаптационные лингвистические программы [Амлаев и др. 2016];
- наличие программ двойных дипломов. Показатели экспортной деятельности университета напрямую связаны с наличием программ двойных дипломов, а также степенью его интеграции в глобальные университетские сети, что свидетельствует о наличии конструктивных долгосрочных партнерских отношений с иностранными вузами и международном признании качества образования [Melikyan 2018].

К слабым сторонам, которые снижают привлекательность российского образования на русском языке, можно отнести:

- ограниченный характер информации о возможности получения образования в России. На протяжении ряда лет основными источниками информации для иностранных граждан о российском образовании остались неизменными – национальные министерства образования государств выезда будущих студентов, а также соотечественники – бывшие иностранные студенты этих вузов [Арефьев, Шереги 2014, с. 179–180];
- проблемы, связанные с интеграцией России в Болонский процесс, формирования единого пространства высшего образования с ЕС и признания дипломов российских вузов за границей;
- несовершенный механизм обеспечения мобильности студентов, необходимость оформления визы для граждан из ряда стран;
- недостаточно высокие позиции российских университетов в глобальных рейтингах. В результате, по оценкам представителей вузовского сообщества, выбор в пользу российских образовательных учреждений осуществляется иностранными гражданами по остаточному принципу: «Те, кто не поступил в американские, британские вузы, едут в российские». При этом российское образование выбирают «не самые хорошие иностранные студенты» [Думченкова 2019].

Глобализационные процессы значительно расширили образовательные возможности вузов. В частности, цифровизация образования и внедрение массовых открытых онлайн-курсов позволяют организовывать дистанционные формы обучения. В этой связи перспективным направлением деятельности, позволяющим расширить экспортные возможности российского образования следует считать разработку дистанционных программ и курсов русского языка и образовательных программ на русском языке для иностранных граждан как на площадках крупнейших провайдеров онлайн-курсов (Coursera, edX и др.), так и на базе Национальной платформы открытого образования.

При этом главным вызовом, с которым в ближайшее время столкнутся, по оценкам Организации экономического сотрудничества и развития, все системы высшего образования, является социальная трансформация в азиатских странах. В течение следующих 10 лет большая часть населения мира будет состоять из представителей среднего класса, и эта тенденция в значительной степени определяется Китаем и Индией. Это, в свою очередь, усилит давление на университеты, которые будут вынуждены в борьбе за более требовательных клиентов работать одновременно как над расширением контингента обучающихся, так и над улучшением качества образования [OECD 2019].

Основной угрозой для экспорта образования на русском языке следует считать сокращение количества изучающих русский язык иностранцев. Согласно докладу, подготовленному Центром социологических исследований (ФГАНУ «Социоцентр») по заказу Министерства просвещения Российской Федерации, число изучавших русский язык за последние тридцать лет сократилось с 74,6 млн человек в начале 1990-х гг. до 38,2 млн человек в 2018 г. [Губернаторов 2019].

Наиболее значимыми адаптационными проблемами для иностранных студентов, обучающихся в России, являются проблемы языковой адаптации и преодоления языкового барьера, а именно:

1. Лингвистические проблемы, связанные с овладением знаниями русского языка (особенности кириллического алфавита; правила русской грамматики; произношение трудных слов и звуков; смысловые сложности русских слов и выражений).
2. Проблемы изучения практического русского языка и прохождения тестирования по русскому языку как иностранному.
3. Проблемы изучения языка специальности.
4. Проблемы понимания речи преподавателя.

Для решения языковой проблемы, связанной с обучением иностранцев в России, упор делается не на увеличении числа образовательных программ и курсов на иностранных языках, а на популяризации русского языка, культуры и образования на русском языке. Все это требует проработки дополнительных мер, направленных на привлечение иностранных студентов на образовательные программы, реализуемые на русском языке.

Важным направлением является популяризация и продвижение образовательных программ отечественных вузов для иностранцев именно на русском языке.

Следует отметить, что результаты опросов свидетельствуют о высокой значимости положительных отзывов выпускников образовательных программ, которые являются важным источником для других иностранных абитуриентов. Кроме того, на федеральном и локальном уровне необходима активизация работы по обеспечению представления информации о возможностях отечественной системы образования на русском языке в сети Интернет.

В рамках проведенного исследования была разработана методика оценки официальных интернет-ресурсов отечественных вузов и проведена рейтинговая оценка для организаций с наибольшим числом иностранных студентов. Были выделены и опубликованы лучшие практики, которые могут стать основой для совершенствования официальных интернет-сайтов университетов на английском языке¹.

Таким образом, в настоящее время интернационализация образовательной деятельности является одним из приоритетов стратегического развития российских университетов. В России отмечается рост численности иностранных студентов, в особенности из бывших республик СССР, увеличение доли иностранных граждан в общем контингенте обучающихся.

Наиболее популярными у иностранных граждан являются инженерно-технические специальности, медицинские направления и программы, связанные с экономикой и управлением.

Преимущества привлечения иностранных абитуриентов лежат не только в экономической плоскости, но связаны с укреплением положительного имиджа университета за рубежом. При этом в деле повышения привлекательности российского высшего образования важную роль должны играть мероприятия по продвижению русского языка, достижений российской науки и культуры.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации Соглашения № 03.Z75.21.0053 от 29 сентября 2017 г. в рамках ФЦП «Русский язык» на 2016–2020 гг. в целях реализации мероприятия Программы: по направлению 4 «Развитие открытого образования на русском языке и обучения русскому языку»: активная информационная политика и продвижение ресурсов русского языка и образования на русском языке в средствах массовой информации, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Acknowledgements

The article was prepared within implementing the Agreement No. 03Z75.21.0053 dated September 29, 2017 as part of the FTP(Federal Target Program) “Russian Language” for 2016–2020 in order to implement the Programme’s endeavour in the section 4: “Development of an open education in Russian and teaching the Russian language” – active information policy and promotion of the resources of the Russian language and education in Russian in the media, including the information and telecommunication network “Internet”.

---

¹ Рекомендации по совершенствованию продвижения отечественного образования на русском языке высшими учебными заведениями (на платформах интернет-ресурсов университетов). Тверь, Тверской государственный университет, 2017. 43 с.

Литература

- Академическая мобильность иностранных студентов в России 2016 – Академическая мобильность иностранных студентов в России: Информационный бюллетень. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016. 13 с. (Факты образования, № 7)
- Амлаев и др. 2016 – *Амлаев К.Р., Знаменская С.В., Маяцкая Н.К.* Адаптация иностранных студентов к обучению в российском вузе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2016. № 4 (55). С. 169–173.
- Арефьев, Шереги 2014 – *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Иностранные студенты в российских вузах. Раздел 1: Россия на международном рынке образования; Раздел 2: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с.
- Аржанова, Воров 2016 – *Аржанова И.В., Воров А.Б.* Потенциал экспорта образования ведущими российскими университетами // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 6–17.
- Бикбова, Ригина 2017 – *Бикбова Л.Н., Ригина Н.А.* Мотивация иностранных студентов ближнего зарубежья при выборе российского вуза // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2017. Т. 9. № 1 (35). С. 152–156.
- Губернаторов 2019 – *Губернаторов Е.* Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1> (дата обращения: 29.11.2019).
- Думченкова 2019 – *Думченкова О.* Иностранцы выбирают вузы РФ по остаточному принципу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3635947> (дата обращения: 29.11.2019).
- Капустина 2015 – *Капустина О.Н.* Обучение иностранных студентов агрономических специальностей профессиональному речевому общению: проблемный подход: Дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2015. 253 с.
- Курышева 2004 – *Курышева Л.О.* Формирование готовности иностранных студентов инженерных специальностей к обучению в российских вузах: Автореф. дис. ... канд. пед. наук, Калининград, 2004. 19 с.
- Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации 2019 – Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Вып. 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2019. 208 с.
- Global Higher Education Market 2019 – Global Higher Education Market 2019–2023 [Online]. URL: <https://www.technavio.com/report/global-higher-education-market-industry-analysis> (Accessed 29 November 2019).
- Melikyan 2018 – Melikyan, A. (2018) Internal factors of education export performance in Russian universities, *Voprosy Obrazovaniya*, no. 3, pp. 146–179.
- OECD 2019 – OECD (2019) *Trends Shaping Education* [Online]. OECD Publishing, Paris, URL: https://doi.org/10.1787/trends_edu-2019-en (Accessed 29 November 2019).
- Strauss 2013 – Strauss, V. (2013). Global Education Market Reaches \$4.4 Trillion and is Growing [Online]. *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/answer-sheet/wp/2013/02/09/global-education-market-reaches-4-4-trillion-and-is-growing/> (Accessed 29 November 2019).

- Verger et al 2017 – Verger, A., Steiner-Khamsi, G. and Lubienski, C. (2017), “The emerging global education industry: analysing market-making in education through market sociology”, *Globalisation, Societies and Education*, vol. 15, no. 3, pp. 325–340, DOI: 10.1080/14767724.2017.1330141
- World Tourism Organization 2016 – *World Tourism Organization* (2016), *Affiliate Members Global Reports*, vol. 13: The Power of Youth Travel, UNWTO, Madrid.

References

- Akademicheskaja mobil'nost' inostrannyh studentov v Rossii. Informacionnyj byulleten' [Academic mobility of foreign students in Russia. Information Bulletin] (2016), Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki», Moscow, Russia (Fakty obrazovanija, no. 7).
- Amlaev, K., Znamenskaya, St., Mayatskaya, N. (2016), “Adaptation of foreign students to training at Russian universities”, *Vestnik Ssevero-Kavkazskogo federalnogo universiteta*, vol. 4 (55), pp. 169–173.
- Arfeev, A.L., Sheregi, F.Je. (2014), Inostrannye studenty v rossijskikh vuzah. Razdel pervyj: Rossija na mezhdunarodnom rynke obrazovanija. Razdel vtoroj: Formirovanie kontingenta inostrannyh studentov dlja rossijskikh vuzov [Foreign students in Russian universities. Section 1. Russia in the international education market. Section 2. Formation of the contingent of foreign students for Russian universities], Centr sociologicheskikh issledovanij, Moscow, Russia.
- Arzhanova, I.V., Vorov, A.B. (2016), “Potential for the education services export of leading Russian universities”, *University Management: Practice and Analysis*, vol. 6 (106), pp. 6–17.
- Bikbova, L.N., Rigina, N.A. (2017), “Motivation of foreign students from near abroad when choosing the Russian higher educational establishment”, *Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*, vol. 9, no. 1 (35), pp. 152–156.
- Global Higher Education Market 2019–2023* (2019) [Online]. URL: <https://www.technavio.com/report/global-higher-education-market-industry-analysis> (Accessed 29 November 2019).
- Gubernatorov, E. (2019), Chislo izuchajushhijh russkij jazyk v mire upalo v 2 raza so vremen raspada SSSR [The number of people studying the Russian language in the world has dwindled by 2 times since the collapse of the USSR] [Online]. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1> (Accessed 29 November 2019).
- Dumchenkova, O. (2019), Inostrancy vybirajut vuzy RF po ostatochnomu principu [Foreigners choose universities of the Russian Federation on the leftover principle] [Online]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3635947> (Accessed 29 November 2019).
- Kapustina, O.N. (2015), Obuchenie inostrannyh studentov agronomicheskikh special'nostej professional'nomu rechevomu obshheniju: problemnyj podhod [Training foreign students in agronomic specialties in professional speech communication. Challenging approach], Ph.D. Thesis, Pedagogy, Belgorod, Russia.
- Kuryshva, L.O. (2004), Formirovanie gotovnosti inostrannyh studentov inzhenernyh special'nostej k obucheniju v rossijskikh vuzah [Formation of the readiness of foreign engineering students to study at Russian universities], Ph.D. Thesis, Pedagogy, Kaliningrad, Russia.

- Obuchenie inostrannykh grazhdan v obrazovatel'nykh organizacijah vysshego obrazovanijah Rossijskoj Federacii: Statisticheskij sbornik. Vypusk 16 [Education of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation. Statistical Digest. Vol. 16], (2019), Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Centr sociologicheskikh issledovanij, Moscow, Russia.
- Melikyan, A. (2018) Internal factors of education export performance in Russian universities, *Voprosy Obrazovaniya*, no. 3, pp. 146–179.
- OECD 2019 – OECD (2019) Trends Shaping Education [Online]. OECD Publishing, Paris, URL: https://doi.org/10.1787/trends_edu-2019-en (Accessed 29 November 2019).
- Strauss, V. (2013). Global Education Market Reaches \$4.4 Trillion and is Growing [Online]. *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/answer-sheet/wp/2013/02/09/global-education-market-reaches-4-4-trillion-and-is-growing/> (Accessed 29 November 2019).
- Verger, A., Steiner-Khamsi, G. and Lubienski, C. (2017), “The emerging global education industry: analysing market-making in education through market sociology”, *Globalisation, Societies and Education*, vol. 15, no. 3, pp. 325–340, DOI: 10.1080/14767724.2017.1330141
- World Tourism Organization* (2016), *Affiliate Members Global Reports*, vol. 13: The Power of Youth Travel, UNWTO, Madrid.

Информация об авторах

Людмила Н. Скаковская, доктор филологических наук, профессор, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; Россия, 170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33; Skakovskaya.LN@tversu.ru

Information about the author

Lyudmila N. Skakovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Tver State University, Tver, Russia; bld. 33, Zhelyabova St., Tver, Russia, 170100; Skakovskaya.LN@tversu.ru

Курдская проблема в Ираке: история и современность

Анна И. Абалян

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности становления курдского национального самосознания и факторы, препятствующие формированию единой политической нации, среди которых выделяются разделение курдского этноса границами ближневосточных государств, в каждом из которых они являлись национальным меньшинством, отсутствие общего национального языка и письменности, религиозная дифференциация, кланово-племенная структура общества и другие. В качестве объекта исследования было выбрано курдское население Ирака, добившееся наиболее значительных успехов в борьбе за право на самоопределение среди национальных меньшинств стран Ближнего Востока, однако не получившего статуса независимого государства. Прослеживаются основные этапы развития курдского национального движения в Ираке, формирование и характеристика деятельности основных политических партий – Демократической Партии Курдистана и Патриотического Союза Курдистана, а также роль их лидеров М. Барзани и Д. Талабани. Анализируется ограничительная политика иракской центральной власти в отношении курдского национального меньшинства в XX – начале XXI в. и влияние региональных и международных акторов, использующих курдскую проблему для достижения собственных геополитических и стратегических интересов в регионе. В заключение дается оценка современному состоянию курдского вопроса в Ираке и перспективам его урегулирования.

Ключевые слова: курдское национальное меньшинство, Ирак, кризис в Персидском заливе, аль-Анфаль, Демократическая партия Курдистана (ДПК), Патриотический союз Курдистана (ПСК), право на самоопределение, культурная автономия

Для цитирования: Абалян А.И. Курдская проблема в Ираке: история и современность // Вопросы этнополитики. 2019. № 2. С. 124–139. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-124-139

The Kurdish issue in Iraq: history and modernity

Anna I. Abalian

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the main features of the formation of the Kurdish national identity and the factors that impede the formation of a single political nation, i.e. the division of the Kurdish ethnic group with the borders of the Middle Eastern states, where they constituted national minorities, the lack of a common national language and written language, religious differentiation, clan-tribal structure of society and others. The Kurdish population of Iraq was chosen as the object of research, having achieved the most significant successes in the struggle for the right to self-determination among national minorities in the Middle East, but did not receive the status of an independent state. The main stages of development of the Kurdish national movement in Iraq, the formation and characterization of the activities of the main political parties – the Democratic Party of Kurdistan and the Patriotic Union of Kurdistan, as well as the role of their leaders M. Barzani and D. Talabani are traced. The restrictive policy of the Iraqi central government towards the Kurdish national minority in the XX – early XXI century is analyzed, and the influence of regional and international actors using the Kurdish issue to achieve their own geopolitical and strategic interests in the region is estimated. In conclusion, the author suggests an assessment of the current state of the Kurdish issue in Iraq and the prospects for its settlement.

Keywords: Kurdish national minority, Iraq, the Persian Gulf crisis, al-Anfal, KDP, PUK, the right to self-determination, cultural autonomy

For citation: Abalian, A.I., (2019) “The Kurdish issue in Iraq: history and modernity”, *Issues of Ethnopolitics*, no. 2, pp. 124–139. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-2-124-139

Курдский народ, чья численность, по разным оценкам, составляет от 28 до 40 млн человек, представляет собой особую этническую группу индоевропейского происхождения, проживающую на территориях Ирана (Северный Курдистан), северного Ирака (Южный Курдистан), северо-восточной Сирии (Западный Курдистан) и восточной и юго-восточной Турции (Северный Курдистан), которые в целом составляют более 400 тыс. кв. км. Кроме того, около 2 млн курдов проживают в странах Южного Кавказа, Европе и Северной Америке. Несмотря на более чем двухтысячелетнюю историю существования, курдская национальная самоидентификация – осознание себя единой общностью – возникла лишь в конце XIX в. (параллельно с развитием идей пантюркизма и панарабизма), замещая существующие ранее уровни идентичности, как подданных Османской империи и Персии и членов единой религиозной общности (миллета). Формирование новой национальной идентичности, основой которой во многом послужило представление об общих древних, возможно, мифических предках

и горах как сакрализованной родине курдского народа, было сопряжено со значительными трудностями, большинство из которых сохраняют свою актуальность и на современном этапе.

Важнейшими факторами являлись неустановленность границ «Курдистана» – топонима, впервые возникшего при сельджуках в XII в. и с тех пор значительно расширившего свои географические рамки, однако не получившего международного признания, и разделение курдского этноса границами ближневосточных государств, в каждом из которых они являлись национальным меньшинством. Следствием этого стало отсутствие единого национального языка, письменности, литературы (возникшей только в 1920-е гг.) и религии. Двумя основными языками курдов являются *курманджи*, распространенный в северных районах Курдистана, и *сорани*, используемый на юге; также существует большое количество диалектов, включающих *гурани*, *заза* и другие. Кроме того, в разных районах проживания используются различные алфавиты: латиница – в Турции, персидский – в Иране и Ираке, кириллица – в ряде стран бывшего Советского Союза. Среди курдского населения существует и значительное религиозное разнообразие. Около 75% курдов исповедуют ислам суннитского толка; 5–7% населения – шииты, в меньшей степени распространены христианство, католичество, иудаизм, суфизм, алевизм. Отдельно следует выделить такое религиозное течение, как йезидизм, представляющее собой симбиоз древних языческих верований, дуализма, зороастризма, манихейства и иудейских, христианских и мусульманских элементов. Также серьезным препятствием для консолидации служила своеобразная структура курдского общества, где вплоть до середины XIX в. доминировала племенная культура, в отдельных случаях при сохранении кочевого образа жизни. Само слово «курд» в эпоху мусульманских завоеваний означало «кочевник»; в более поздний период этот этноним относился к членам курдоговорящих племен. Как отмечает российский исследователь М.С. Лазарев: «Эта незавершенность этнической консолидации современного курдского этноса, служащая источником его еще не преодоленной этносоциальной и этнокультурной разделенности, порождает негативные политические последствия и, может быть, главное из них – низкую политическую культуру как следствие культурной отсталости» [Лазарев 2006, с. 26]. Этому во многом способствовали замедленные процессы модернизации курдских сообществ. На более современном этапе проявились также серьезные идеологические разногласия между курдским населением, например Ирака, придерживающимся скорее неолиберальных/традиционных ценностей, и курдами Турции и Сирии с их доминирующими социалистическими/радикальными установками. Нельзя также не отметить влияние внешнеполитических акторов, разыгрывающих «курдскую карту» для достижения собственных стратегических интересов в регионе.

На современном этапе можно констатировать, что курды Ирака добились наиболее значительных успехов в борьбе за право на самоопределение среди курдских меньшинств других стран ближневосточного региона, так и не получив, однако, полной независимости, гарантированной еще странами Антанты в результате распада Османской империи. После окончания Первой мировой войны руководство коалиции, согласно концепции Вильсона о праве крупных этнолингвистических групп на самоопределение, включило в Севрский договор 1920 г. статью, предусматривающую предоставление курдам права на создание суверенного государства. Но в последующем Лозаннском договоре 1923 г. этот пункт не был закреплен, и, таким образом, курды превратились в одно из самых крупных национальных меньшинств на Ближнем Востоке, не имеющих независимого статуса.

Курдское освободительное движение зародилось на территории Турции, так как предполагаемый независимый Курдистан должен был возникнуть в восточной Анатолии. Курдское «восстание» или «война за независимость» в Анатолии против национальных правительств Турции и Ирана, а также Великобритании продолжалась около 12 лет и закончилась полным разгромом повстанцев турецкой армией в 1947 г. Когда стало очевидным, что создание суверенного курдского государства в этом стратегически и экономически важном регионе не входит в планы Великобритании, иракские курды также начали партизанскую войну, продолжавшуюся в 1930-е и 1940-е гг., но вновь не достигли каких-либо результатов.

Ситуация изменилась в середине 1940-х гг., когда СССР, желая укрепить свои позиции в северном Иране, оказал поддержку азербайджанским туркам и курдам в создании независимой республики Мехабад на территории Ирана (январь 1946 г.). За месяц до этого в декабре 1945 г. также под эгидой Москвы была создана Демократическая Партия Курдистана (ДПК), включающая иранское и иракское крыло. Главой партии, президентом и военным министром Мехабадской республики стал Мулла Мустафа Барзани, лидер курдского освободительного движения в Ираке. Он выступил со своими войсками против иранской армии, рассчитывая на помощь СССР, невзирая на минимальную вероятность того, что региональные силы – Турция, Ирак и Иран или Великобритания – признают просоветское курдское государство в самом центре этой важной стратегической зоны. После урегулирования отношений между Ираном и Советским Союзом и прекращения поддержки Москвой курдских националистов республика Мехабад вскоре прекратила свое существование, а ДПК перешла на нелегальное положение. Следует отметить, что, хотя курдская республика в результате была разгромлена иранскими войсками, основы ее существования изначально были подорваны племенными противоречиями внутри самой курдской среды. Мустафа Барзани с небольшой группой сторонников вынужден был бежать в СССР, где и скрывался до октября 1959 г., когда ему было разрешено

вернуться в Ирак после государственного переворота и установления республиканского режима в стране [McLaughlin 1977, p. 131]. Фактически это был едва ли не единственный период стабильности на внутрисоциальном уровне в Ираке.

С этого момента именно Ирак стал центром наиболее динамично развивающегося и политически активного курдского национального движения на Ближнем Востоке. С возвращением из ссылки Барзани начался новый этап противостояния, характеризовавшийся уже поддержкой со стороны шаха Ирана. Первоначально политика, проводимая иранским руководством, была связана с тем, что после свержения монархии в 1958 г. и укрепления контактов с СССР Ирак оказался фактически в изоляции, потеряв доверие как западных стран, так и арабских государств ближневосточного региона, включая даже радикально настроенные режимы Египта и Сирии. Тегеран воспользовался создавшимся положением для укрепления собственных позиций в регионе и предложил Мустафе Барзани использовать Иран как базу для подготовки антиправительственного восстания, открыв границу для перемещения курдских пешмерга (самоназвание курдских отрядов самообороны в Ираке), что являлось чрезвычайно важным для такого территориально замкнутого партизанского движения [Pelletiere 2001, p. 154]. Расчеты Тегерана оправдались и в том, что эта политика получила одобрение на Западе, и в том, что с начала 1960-х гг. курдское движение стало основным дестабилизирующим фактором в иракской внутренней политике.

Недолгое сотрудничество Барзани с новым премьер-министром Абдель Керимом Касемом и Иракской Коммунистической Партией привели к расколу Демократической Партии Курдистана, где Барзани и стоявшие за ним кланы придерживались идей курдского национализма, трайбализма, популизма и консерватизма, а левое интеллектуальное крыло во главе с Ибрагимом Ахмедом и Джалалем Талабани выступало за реформу ДПК, секуляризацию и демократический социализм. Проявлялись также серьезные разногласия по вопросам взаимодействия с центральной властью. В июле 1964 г. на 6-м Конгрессе ДПК противоречия достигли критической точки, Талабани и его сторонники были арестованы и выдворены в Иран.

В 1968 г. к власти в Ираке пришла Партия Арабского Социалистического Возрождения – БААС, объединявшая в своей идеологии принципы арабского социализма и панарабизма. Несмотря на декларируемые основателем партии Мишелем Афляком равные права для всех этнических и религиозных меньшинств под арабским правлением, политика нового режима оказалась более шовинистической, чем у ее предшественников, что привело к дальнейшей эскалации межэтнического конфликта. Являясь одним из основных дестабилизирующих факторов в Турции, Иране и Сирии, для Ирака курдский сепаратизм представлял особенную опасность, угрожая распадом всей страны на три образования – курдское, шиитское и суннитское. Это, в свою очередь, полностью изменило бы политический и эконо-

мический облик Ирака, учитывая, что примерно две трети нефтяных запасов страны приходилось на территорию, заселенную преимущественно курдами, и плодородные земли Курдистана были основой иракского аграрного сектора. Кроме того, курды Ирака составляли вторую по численности этническую группу после арабов.

Под влиянием продолжающегося кризиса в марте 1970 г. иракское правительство представило программу реформ, получившую название «Программа 11 марта 1970 г.», направленную на частичное изменение политического и культурного статуса курдского населения Ирака для прекращения длительной гражданской войны. После четырехлетних переговоров и консультаций было выработано соглашение, включающее в себя 15 пунктов. Наиболее важными из них представляются: признание существования курдской национальности; назначение курдского вице-президента; представительство курдов в правительстве, армии, полиции, органах законодательной власти и университетах пропорционально их численности; признание курдского вторым государственным языком; создание курдского университета в Сулеймании [McLaurin 1977, p. 136–137]. Эти предложения были самой большой уступкой режима, которой когда-либо добивались курды, и, по всей вероятности, они могли бы привести к окончанию противостояния. Но Тегеран не был заинтересован в урегулировании курдской проблемы и обратился к США и Израилю с предложением оказать финансовую помощь Барзани для организации нового мощного выступления. Вашингтон и Тель-Авив поддержали эту инициативу, и лидеру курдов была оказана военная помощь в размере 16 млн долларов [Pelletiere 1984, p. 164]. При личной встрече с Е.М. Примаковым Барзани прокомментировал свои взаимоотношения с Ираном следующим образом: «Я постучал за хлебом в один дом – мне отказали. Что мне, умереть с голоду? Я постучал в другой. Кто виноват – я или тот, кто мне отказал?» [Примаков 2006, с. 334].

Нельзя также не отметить тот факт, что решение о поддержке курдских националистов в Ираке было принято сразу же вслед за заявлением баасистского правительства о национализации Иракской нефтяной компании. Таким образом, представляется логичным предположить, что именно экономические интересы западных нефтяных компаний, до сих пор контролировавших объемы нефтедобычи и определявших ценовую политику в регионе, сыграли решающую роль в этой курдской кампании. Подтверждением этому может служить и заявление Барзани о том, что, добившись автономии, он предоставит иностранным нефтяным компаниям право на разработку месторождений на территории Курдистана. Позиция Израиля, в свою очередь, объяснялась стремлением использовать курдскую проблему в Ираке для ослабления одного из своих наиболее опасных противников на региональной арене.

Несмотря на современное техническое оснащение курдской армии (благодаря крупным поставкам вооружения из западных

стран), они тем не менее потерпели поражение от иракских правительственных войск. Связано это было как с военными просчетами Барзани, привыкшего к тактике партизанской войны, так во многом и с тем, что в критический момент Тегеран отказался выступить на стороне курдов, опасаясь обострения курдской проблемы в самом Иране в случае победы повстанцев. После поражения Движения сопротивления часть курдских повстанцев бежала в сопредельные Турцию и Иран, а другая часть укрылась в труднодоступных горных районах.

Это отчасти вынудило Иран и Ирак искать пути к компромиссу. Следствием ослабления напряженности стал закон № 33 от 1974 г. об образовании в Ираке Курдского автономного района. Тем не менее Барзани не был удовлетворен новообретенным статусом, так как этому сопутствовала своеобразная внутренняя колонизация иракского Курдистана, в ходе которой происходило переселение арабского населения в районы нефтеносного Киркука. В 1975 г. восставшие сторонники Барзани были разгромлены и нашли убежище в Иране, а ДПК в Ираке возглавил его сын Масуд Барзани. В этом же году другой курдский лидер, Джаляль Талабани, используя соперничество между баасистскими правительствами Ирака и Сирии, основал в Дамаске Патриотический Союз Курдистана, ставший, наряду с ДПК, главной политической силой курдского освободительного движения в Ираке. Эти партии во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг., когда практически все иракские силы были задействованы на иранском фронте, вновь установили частичный контроль над своими территориями. Кроме того, курдское население оказывало поддержку иранским частям в нападениях на пограничные иракские города, что не могло не вызвать жестких ответных мер со стороны правительства С. Хусейна.

Операция возмездия, осуществлявшаяся в 1987–1988 гг., получила символическое название «аль-Анфаль»¹, и возглавил ее двоюродный брат Саддама, министр обороны Ирака Али Хасан аль-Маджид, известный впоследствии среди курдов как «Али Анфаль», или «химический Али», за отданный им приказ об использовании в ходе операции химического оружия. Согласно плану операции «Анфаль», все мужчины-курды классифицировались как пешмерга и подлежали аресту и немедленному уничтожению без суда и следствия. Их семьи переправлялись в специальные лагеря, расположенные в пус-

---

¹ Буквальный смысл слова анфаль – добыча, но Саддам Хусейн, давая название этой операции, по своему обыкновению, использовал коранический термин. В Коране сура Аль-Анфаль посвящена битве при Бадре, решающему сражению пророка Мухаммада, где он с 300 мусульманами противостоял 900 мекканцам и одержал решительную победу, которая фактически привела к установлению «мусульманской теократии» в Аравии. Название суры объясняется тем, что побежденные мекканцы спасаются бегством, захватив с собой добычу, но их настигают и убивают.

тыне, а их селения сжигались и сравнивались с землей. В результате этой карательной операции было уничтожено около 50 000 курдов и сожжены тысячи деревень. Около 60000 курдов, оставшихся в живых, бежали на территорию турецкого Курдистана. Операция «Анфаль» осуществлялась в соответствии с древней курдской пословицей: «Если горы сровнять с землей, в тот же день не останется ни одного курда».

Несмотря на то что действия иракского правительства в ходе «Анфаль» представляли собой вопиющие нарушения прав человека и человеческого достоинства, детали этой кампании не скрывались, а объяснялись и даже оправдывались Багдадом необходимостью подавления внутренней оппозиции в стране, то есть отказом курдского населения признавать власть центрального правительства над Северным Ираком. Однако ряд документов, захваченных во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г., доказывают факты массовых убийств, нарушений прав человека, использование химического оружия против гражданского населения в масштабах, намного превышающих декларируемую необходимость [Spencer 2000, p. 115]. Соответственно, операция «Анфаль» может быть классифицирована как акт геноцида, а участие Ирака в подписании Конвенции против геноцида, а также более раннего Женевского протокола (1925), запрещающего использование химического оружия, явилось впоследствии основанием для обвинения Саддама Хусейна в преступлениях против международного права и нарушении основных прав собственного народа.

Разрушение курдских и ассирийских поселений в Северном Ираке и перемещение жителей вызвали широкую волну возмущения в западных странах, однако никаких практических шагов, несмотря на требования общественности, правительствами предпринято не было. В ежегодных докладах о соблюдении прав человека Государственного департамента США не указывалось точное количество жертв и масштабов разрушений в ходе карательной операции «Аль-Анфаль», что было связано с отказом иракского и турецкого правительств от проведения независимой экспертизы по акту геноцида. По поводу соблюдения прав человека отмечалось только, что они «весьма ограниченные», а не вовсе «несуществующие» [Human Rights in Iraq 1990, p. 105–106]. Также во время парижской конференции по вопросам химического оружия, которая проходила в январе 1989 г., речь шла только о газовых атаках и применении химического оружия в ходе ирано-иракской войны [Human Rights in Iraq 1990, p. 112–113].

Сразу же по окончании боевых действий в Персидском заливе четырнадцать из восемнадцати иракских провинций – около 70% населения – восстали против центральной власти. Постоянно повторяющиеся выступления курдских националистов и шиитов достаточно неожиданно были поддержаны также и суннитским меньшинством. Казалось, режим Саддама Хусейна вот-вот рухнет, но этого не произошло, и не последнюю роль в том, что иракский лидер

смог сохранить власть, как ни парадоксально, сыграла двойственная политика Соединенных Штатов. Они сняли ограничения на использование авиации, введенные после войны в Заливе, что позволило С. Хусейну подавить восстание, причем с чрезвычайной жестокостью – было уничтожено около 250 тысяч шиитов, курдские повстанцы приостановили выступления, узнав о применении Хусейном химического оружия. Администрация Дж. Буша, несмотря на обещания, не оказала поддержки восставшим, мотивируя это отсутствием соответствующих резолюций ООН. Однако, по всей вероятности, «было забыто, что американцы послали свои войска в зону Залива прежде, чем СБ ООН успел принять какие-либо решения, связанные с вторжением Ирака в Кувейт» [Rezun 1992, p. 109]. В этой связи достаточно странно, что США, утверждавшие, что одной из основных своих задач в период кризиса они видят свержение Саддама Хусейна, отказались способствовать этому, ссылаясь на отсутствие распоряжений со стороны ООН. Скорее всего, Вашингтон руководствовался рядом других соображений. Прежде всего администрация Буша рассчитывала на то, что С. Хусейн будет свергнут в результате готовящегося переворота, возглавляемого высшими офицерами из окружения самого диктатора, что явилось бы наилучшим выходом, так как сохранило бы твердую власть и целостность Ирака, а также установившийся баланс сил в регионе. «Разрешение на использование иракских ВВС в подавлении восстаний курдов и шиитов объяснялось желанием США оградить "суннитскую элиту", то есть высшие эшелоны армейского командования Саддама от неконтролируемых выступлений повстанцев с тем, чтобы дать им возможность совершить переворот» [Wurmser 1999, p. 10]. Правительство США отдавало себе отчет в том, что в противном случае свержение С. Хусейна неизбежно приведет к сильнейшим центробежным процессам и, в отсутствие твердого лидера, – к анархии в стране. Иракский диктатор крайне внимательно следил, чтобы не допустить появления в Ираке любой крупной фигуры, способной конкурировать с ним в борьбе за власть – большинство лидеров оппозиции либо были убиты, либо находились в изгнании.

Кроме того, большое значение имел баланс сил между религиозными, этническими, идеологическими группами, которые, по сути, выполняли функции групп интересов в политической жизни страны. Масштаб их влияния также регулировался Саддамом Хусейном, что обеспечивало хотя бы минимальный уровень стабильности в государстве. Крах центральной власти с высокой вероятностью привел бы к дезинтеграции Ирака, как это демонстрировали процессы, происходящие в Афганистане, Сомали, Либерии, а на более современном этапе и в Ливии, после падения правительства. Кроме того, подобная перспектива была чревата волной сепаратистских выступлений курдского меньшинства в Турции, Советском Союзе и Иране, что, несомненно, привело бы к дестабилизации государственных систем на Ближнем Востоке. Помимо этого, структурной слабостью

Ирака не преминули бы воспользоваться Сирия, Турция и, особенно, Иран, имеющие здесь собственные территориальные интересы. Таким образом, «результатом иностранного вмешательства стала бы ливанизация Ирака – последствия, которых Западу очень бы хотелось избежать» [Бикрауни 1993, с. 249].

Справедливость вышеизложенных оценок подтверждается развившимися центробежными процессами и кризисными явлениями на внутрииракской и региональной арене в целом, последовавшими за американским вторжением в Ирак 2003 г. и проведенной операцией по «смене режима». Многие исследователи сходятся во мнении, что рост террористической активности на Ближнем Востоке и, в частности, возникновение и распространение влияния ИГИЛ (запрещенной на территории РФ), а также эскалация военного конфликта в Сирии явились во многом следствием второй иракской кампании.

Таким образом, в результате выжидательной политики США в 1991 г. ни один из предполагаемых сценариев не реализовался. Сведения о готовящемся в иракской армии перевороте оказались не более чем намеренной дезинформацией, которую подготовил сам Саддам Хусейн. Курдское и шиитское восстания были подавлены. Несмотря на все прогнозы, иракский диктатор смог не только сохранить баасистский режим, но и постепенно укрепить свою власть и вернуть поддержку иракского населения.

В результате жестоких репрессий, которым подверглось население Курдистана в начале апреля 1991 г., началась массовая эмиграция курдов в район северных гор Ирака и соседние государства. Мировое сообщество развернуло пропаганду в осуждение политики С. Хусейна, обращая внимание ООН на беспрецедентность его действий. Премьер-министр Великобритании Дж. Мейджор предложил план по созданию «анклава безопасности» на севере Ирака, предназначенный для укрытия беженцев из Курдистана. В результате одобрения плана Мейджора ООН Дж. Буш заявил, что согласно резолюции № 688 СБ ООН, запрещающей иракскому правительству применять репрессии к населению страны, воздушные и наземные войска США, Франции и Великобритании будут обеспечивать безопасность курдского меньшинства в этом районе [Хамад 1999, с. 163]. На территорию Северного Ирака был введен 10-тысячный контингент американских войск, еще 11 тысяч были предоставлены странами-союзниками для проведения операции «Обеспечение Комфорта» («Provide Comfort»), что остановило иракскую кампанию, направленную против курдов. Однако в августе и сентябре того же года С. Хусейн вновь начал угрожать безопасности «анклава», послав военные соединения в северный Ирак, и вновь вынужден был отступить после угрозы Вашингтона ввести войска и не возобновлял своих попыток преследования курдов вплоть до 1996 г. Тем самым иракский лидер в очередной раз после операции «Буря в пустыне» продемонстрировал уступчивость перед лицом прямой военной угрозы со стороны США и их союзников. Нужно также отметить,

что «зона безопасности» к 1992 г. превратилась в базу формирования оппозиции против баасистского режима в стране, поддерживаемую западными спецслужбами.

Создание «анклава безопасности» в северном Ираке не имело столь единогласной поддержки мирового сообщества как инициативы американской администрации, связанные с уничтожением иракского оружия массового уничтожения. Западные государства-члены антииракской коалиции времен войны в Заливе полностью одобрили и приняли участие в создании «анклава», к ним присоединилась и Турция, опасавшаяся революционного влияния иракских курдов, бежавших на их территорию, на их собственное курдское население. Большинство же арабских стран выступили против формирования «зоны безопасности» в Ираке. «Сочувствуя курдам, они в большей степени опасались распада одной из крупнейших держав Ближнего Востока – не только из-за изменения регионального баланса сил, но и из-за того, что очередное вмешательство западных государств во внутриарабские отношения было реминисценцией их колониального прошлого. Многие арабы обвиняли также Запад в ведении политики “двойных стандартов”, лицемерно помогая курдам, в то время как Израиль притесняет палестинцев» [Вуман, Вахман 2000, р. 46].

По аналогии с «анклавом безопасности» в северной части Ирака в августе 1992 г. США и их союзники ввели запрет на использование авиации на юге Ирака в ответ на жестокое подавление восстания шиитов правящим режимом в 1991 г. Столь запоздалые меры были обусловлены опасениями администрации США, что их поддержка шиитов укрепит позиции Ирана – основного противника американских интересов в зоне Персидского залива, который имел давние и прочные связи с шиитской общностью Ирака. Это могло повлечь за собой усиление радикального шиизма, влияния которого опасались также другие арабские страны, например, Бахрейн, Кувейт и Саудовская Аравия, а также, вероятно, привести к попытке объединения иракских шиитов с Ираном. Последствия представлялись тем более серьезными, что шииты составляли большую часть населения Ирака. Кроме того, репрессии против шиитов, предпринятые Саддамом Хусейном, вызвали куда меньший резонанс среди западной общественности, чем проблемы курдов, что позволило избежать излишнего давления на процесс принятия решений.

Ограниченные меры США, направленные почти исключительно на обеспечение безопасности курдов, были в значительной степени выгодны Саддаму Хусейну, так как в отличие от курдского севера, который несколько раз, начиная с 1920-х гг., выходил из под контроля центрального правительства, восстановление влияния в Южном Ираке было крайне необходимо правящему режиму для сохранения целостности государства. В связи с этим Хусейн не вывел свои войска и жестоко подавлял малейшую попытку сопротивления на юге Ирака. В период с 1991 по 1995 г. погибли около 60 000 шиитов, прежде чем Хусейн полностью подчинил своей власти Южный Ирак. С 1992 по

1998 г. иракский лидер несколько раз нарушал введенные запреты, но эти провокации носили достаточно ограниченный характер.

С момента создания Соединенными Штатами «анклава безопасности» на севере Ирака в 1991 г., он являлся местом концентрации всех сил, находящихся в оппозиции к правящему баасистскому режиму. Традиционно конфликтующие между собой курдские партии, в особенности Демократическая Партия Курдистана (ДПК) и Патриотический Союз Курдистана (ПСК), в период с 1991 по 1994 г. проводили политику сближения, которая способствовала стабилизационным процессам в политической и социально-экономической ситуации в Курдистане. Объединившись, они смогли привлечь внимание более ста международных гуманитарных организаций для оказания помощи курдскому населению. Но летом 1994 г. произошедшие военные столкновения между двумя группировками вновь обострили существующие у них противоречия и привели к серьезной конфронтации.

С января 1995 г. иракский Курдистан был практически разделен на две части. Провинции Эрбиль, Сулеймания и некоторые городки Киркукской области находились под контролем ПСК. В этих районах (было) сформировано сепаратное правительство и административные органы под контролем ПСК, а провинции Доход и некоторые районы Эрбильской области контролировались ДПК [Хамад 1999, с. 166]. Подобная политическая нестабильность в Курдистане повлекла за собой вмешательство стран региона, в наибольшей степени заинтересованных в уменьшении американского влияния – Ирана и Сирии. В результате к концу 1995 г. ПСК, например, вынужден был действовать под патронажем Ирана. Этому способствовала также значительно меньшая заинтересованность США в «зоне безопасности» по сравнению с предыдущим периодом. Не сумев восстановить баланс между соперничающими курдскими группировками и воспрепятствовать дальнейшему распространению иранского влияния, значительно обострившему противоречия, к лету 1996 г. Соединенные Штаты объявили об отмене «анклава». Созданный вакуум власти вынудил руководство фракции ДПК, оказавшейся на грани уничтожения, обратиться за помощью к Саддаму Хусейну [Wurmser 1999, p. 26], не преминувшему воспользоваться созданным положением и изменить тот стратегический статус своего режима, который существовал с момента окончания войны в Персидском заливе.

29 августа 1996 г. Хусейн ввел 30–40-тысячный контингент и несколько сотен единиц артиллерии и танков на территорию бывшей «зоны безопасности». Иракские войска захватили большую часть северных районов, включая курдский город Эрбиль; арестовали сотни членов оппозиции, несколько тысяч человек были эвакуированы в США. Кроме победы над оппозицией, акция С. Хусейна поднимала его престиж внутри страны, что было особенно актуально на фоне очередных экономических трудностей, с которыми столкнулось иракское правительство вследствие действия санкций, а именно

необходимости принятия программы «нефть – в обмен – на продовольствие», которую долго откладывал С. Хусейн.

Перед вторжением Хусейна курдские лидеры предупреждали администрацию США о готовящемся нападении, рассчитывая на восстановление «зоны безопасности». В действительности американские представители дважды предупреждали С. Хусейна о серьезности последствий его вторжения, что могло расцениваться курдами как гарантия безопасности. Но политика США в этом районе изменилась и теперь диктовалась лишь соображениями гуманности, не затрагивая более ни американского престижа, ни стратегических интересов. Министр обороны Уильям Перри заявлял, что «северный Ирак не входит в сферу жизненных интересов безопасности США; это лишь вопрос человеколюбия; зоной американских интересов являются южные территории» [Wurmser 1999, p. 28]. Но даже несмотря на то что американцы не имели формальных обязательств перед ООН, согласно резолюции № 688, обеспечивать безопасность курдского «анклава», их предшествующая политика сделала вмешательство, хотя и достаточно ограниченное, «вопросом чести» и поддержания своего международного имиджа. Соединенные Штаты провели серию бомбардировок по не вполне понятным целям в большей мере – на юге, в меньшей – на севере и расширили зону действия запрета на использование авиации, вероятно, для затруднения перемещений иракских войск и облегчения контроля над правящим режимом. После американских ударов Хусейн вывел свои войска за границу «зоны безопасности», но в целом его вторжение не получило ни реального отпора, ни осуждения.

Ни западные, ни региональные союзники США не поддержали даже чисто символических операций в защиту курдского меньшинства. Арабские страны достаточно индифферентно относились к судьбе курдов; руководство Саудовской Аравии, например, полагало, что поддержка ПСК в борьбе против Саддама Хусейна лишь укрепит иранское влияние в Ираке. В целом же региональные правительства полагали участие войск Хусейна в гражданской войне в Курдистане внутренним делом Ирака, не требующим вмешательства Соединенных Штатов; в египетской печати подчеркивалось, что ни одна резолюция ООН не запрещает иракским войскам действовать в любой части страны (аш-Шарк аль-Аусат 24.09.1996). Западные страны также осудили действия США. Россия открыто критиковала бомбардировки Ирака и совместно с Китаем блокировала в Совете Безопасности ООН предложение Великобритании об осуждении военных действий С. Хусейна против курдов; к ним также присоединилась Франция. Япония и Германия поддержали США, но исключительно формально.

В сентябре 1998 г. курдские партии ПСК и ДПК при посредничестве США подписали Вашингтонское соглашение, которое символизировало окончание межкурдского противостояния. Соглашение включало в себя положения о федеративном устройстве Ирака и

включении в органы центральной власти представителей всех субъектов федерации, что составляло основное требование курдского населения. В результате длительного подготовительного процесса в 2002 г. было сформировано правительство на основе паритетного представительства. Достаточно динамично развивались социально-политические и экономические институты Южного Ирака, в частности, функционирование многопартийной системы, создание общественных и профсоюзных организаций, обеспечение прав национальных и религиозных меньшинств. Армянам, ассирийцам и туркоманам была предоставлена культурная автономия, включавшая открытие школ с преподаванием национальных языков наряду с арабским. Как отмечает Н.В. Степанова, сдвиги произошли и в психологическом состоянии курдского общества, которое в большей степени ощущало себя жителями фактически независимого Курдистана, нежели гражданами Ирака [Степанова 2005, с. 23].

Сотрудничество двух главных курдских движений в Ираке позволило Д. Талабани после свержения режима С. Хусейна занять пост президента Ирака в 2005 г. при активной поддержке М. Барзани, который, в свою очередь, стал президентом Иракского Курдистана. Свообразным итогом многолетней борьбы курдского народа за свои права стала принятая на всеобщем референдуме 15 октября 2005 г. Конституция Ирака, которая закрепила выдвинутую курдами идею федеративного устройства иракского государства, подтвердила все положения, касающиеся статуса Иракского Курдистана, а также права курдов и других этнических групп, проживающих в Иракском Курдистане, в том числе признание курдского языка наряду с арабским, официальным государственным языком. В политической, экономической, торговой и культурной областях Южный Курдистан получил возможность функционировать *de facto* независимо от Багдада, имея такие атрибуты государственности, как собственный флаг, гимн, президент, парламент, региональный свод законов, вооруженные силы (Пешмерга), а также реализуя внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность [Ханалиев 2018, с. 3]. Следует отметить, что после Садама Хусейна президентский пост в Ираке последовательно занимали три представителя курдского этноса: Д. Талабани (2005–2014), Ф. Масум (2014–2018) и Б. Салех (2018 – н. в.).

Однако несмотря на то что проект Южного Курдистана является наиболее успешным на сегодняшний день, события последних нескольких лет показывают, что при сохранении существующих противоречий: между центральной властью в Багдаде и региональной в Эрбиле, например, в вопросах распределения доходов от экспорта нефти в Киркуке и непризнании результатов референдума 2017 г. о независимости Курдистана Верховным Судом Ирака; традиционного соперничества ДПК и ПСК в Курдистане; снижения поддержки населением этих партий, проявившейся в ходе парламентских выборов в Ираке в мае 2018 г., концентрации власти в руках клана

Барзани; а также влияния региональных держав и внешних акторов, манипулирующих курдским вопросом для достижения собственных геополитических целей, этнополитический конфликт в Ираке не будет урегулирован в ближайшей перспективе.

Литература

- Бикраруни 1993 – *Бикраруни К.* Мин харб Любнан иля харб-иль-халидж [От Ливанской войны до войны в Заливе]. Бейрут, 1993 (на араб. языке).
- Лазарев 2006 – *Лазарев М.С.* Внутрикурдские конфликты: происхождение и развитие // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века / отв. ред. О.И. Жигалина. М.: ИБВ, 2006, 342 с.
- Примаков 2006 – *Примаков Е.М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Российская газета, 2006.
- Степанов 2005 – *Степанова Н.В.* Курдская проблема в Ираке. М.: МГИМО, 2005.
- Хамад 1999 – *Хамад Д.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1975–1991 гг.). СПб., 1999.
- Ханалиев 2018 – *Ханалиев Н.У.* О дилеммах и перспективах независимости Иракского Курдистана // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 30.10.2019).
- Byman D., Waxman M. 2000 – *Byman D., Waxman M.* Confronting Iraq: US Policy and the Use of Force since the Gulf War. Washington, 2000.
- Human Rights in Iraq 1990 – Human Rights in Iraq. Middle East Watch. New Haven; London, 1990.
- McLaurin 1977 – *McLaurin R.D.* Foreign Policy Making in the Middle East: Domestic Influence on Policy in Egypt, Iraq, Israel and Syria. New York: Praeger, 1977.
- Pelletiere 2001 – *Pelletiere S.* Iraq and the International Oil System. Westport, 2001.
- Pelletiere 1984 – *Pelletiere S.* The Kurds: An Unstable Element in the Gulf. Boulder, CO, 1984.
- Rezun 1992 – *Rezun M.* Saddam Hussein's Gulf Wars. Ambivalent Stakes in the Middle East. London, 1992.
- Spencer 2000 – *Spencer W.* Iraq: Old Land, New Nation in Conflict. Brookfield, 2000.
- Wurmser 1999 – *Wurmser D.* Tyranny's Ally: America's Failure to Defeat Saddam Hussein. Washington, 1999.

References

- Bikraruni, K. (1993), *From the War in Lebanon till the War in the Gulf*. Beirut (in Arabic).
- Byman D., Waxman M., (2000) *Confronting Iraq: US Policy and the Use of Force Since the Gulf War*, Washington, USA.
- Hamad D., (1999), *National Liberation Movement in Iraqi Kurdistan (1975–1991.)* St. Petersburg, Russia.
- Human Rights in Iraq. Middle East Watch* (1990), New Haven and London, USA, GB.
- Khanaliev, N.U. (2018), “On the dilemmas and prospects of independence of Iraqi Kurdistan”. *The Bulletin of Moscow State Regional University* (electronic journal), no. 1, URL: www.evestnik-mgou.r

- Lazarev, M.S. (2006), *Kurdsii vopros v Zapadnoi Azii v nachale 21 veka* [Intra-Kurdish conflicts: origin and development]. IBV, Moscow, Russia.
- McLaurin, R.D. (1977), *Foreign Policy Making in the Middle East: Domestic Influence on Policy in Egypt, Iraq, Israel & Syria*, Praeger, New York, USA.
- Pelletiere, S. (2001), *Iraq and the International Oil System*. Westport, USA.
- Pelletiere, S. (1984), *The Kurds: An Unstable Element in the Gulf*. Boulder, CO.
- Primakov, E.M. (2006), *Confidential: Middle East on the stage and behind the curtains (second half of the 20th century – beginning of the 21st century)*. Rossijskaya gazeta, Moscow, Russia.
- Rezun, M. (1992), *Saddam Hussein's Gulf Wars. Ambivalent Stakes in the Middle East*. London, GB.
- Spencer, W. (2000), *Iraq: Old Land, New Nation in Conflict*. Brookfield.
- Stepanova, N.V. (2005), *Kurdsкая проблема в Ираке* [Kurdish issue in Iraq]. MGIMO, Moscow, Russia.
- Wurmser, D. (1999), *Tyranny's Ally: America's Failure to Defeat Saddam Hussein*. Washington, USA.

Сведения об авторе:

Анна И. Абалян, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7.

Information about the author:

Anna I. Abalian, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 15.12.2019.

Формат 70×100¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 11,9. Усл. печ. л. 11,3.

Тираж 1050 экз. Заказ № 694

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru